

**Религиозная организация – духовная образовательная организация
высшего образования
Русской Православной Церкви
«Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»**

На правах рукописи

Агеев Евгений Анатольевич (иерей)

**ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ГОНЕНИЙ НА МАТЕРИАЛАХ
ХОПЕРСКОГО И УСТЬ-МЕДВЕДИЦКОГО ОКРУГОВ В 1917-1930 ГГ.**

26.00.01 «Теология»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата теологии

Научный руководитель:

кандидат исторических наук,

доцент

Мраморнов Александр Игоревич

Москва-2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1921 гг.).....	48
1.1. Характеристика церковной жизни накануне революционных событий 1917 г.....	48
1.2. Приходская жизнь во время революции и Гражданской войны	54
1.3. Органы церковного самоуправления во время Гражданской войны	70
1.4. Гонения на духовенство в ходе боевых действий Гражданской войны	82
ГЛАВА 2. ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1920–1930 гг.).....	98
2.1. Кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г.	98
2.2. «Обновленческий» раскол.....	118
2.3. Приходская жизнь в 1920–1930 гг.....	149
2.4. Последние годы существования и закрытие Усть-Медведицкого Преображенского монастыря.....	174
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	190
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой попытку систематического исторического исследования церковной жизни на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов, до Гражданской войны входивших в Область Войска Донского и сохранявших свою территорию до 1930 г.

Для исследования избрана Урюпинская епархия, являющаяся местом служения автора. Эта епархия входит в состав Волгоградской митрополии и включает в себя центральные и северо-западные районы современной Волгоградской области. В историческом аспекте территория епархии большей частью представляет собой земли двух северо-восточных округов Области Войска Донского – Хоперского и Усть-Медведицкого. Эти округа, населенные преимущественно донскими казаками, существовали как обособленные территориальные единицы с начала XIX в. до 1930 г. После окончания Гражданской войны оба округа были переданы из Донской области в новообразованную Царицынскую губернию. Вслед за переименованием Царицына в Сталинград, в 1925 году было изменено наименование губернии. В 1928 году Сталинградская губерния стала областью в составе Нижне-Волжского края. В ходе административно-территориальной реформы в 1928 г. Усть-Медведицкий округ был включен в состав Хоперского, упраздненного двумя годами позже. Упразднение Хоперского округа как административно-территориальной единицы определяет верхнюю временную границу исследования.

Нижней границей исследования служит 1917 г., время кардинальных изменений в жизни российского государства и общества, и в том числе, в жизни церкви. Хронологические рамки исследования включают в себя революционные события 1917 г., Гражданскую войну, период установления советской власти на

Дону и начало массовой коллективизации. Значительная часть донских казаков встала на путь противостояния советской власти, что определило специфику происходивших в этом регионе событий. Основным содержанием церковной жизни в эти годы становятся гонения со стороны новой власти и попытки выживания в условиях этих гонений.

Архиерейский собор Русской Православной Церкви в феврале 2011 года принял постановление: «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших»¹. В нем сказано, что важной задачей Церкви является память не только о прославленных святых, но и всех невинных жертв репрессий. Церковь призывает общество сохранить «память об этих трагических страницах истории»² и приложить усилия к усвоению духовных плодов подвига новомучеников. Исследование гонений на церковь ставит своей задачей не только увековечивание памяти пострадавших, но и осмысление исторического пути России.

Годы гонений явились особо значимым периодом в жизни, как церкви, так и российского общества, и многие процессы, начавшиеся в те годы, имеют ощутимые последствия в наше время. В частности, значимыми продолжают оставаться для всего общества отношения между церковью и государством. Особое внимание со стороны различных общественных институтов к церковно-государственным отношениям связано с продолжающимся расширением участия церкви в жизни общества. Это участие было прервано в послереволюционные годы, и сейчас идет активный поиск его исторических и новых форм. В церкви и в обществе продолжается дискуссия относительно оптимального места церкви в жизни общества, во многом опирающаяся на исторический опыт России. В контексте такого поиска представляется важным продолжение изучения наиболее проблемного периода как внутрицерковной жизни, так и церковно-

---

¹ О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших // Материалы Архиерейского собора 2011 г. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru>. Проверено 20 октября 2016 г.

² Там же.

государственных отношений первых послереволюционных лет. В то время церковно-государственные отношения отличались неприкрытой враждебностью, против духовенства и верующих предпринимались репрессии, происходило уничтожение церковной жизни и созданных при непосредственном участии Церкви объектов культурно-исторического наследия, а также социально-хозяйственной инфраструктуры, разрушался традиционный уклад жизни общества. Это повлекло за собой серьезные исторические последствия – падение морально-этических ценностей и стандартов, значительно искажившее духовный и культурный облик российского народа.

Проблема взаимоотношений государства и общества с Церковью требует дальнейшего изучения в историческом аспекте с привлечением методов исторической науки. В то время как государственно-церковные отношения на уровне центральных органов власти и высшего священноначалия, а также деятельность руководящих органов церкви сравнительно хорошо изучены и продолжают изучаться, имеется существенный недостаток в степени исследования церковной жизни на уровне отдельных приходов и епархий, отношения религиозных общин с местными властями. Детализация исследования религиозной жизни в регионах России поможет понять процесс и характер рецепции общегосударственных и общецерковных процессов на локальном уровне. При проведении таких исследований на уровне отдельных регионов и их исторически обусловленных частей требуется привлечение широкого круга разнообразных источников. При правильном применении современных источниковедческих методов такие исследования позволят существенно повысить объективность наших представлений о критическом периоде церковно-государственных отношений, об особенностях церковной жизни в российской провинции и о местной специфике отношений с государственной властью.

Одной из основных проблем при изучении периода гонений на Церковь представляется вопрос о неизбежности конфликта между властью и верующими, а также степени такой конфликтности, поскольку не везде и не всегда этот

конфликт доходил до уровня репрессий. Особый интерес представляют процессы внутри Церкви под влиянием революционных событий в жизни общества – изменения как институциональные, так и мировоззренческие. Немаловажно осмысление степени вовлеченности православных людей, в том числе духовенства и монашествующих, в исторические события, как на уровне личного участия, так и на уровне рецепции, а также трансляции своего видения общественно-политических процессов.

Россия является многонациональным государством со значительными различиями в жизни регионов. При этом и революционные события с разной остротой проходили в разных ее частях. Наиболее интересным представляется рассмотрение экстремальных форм церковно-государственного конфликта. Одним из таких регионов представляется Донская область, ставшая ареной наиболее ожесточенных сражений Гражданской войны, а затем местом острого противостояния значительной части казачества с советской властью. Современное развитие церковной жизни в епархиях и приходах, связанное с образованием новых епархий, требует возможно более полного уяснения исторических особенностей регионов. В данном контексте представляется важным расширение знаний о местной специфике формирования и реализации церковно-государственных отношений в критический период, о практике повседневных отношений православных общин с властными органами, о конкретном содержании антицерковных мер на местах и подробностях применения репрессивных мер.

Актуальным представляется также исследование применения законодательных и нормативных актов в ходе репрессий, связанное с часто рассматриваемой проблемой фальсификации следственных дел репрессированных священнослужителей и прихожан. Действительно, формально преследования верующих при советской власти проводились не за религиозную веру, а за «контрреволюционную деятельность». Данная новелла советского законодательства трагично вторгалась в жизнь, как приходских общин, так и

отдельных личностей. Необходимо понимание того, что за этим обвинением скрывается различное миропонимание преследователей и их жертв. Для носителей менталитета, сложившегося под влиянием традиционного церковного учения и образа жизни, понятия о добре и зле, преступлении и невинности были иными, чем у революционеров, стремившихся «построить новый мир». При правильном изучении содержания показаний жертв антицерковных репрессий возможно лучше оценить степень фальсифицированности следственных дел и значимость содержащейся в них фактической информации. В таком ракурсе при недостатке других источников следственные дела могут стать ценным источником сведений о жизни Церкви в рассматриваемый период, а не только о следственных методах карательных органов. Это поможет обогатить историческую картину жизни Церкви и общества.

При рассмотрении и осмыслении исторических процессов, связанных с жизнью Православной Церкви нельзя забывать о необходимости не только научно-исторического, но и богословского осмысления. Кроме объективных исторических предпосылок событий, существует воля отдельных людей и их организаций, которая становится движущей силой истории. «Русская Православная Церковь считает своим долгом неустанно напоминать, что богоборчество и ненависть, в том числе социальная, являлись движущей силой репрессий, совершенных в годы революции, гражданской войны и всего трагического XX века»³, как говорится в документе «О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших». «Подвиг новомучеников и исповедников свидетельствует об их противостоянии богоборчеству, а не государству как таковому. Опираясь на опыт своих святых, Церковь убеждена, что в годы гонений верующие подвергались репрессиям, прежде всего за исповедание веры, верность

---

³ О мерах по сохранению памяти новомучеников, исповедников и всех невинно от богоборцев в годы гонений пострадавших // Материалы Архиерейского собора 2011 г. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru>. Проверено 20 октября 2016 г.

Господу Иисусу Христу и Его Церкви, а также каноническому строю Православия»⁴, – сказано далее.

Подводя итоги сказанному выше, можно отметить, что **актуальность исследования** заключается: во-первых, в необходимости систематического исторического исследования выбранного периода в рамках новообразованной епархии; во-вторых, в необходимости детального анализа церковно-государственных отношений в первые годы советской власти на местном уровне; в-третьих, в необходимости продолжения изучения жизни и страданий членов Церкви Христовой в условиях гонений XX в.

Степень изученности данной темы невысока и будет проанализирована в соответствующем разделе.

Новизна исследования состоит в отсутствии в настоящее время научных работ, в которых исследуется церковная жизнь территорий Области Войска Донского, переданных в состав иных административных единиц в годы Гражданской войны и в первые годы установления советской власти. Впервые в научный оборот вводятся документы церковного делопроизводства на уровне благочиннического совета, охватывающие вышеуказанный период, а также отдельные документы советских учреждений, осуществлявших надзор за церковными организациями и документы репрессивных органов. Данные документы подкрепляются свидетельствами личных дневниковых записей священнослужителей. Впервые используются документы Особой комиссии по расследованию действий большевиков за 1919 г., относящиеся к храмам на территории Усть-Медведицкого округа. Новым также является анализ юрисдикционной принадлежности религиозных организаций изучаемых округов в 1920-х гг. и вывод об отсутствии связи старообрядческого и обновленческого расколов на изучаемой территории.

Объектом данного исследования являются православные церковные общины, в том числе приходское духовенство, монашествующие и прихожане на

---

⁴ Там же.

территории Усть-Медведицкого и Хоперского округов в послереволюционное время – 1917–1930 гг.

Предмет исследования – деятельность и социально-правовое положение православных церковных общин, в том числе приходского духовенства, монашествующих и прихожан в условиях гражданской войны и первых лет советского государства Усть-Медведицкого и Хоперского округов.

Цели исследования – изучение церковной жизни на обозначенной территории в послереволюционные годы в условиях гонений со стороны советской власти.

Задачи исследования, определяющие структуру работы, включают в себя:

1. Дать характеристику церковной жизни в Хоперском и Усть-Медведицком округах по состоянию на начало исследуемого периода;
2. Исследовать процессы, происходившие в приходской жизни в годы революции и Гражданской войны на примере приходов Христорождественского храма станицы Урюпинской и Пантелеимоновского храма хутора Летовский;
3. Исследовать деградацию органов церковного самоуправления в годы Гражданской войны на примере Урюпинского и Филоновского благочиний;
4. Проследить негативное влияние на Церковь первых организованных новой властью гонений в ходе изъятия церковных ценностей в 1922-1923 гг.;
5. Исследовать причины и степень распространенности «обновленческого» раскола в Хоперском и Усть-Медведицком округах в 1920-х гг.;
6. Продолжить исследование негативных изменений в приходской жизни в первое десятилетие советской власти на примере приходов Покровского храма станицы Урюпинской и Пантелеимоновского храма хутора Летовский в 1920-х гг.;
7. Исследовать разрушение жизни монастырской общины на примере существовавшего в то время Преображенского Усть-Медведицкого монастыря в 1918-1930 гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. В 1917 г. и начале 1918 г. приходская жизнь на Среднем Дону активно развивалась, происходил поиск ее новых форм, повышалась активность духовенства и мирян. Негативное влияние на приходскую жизнь произвела Гражданская война, в результате последствий которой приходы потеряли значительную долю как клириков, так и мирян.
2. В условиях отрыва от центральных и епархиальных органов церковного управления, провинциальное духовенство вместе с младшими членами клира проявили высокую степень организованности и участвовали в деятельности местных органов церковного управления, предпринимая попытки решения проблем, выборности клира, совершения богослужений и треб, замены выбывших клириков и обеспечения приходов необходимым для богослужений. Боевые действия Гражданской войны практически парализовали деятельность этих органов.
3. В годы Гражданской войны на Среднем Дону не проводилось организованных гонений на духовенство и верующих. Жестокие расправы с клириками в ходе боевых действий чаще всего не документированы, что существенно затрудняет включение имен погибших в число новомучеников и исповедников Церкви Русской. Духовенство в целом стояло на стороне казачьей власти и часто покидало свои приходы с отступлением Белой армии. Красноармейские отряды за редкими исключениями относились к Церкви и духовенству враждебно, причиняя ущерб как приходскому имуществу, так и клирикам. Огромные потери казачьего населения в результате массового террора весной 1919 года не поддаются сколько-нибудь точному подсчету из-за отсутствия документов, так как Особая комиссия при Верховном Главнокомандующем ВСЮР не успела провести следствия в исследуемых округах.
4. Процесс адаптации Церкви к новому положению в государстве проходил на Среднем Дону после окончания Гражданской войны. Первая кампания советского

государства против Церкви – изъятие церковных ценностей в пользу голодающих – не причинило большого вреда донским приходам из-за малого количества ценностей, а также из-за проявленной поддержки кампании. Тем не менее, развязанная властями антицерковная агитация в условиях голода оказала негативное влияние на репутацию духовенства и приходскую жизнь.

5. Инициированный советской властью «обновленческий» раскол охватил подавляющее большинство общин и духовенства, в том числе из-за малой информированности и страха репрессий за поддержку белых. При этом в условиях «обновленческого» раскола предпринимались попытки сохранения церковной жизни. В процессе регистрации властями приходов, их количество несколько увеличилось. Тезис зарубежного историка Д. В. Поспеловского, поддержанный волгоградской исследовательницей О. Ю. Редькиной, о связи широкого распространения «обновленческого» движения со старообрядчеством в работе опровергнут в результате статистического и географического исследования распределения старообрядческих приходов.

6. Приходская и монастырская жизнь в 1920-х годах на Среднем Дону имела тенденцию к восстановлению после Гражданской войны и стабилизации в новых, хотя и значительно стесненных условиях. Верующие, составлявшие значительный процент населения, посещали храмы, поддерживали духовенство, формировали приходские активы. В конце 1920-х гг. советские власти путем сначала жесткого экономического притеснения, а затем и прямыми репрессиями по отношению к клирикам и активным прихожанам на начальном этапе коллективизации практически уничтожили большинство приходов. Единичные случаи сопротивления прихожан закрытию храмов только усугубляли общую тенденцию к уничтожению легальных церковных структур, приходских и монастырских общин.

Источниковедческая база исследования включает в себя опубликованные и неопубликованные архивные документы и будет охарактеризована ниже в соответствующем разделе.

Методология. Выбор применяемых в работе научных методов обусловлен целями и задачами исследования. Методология опирается на принципы научной объективности и историзма. Была предпринята попытка глубокого и подробного изучения различных источников. Для построения исторического повествования о церковной жизни в описываемых округах используются историко-типологический, историко-генетический, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Для изучения жизни и деятельности духовенства и мирян в годы гонений на Церковь используется биографический метод.

При исследовании приходских летописей производилась проверка на достоверность путем сопоставления описываемых событий с общим ходом событий революции и Гражданской войны, с распоряжениями органов власти. Летописи разных приходских храмов сравнивались между собой. Материалы Особой комиссии при ГК ВСЮР разделялись по географическому признаку. Производилось сравнение статистических дореволюционных данных с послереволюционными и современными. Трудность сравнения статистических данных состоит в существенном различии административно-территориального деления, по которому происходит формирование статистических данных. Для привязки современных данных к административно-территориальным единицам столетней давности использовался анализ по географическому признаку с разделением по муниципальным районам, а в отдельных случаях – по поселениям.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Одним из первых упоминаний в советской литературе гонений на церковь на Дону стала книга Б. П. Кандидова «Церковь и гражданская война на юге»⁵, в которой приводятся некоторые редкие документы, в частности, письмо донского архиепископа Митрофана (Симашкевича) Вселенскому патриарху, в котором рассказывается о гонениях против Церкви на Дону. Естественно, все факты в книге были подобраны так, чтобы обвинить церковь в «контрреволюции» и угнетении народа.

Публикации в изданиях русской эмиграции опирались преимущественно на материалы, относящиеся к периоду Гражданской войны, в том числе на материалы Особой комиссии по расследованию действий большевиков при Верховном главнокомандующем вооруженными силами на Юге России, вывезенные на Запад и хранившиеся в Русском историческом архиве в Праге. Историк и свидетель этих событий С. П. Мельгунов отмечал, что материалы Особой комиссии являются источником первостепенного значения «для характеристики большевизма в период 1918-1919 гг. и единственного для описания террора на Юге»⁶.

Первой публикацией документов свидетельств о гонениях на Русскую Церковь стала книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России. 1918-1922», изданная в 1924 г. в Берлине. Вскоре, в 1925 г. в Париже Русским национальным студенческим объединением была опубликована «Черная книга»⁷, в которой собраны подлинные свидетельства для характеристики преследования Церкви и

---

⁵ Кандидов Б. П. Церковь и Гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы Гражданской войны). М, 1931.

⁶ Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1922. Берлин, 1924 (современное изд.: М. 2006). С. 51.

⁷ Черная книга («Штурм небес»): Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. / Сост. А. А. Валентинов. Париж, 1925.

религии в советской России. Это сборник документов, подготовленный А. А. Валентиновым, во многом основан на публикациях в советской печати. В книге сделана попытка подробного описания антирелигиозного террора в годы Гражданской войны, судебных процессов над церковными иерархами, методов атеистического воздействия на народ. Составителем собраны устные и документальные свидетельства, обобщены материалы советской прессы, которая в первые годы советской власти была довольно откровенной в описании революционных «подвигов».

Протопресвитер Григорий Граббе (впоследствии епископ РПЦЗ) выпустил в 1961 г. книгу «Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом»⁸. Автор известен непримиримой антикоммунистической позицией и резкой критикой руководства Московской Патриархии за «сергианство».

Советская историография Православной Церкви послевоенного периода отличалась крайней тенденциозностью и, как правило, далеко отстояла от деятельности профессиональных историков, оставаясь уделом философов – сотрудников кафедр научного атеизма. Философы–атеисты, издавая крупные теоретические работы о религии, не освещали тему отношений советской власти и Церкви непосредственно, но касались ее в специальных разделах своих работ об эволюции этих отношений. Ими были определены методологические позиции, которые легли в основу советской историографии. Специалисты по научному атеизму, практически имея монополию на исследование данной темы, проводили исследования без взаимосвязи с другими учеными, в том числе профессиональными историками. Их труды практически не опирались на архивные источники, в них не использовался фактический материал, а повторялись известные по историографии предыдущих десятилетий факты и схемы. Практически во всех трудах этого направления характер государственно-церковных отношений и история самой Православной Церкви грубо искажались.

---

⁸ Граббе Г. Правда о русской церкви на родине и за рубежом. Jordanville, N.Y., 1961.

Современная историография по церковно-государственным отношениям в Советском Союзе характеризуется, в первую очередь, тем, что стали доступны архивные документы и практически исчезло идеологическое давление государства. Для исследователей стало возможно изучать открывающиеся в различных архивах источники и публиковать свои выводы без ограничений. Следует заметить, что при многочисленности опубликованных документов за прошедшие более чем два десятка лет, их исследование и публикация пока еще далеки от полноты.

Публикация документов началась с открытых посланий Святейшего Патриарха Тихона, вышедших отдельным сборником в 1990 г.⁹ Одной из первых попыток подбора и приведения в систему основных документов Русской Православной Церкви, в которых отражена жизнь церкви в период с 1917 по 1943 гг. является книга «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943»¹⁰. Сборник основывается на документах, готовившихся в 1940–1960-х гг. церковным историком и архивистом М. Е. Губониным, но их издание стало возможно только в 1990-х гг. Подготовленный на основе его трудов сборник впервые позволил оценить самоотверженность автора, собиравшего с 1920-х гг. исторические материалы, несмотря на величайший риск, с которым была тогда связана эта деятельность.

Основные сведения по расколам Русской церкви в 1920-х годах были собраны в книге А. Краснова-Левитина «Лихие годы»¹¹, изданной за границей. Исследование истории «обновленческого» раскола предпринято в книгах М. В. Шкаровского «Обновленческое движение в Русской Православной Церкви»¹² и сборнике под редакцией свящ. И. Соловьева «Обновленческий раскол: материалы

---

⁹ Послания Святителя Тихона Патриарха Московского и всея Руси. М., 1990.

¹⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943: Сб. в 2-х частях / Сост. М. Е. Губонин; Редакторы: В. Воробьев, прот., Дамаскин (Орловский), иером. М., 1994.

¹¹ *Краснов-Левитин А.* Лихие годы. 1925-1941. Париж, 1977.

¹² *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

для церковно-исторической и канонической характеристики»¹³. Ценные сведения по истории обновленческого раскола собраны в книге прот. В. Лавринова «Обновленческий раскол в портретах его деятелей»¹⁴.

Однако, до последнего времени исследования гонений на Церковь в годы советской власти преимущественно велись на центральном уровне. Немаловажным представляется историческое исследование ситуации жизни Церкви в различных регионах нашей обширной страны, которое, как можно смело сказать, только начинается. В различных регионах в последние годы начинают появляться серьезные исследования на тему гонений на Церковь. Так, например, среди вышеупомянутых публикаций из «Вестника ПСТГУ», половина посвящена региональным исследованиям¹⁵.

Особенно интересны для данной темы исследования, близкие географически к Волгоградской митрополии, как, например, публикация Табуницкой и Шадриной в «Вестнике ПСТГУ», посвященная закрытию церквей на Дону. Этим же авторам принадлежит книга «Церковные расколы в Донской области в 1920–1930-е годы»¹⁶, повествующая о том же времени в соседнем регионе. Следует обратить внимание на труды ростовского историка Ю. А. Бирюковой, автора ряда публикаций по истории Церкви на территории современной Ростовской области, особенно на ее монографию «Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах»¹⁷, описывающую церковно-государственные отношения на Дону (в пределах современной Ростовской митрополии) в 1920–1930-х гг. В ее исследованиях

¹³ Обновленческий раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И. В. Соловьев. М., 2002.

¹⁴ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.

¹⁵ Никитин И. В. Изъятие церковных ценностей в Оренбургской губернии в 1922 г. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2010. Вып. II: 1 (34). С. 26–40; Табуницкая Л. В., Шадрина А. В. К проблеме закрытия православных церквей на Дону в конце 1920-х – 1930-е гг. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 6 (49). С. 35–44.

¹⁶ Табуницкая Л. В., Шадрина А. В. Церковные расколы в Донской области в 1920–1930-е годы. Ростов-на-Дону, 2015.

¹⁷ Бирюкова Ю. А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 2012.

выявлены многие закономерности, которые являются схожими ввиду территориальной и этнокультурной близости изучаемых регионов¹⁸. В частности, Бирюкова исследовала документы Особой комиссии, и отметила, что ее «работа велась лучшими специалистами – профессиональными экспертами в области судебной медицины и права с участием иностранных наблюдателей»¹⁹. Она справедливо утверждает, что комиссия «была заинтересована в получении точных и достоверных сведений, поскольку информация другого характера потеряла бы свою значимость»²⁰.

В отношении историографии по исследуемой теме, относящейся собственно к Хоперскому округу, можно сказать, что она практически отсутствует. Поскольку в настоящее время эта территория входит в состав Волгоградской области, то отдельные упоминания о событиях церковной жизни Хоперского округа можно встретить в трудах волгоградских историков. При этом, конечно, главным предметом их внимания оставался Царицын–Сталинград. Так, В. И. Супрун и С. М. Иванов в своей книге о епархиях на территории Волгоградской области²¹, упоминают среди других и Хоперскую епархию, перечисляют некоторых церковных деятелей, архиереев.

Волгоградский историк С. П. Синельников посвятил некоторые свои статьи отражению церковно-государственных отношений рассматриваемого периода конкретно в Хоперском округе²². Ему принадлежит открытие уникального

¹⁸ Бирюкова Ю. А. Русская православная церковь на юге России в условиях Гражданской войны: проблемы адаптации к новым политическим условиям // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: Сб. трудов конференции. Ростов-на Дону, 2016. С. 434–441; Она же. Политика советского государства по организации и поддержке церковных расколов на Дону в 1920-е гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сборник. № 24. М., 2014. С. 91–95.

¹⁹ Бирюкова Ю. А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 79. С. 55–67. Ее же. Убит за то, что... поп. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России о гонениях на духовенство // ЖМП. 2018, № 8. С. 80.

²⁰ Там же.

²¹ Иванов С. М., Супрун В. И. Православие на волгоградской земле: епархии и епископы. Ч. 1–2. Волгоград, 2002.

²² Синельников С. П. Расцерковление донских казаков в 1920–1930-е гг.: На примере прихода Покровской церкви ст. Урюпинской Хоперского округа // Альфа и Омега. 2011. № 3(62). С. 84–113.

документа первых послереволюционных лет – приходской летописи Христорождественской церкви станицы Урюпинской²³.

Примером исследователя, поставившего перед собой задачу возможно более полного исследования жизни казачьих округов, оказавшихся включенными в Царицынскую–Сталинградскую губернию при ее образовании, является другой волгоградский историк С. И. Рябов, автор трехтомного справочника по историко-статистическому описанию поселений Хоперского, Усть-Медведицкого и Второго Донского округов за 1870–1916 гг.²⁴

Для других волгоградских авторов Хоперский округ, как и все казачьи районы области, находятся на периферии их трудов. Среди них необходимо назвать профессора Волгоградского госуниверситета В. А. Полякова, автора монографии о массовом голоде в Поволжье первых лет советской власти²⁵, который воспользовался материалами из архива Христорождественской церкви станицы Урюпинской. Профессор О. Ю. Редькина приложила много усилий к исследованию архивных документов первых лет советской власти, в том числе и по Хоперскому округу. Она также не прошла мимо темы голода первых лет советской власти²⁶, подробно исследовала клировые ведомости Хоперского округа²⁷. В своей монографии о сельскохозяйственных религиозных коммунах 1920-х гг.²⁸ она осветила многие факты послереволюционной жизни донских монастырей, в том числе Усть-Медведицкого Преображенского женского монастыря и его подворья в станице Урюпинской. Ей также принадлежат

²³ Синельников С. П. Смутное время 1913–1920 гг. глазами священника. Церковноприходская летопись Христорождественской церкви и прихода Урюпинского ярмарочного поселения, составленная священником Петром Протопоповым // Волга. 2000. № 413. С. 97–197.

²⁴ Рябов С. И. Второй Донской округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.): Историко-статистическое описание поселений. Волгоград, 2012; *Он же*. Усть-Медведицкий округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.). Волгоград, 2012; *Он же*. Хоперский округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.). Волгоград, 2012.

²⁵ Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007.

²⁶ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921–1922 гг. (по материалам периодической печати). // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 3. Волгоград, 2000. С. 194–225.

²⁷ Редькина О. Ю., Савина Т. А. Православные приходы Урюпинского и Правоторовского благочиний Донской епархии во второй половине XIX–XX века: по страницам клировых ведомостей // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 7. Волгоград, 2008. С. 227–305.

²⁸ Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004.

публикации, отражающие жизнь Церкви на юге России и на Дону в 1920–1930-е гг.²⁹. Исследованием некоторых документов царицынских раскольников — «обновленцев» занимался исследователь из Волгоградского государственного университета М. В. Пономарев³⁰.

Царицынский православный университет совместно с Волгоградским государственным университетом регулярно проводит научно-богословские конференции «Мир православия», на которых в церковно-исторической секции делаются доклады волгоградских краеведов. Хотя большинство из них, как было сказано выше, интересуются историей областного центра, тем не менее, иногда появляются подробные исследования отдельных приходов и монастырей Хоперского округа, как, например, исследования В. В. Мельниковой по Усть-Медведицкому монастырю³¹ и Н. М. Клименко по Троицкой церкви станицы Филоновской³².

В Волгоградской митрополии с 2008 г. сотрудниками епархиальной комиссии по канонизации святых ведется систематическая работа по изучению гонений на Церковь. Иеромонахом Климентом (Наумовым), Д. Д. Антоновым и их помощниками была проделана кропотливая работа с картотекой архива Управления ФСБ РФ по Волгоградской области с целью выявления

---

²⁹ Редькина О. Ю. Религиозная ситуация на Нижней Волге в 1930-х гг.: по документам фондов ГАВО // Архивное дело Волгоградской области 1923–2008 гг.: итоги, достижения, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Волгоград, 20 ноября 2008 г. Волгоград, 2008. С. 45–52; Она же. Новые формы религиозной жизни населения Царицынской (Сталинградской) губернии в 1921–1927 гг. // Гуманитарное образование и медицина: сборник научных трудов. Т. 63. Волгоград, 2009. С. 163–170; Она же. Духовенство Юга России в период общественно-политического кризиса март 1917–январь 1918 гг.: в поисках гражданского мира. // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П. А. Столыпина): Материалы Региональной научной конференции. 1–2 июня 2011 г. Ростов-на-Дону. Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2011. С. 155–161.

³⁰ Пономарев М. В. Документы ГУ ГАВО — источник по истории церковного раскола в 1920-х гг. на Нижней Волге // Архивное дело Волгоградской области 1923–2008: итоги, достижения, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Волгоград, 2008; Он же. Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви на Нижней Волге в 1920-х–1930-х гг. // Вопросы краеведения: материалы XVIII и XIX краеведческих чтений. Волгоград, 2008.

³¹ Мельникова В. В. Усть-Медведицкий Преображенский женский монастырь и его настоятельница игуменья Арсения (Анна Себрякова) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 2. Волгоград, 1998. С. 53–58.

³² Клименко Н. М. История Троицкой церкви станицы Филоновской Хоперского округа Области Войска Донского (1728–1917 гг.) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 2. Волгоград, 1998. С. 59–63; Он же. Из истории Троицкой церкви станицы Филоновской Новоаннинского района (1917–1965 гг.) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 3. Волгоград, 2000. С. 179–182.

репрессированных в разные годы священно- и церковнослужителей, а также православных мирян, пострадавших от гонений в годы советской власти на всей современной территории региона. Результатом этой работы стал постоянно редактируемый и дополняемый «Список репрессированных священнослужителей Волгоградской митрополии», который частями публиковался в различных епархиальных изданиях³³. Прделанная работы отражена в сборнике «Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии»³⁴, который был издан осенью 2011 г. и распространен по приходам. Работа с архивными материалами УФСБ была продолжена и после образования на территории Волгоградской области новых епархий. Сейчас готовится к печати новый сборник, призванный подвести некоторые итоги работы комиссии. Хотя сами следственные дела репрессированных за редкими исключениями еще нуждаются в изучении, постепенно обрабатываемый и публикуемый список дает представление о ходе гонений. Будучи составлен, вслед за картотекой архива УФСБ в алфавитном порядке, этот список по мере обработки публикуется в епархиальных изданиях: газете Волгоградской епархии «Православное слово» и в газете Урюпинской епархии «Епархиальные ведомости». Эти публикации вызывают неизменный интерес у духовенства и прихожан.

Правящий архиерей Урюпинской епархии епископ Елисей (Фомкин), в 2006 г. подготовил в Санкт-Петербургской духовной академии кандидатскую диссертацию на тему «Монастыри Волгоградской епархии», на основе которой была впоследствии издана книга «Святые обители»³⁵. В своем труде он рассматривал послереволюционную жизнь Усть-Медведицкого монастыря. Позже в сотрудничестве с автором настоящей работы была издана отдельная книга об

---

³³ *Серафим (Наумов), иеродиакон, Антонов Д. Д.* Список репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 7. Волгоград, 2008. С. 305–353; *Климент (Наумов), иеромонах, Антонов Д. Д.* Список репрессированных священнослужителей и церковнослужителей Волгоградской епархии (вторая часть) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 8. Волгоград, 2012. С. 158–206.

³⁴ Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии. Сборник. Под ред. свящ. Е. Агеева. Волгоград, 2011.

³⁵ *Елисей (Фомкин), игум. и др.* Святые обители (Монастыри Волгоградской епархии). Набережные Челны, 2008.

истории Усть-Медведицкого монастыря³⁶. Исследование свящ. А. Власова об истории храма Донской иконы Богородицы в слободе Гуляевке (Усть-Медведицкого округа) было опубликовано в 2017 г.³⁷. Наконец, в 2017 году автор диссертации совместно со свящ. К. В. Зелинским издали книгу об истории главной святыни края – Урюпинской чудотворной иконы Пресвятой Богородицы³⁸.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Источниковой базой настоящего исследования служит комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Характер рассматриваемой проблемы позволяет разделить всю совокупность исследованных источников на две большие группы: документы, характеризующие политику органов советского государства по отношению к Церкви, и документы, отражающие позицию и деятельность органов церковного управления. Представляется возможным также выделить в отдельные группы следующие виды источников, привлеченных в данном исследовании:

- законодательные и нормативные акты советского государства;
- делопроизводственные документы, в том числе:
- органов советской власти, партийных и репрессивных органов, в т.ч. архивно-следственные материалы из фондов архивов системы ФСБ РФ; учреждений других государственных образований, действовавших на

---

³⁶ *Елисей (Фомкин), еп., Агеев Е. свящ.* История Усть-Медведицкого Преображенского монастыря. Волгоград, 2014.

³⁷ *Власов А., свящ.* История храма Донской иконы Божией Матери слободы Гуляевки 1799-1967 гг. – Волгоград, 2017.

³⁸ *Агеев Е. А., свящ., Зелинский К. В., свящ.* Урюпинская икона Пресвятой Богородицы. Волгоград, 2017.

территории в годы Гражданской войны; церковных учреждений (центральных церковных органов, епархиальных управлений, приходских и монастырских, в т.ч. раскольнических);

- документы личного происхождения, к которым можно отнести приходские летописи, составленные по типу дневниковых записей и мемуарную литературу;
- публикации светской и церковной периодической печати.

Внутри вышеперечисленных групп также необходима классификация источников по месту происхождения (в центре, в различных регионах или на местах), по времени происхождения и т. п.

В первую очередь для изучения общегосударственной политики советской власти по отношению Церкви необходимо вовлечение в сферу исследования опубликованных документов органов государственной власти – Совета народных комиссаров, Всероссийского и Всесоюзного центральных исполнительных комитетов, а также их отдельных подразделений, в различные годы осуществлявших церковную политику – Наркомата юстиции и (с 1928 года) – Комиссии по делам религиозных культов при ВЦИК. К числу базовых источников следует отнести декреты СНК и текст первой советской Конституции 1918 г. С 1918 г. началась публикация комментированных сборников государственных актов, регламентирующих положение Православной Церкви³⁹. В настоящее время изданы комментированные сборники советских законодательных актов, сопоставляющие их с ключевыми церковными актами⁴⁰.

Большой интерес представляют также документы, связанные с деятельностью органов, которые руководили осуществлением антирелигиозной политики. Это секретные циркуляры ЦК РКП(б) – ВКП(б), постановления

³⁹ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1917–1918 гг. М. 1942; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1919 г. М. 1943; Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1920 г. М. 1943. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1921 г. М. 1944. и др.

⁴⁰ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996

Секретариата и Политбюро ЦК РКП (б), документы репрессивных органов системы ВЧК – ОГПУ – НКВД.

Документы делопроизводства органов советской власти партийных органов на местах, относящиеся к религиозным организациям вообще и, в частности, к Православной Церкви, сохранились фрагментарно. В 1920-х годах на местном уровне не было отдельного органа, занимающегося связями с религиозными организациями. Отдельными вопросами занимались местные советы народных депутатов (заключение договоров, передача имущества), административные отделы (разрешительные функции), милиция (регистрация), финансовые органы.

В ноябре 1922 года органами советской власти Усть-Медведицкого округа был подготовлен документ «Естественно-исторические и экономические очерки Усть-Медведицкого округа Цар[ицынской] губернии», позднее озаглавленный в архивных фондах «Историко-экономический очерк УМО (с картами)»⁴¹. На титульном листе указана только фамилия автора – Мешков. Документ представляет собой 22 листа машинописного текста. В качестве иллюстраций к тексту вклеены вырезки фотографий из газет, латинские названия видов животных и растений вписаны вручную чернилами. На отдельных листах выполнены карандашом и акварельными красками карты УМО: геологическая, почвенная, растительности. Очерк имеет научный характер и опирается на дореволюционные исследования. В то же время в тексте присутствует много статистической информации о состоянии земледелия, животноводства за 1920–1922 годы. Для нашего исследования представляет значительный интерес как общее состояние округа после революции и гражданской войны, так и встречающиеся в заключительной части отдельные упоминания о храмах и монастырях и их использовании.

Также обнаружен похожий очерк состояния Хоперского округа за 1923 г., но, в отличие от Усть-Медведицкого, в нем отражены только сведения о сельском хозяйстве, ремесленном производстве, образовании и здравоохранении.

---

⁴¹ ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 225.

Представлена статистика по сельскому хозяйству за 1920–1922 г., но сведений о природе, населении и религии не имеется.

Переписка между органами советской власти по церковным вопросам, содержит «Доклад о ходе работы по изъятию церковных ценностей за 1922 год»⁴², который отражает ход изъятия церковных ценностей на территории Царицынской губернии и, в том числе, Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Доклад был проанализирован в работе О. Ю. Редькиной⁴³.

«Списки зарегистрированных религиозных организаций по Усть-Медведицкому округу за 1925 г.»⁴⁴ сохранились в фонде милиции Усть-Медведицкого округа, и содержит список зарегистрированных религиозных организаций на территории УМО. Список заполнен карандашом и чернилами, выполнен в виде таблицы, в которой отражены: наименование организации, место нахождения (хутор, станица, слобода и волость), количество членов, глава организации, дата и номер регистрации, наличие молитвенного здания. В списке предполагалась также информация о страховании молитвенных зданий, но она не указана. К названиям организаций в виде пометок приписана религиозная принадлежность, когда она неясна из названия: «белокриницкая», «беглопоповская». Указаний на принадлежность к «обновленческому» расколу нет. Список содержит семь страниц и позволяет сделать анализ действовавших в послереволюционные годы религиозных организаций на территории УМО. В том же фонде имеются отдельные списки по волостным советам, дублирующие основной. Аналогичных списков по Хоперскому округу не обнаружено.

Во всех окружных, волостных, затем районных советах в 1920–1930-х годах велись списки лиц, лишенных избирательных прав (ГАВО, Ф. 412). Значительная часть документов советов относится к делам по лишению избирательных прав или восстановлению в правах: просьбы граждан, протоколы заседаний, запросы и

---

⁴² ГАВО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 19.

⁴³ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921–1922 гг. (по материалам периодической печати). // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 3. Волгоград, 2000.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 1772. Оп. 1. Д. 32.

ответы на них. Ведением списков занимались административные отделы. Часть лиц, лишенных избирательных прав относилась к т.н. «церковникам», поэтому изучая данные документы можно получить представление о преследованиях в виде лишения избирательных прав представителей духовенства, членов их семей, членов приходских советов. Указанных документов сохранилось достаточно много, но имеющаяся в них информация требует серьезного анализа.

Решения административных органов по церковным вопросам содержатся в фондах ГАВО: Ф. 313, Ф. Р-2059, Ф. Р-443. С 1928 года при Нижне-Волжском крайисполкоме была создана постоянная комиссия по вопросам культов, которая сосредоточила в своих руках все вопросы, относящиеся к деятельности религиозных организаций. От деятельности комиссии осталось большое количество документов, большинство их относится к закрытию церквей. Материалы по закрытию каждого молитвенного здания оформлялись в отдельное дело, куда включались: обращения граждан, решения местных органов советской власти, переписка с церковными советами, заключения специалистов, протоколы заседаний самой комиссии, выписки из заседаний крайисполкома, переписка с вышестоящими органами власти в случае обжалования церковными советами решений комиссии. По данным документам можно проследить как судьбы отдельных храмов, так и общую картину антирелигиозной кампании. В отдельных случаях церковные советы боролись за сохранение храмов, вели активную защиту перед органами власти всех уровней, вплоть до Всесоюзного ЦИК. В фонде сохранились документы с собственноручной подписью председателя ВЦИК М. И. Калинина, распоряжения, отменяющие или приостанавливающие решения о закрытии храмов. Однако, в подавляющем большинстве случаев, это были временные отсрочки. В фонде сохранился богатый, хотя и односторонний материал по церковной жизни. Ввиду своей обширности фонд изучен частично, требует дополнительного исследования.

Немалый интерес для исследования представляют документы из фондов учреждений белогвардейских правительственных органов, образованных на Юге

России в годы Гражданской войны. Эти учреждения в течение 1918-1919 годов рассматривались как органы законной власти на территории, контролировавшейся различными подразделениями т.н. Белой армии. В церковном сознании они чаще всего виделись как правопреемники законной императорской власти, противостоящие безбожному большевистскому режиму. На Дону и на Северном Кавказе иерархи и духовенство активно сотрудничали с этими учреждениями, поэтому их документы могут стать ценным источником по состоянию церковной жизни в годы Гражданской войны.

Документы комиссии, относящиеся к Донской области, были проанализированы в работах Ю. А. Бирюковой «Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви»⁴⁵ а также в статье автора настоящей работы⁴⁶.

Особая комиссия по расследованию действий большевиков была образована приказом Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генерала А. И. Деникина 31 декабря 1918 г.⁴⁷, тогда же был утвержден ее штат в количестве 9 человек. На комиссию было возложено собирание материалов о зверствах большевиков на Юге России, обработка и широкая пропаганда собранных материалов, как в России, так и за границей. Идея создания Комиссии была поддержана представителями союзных миссий при главнокомандующем ВСЮР. 8 апреля 1919 г. главнокомандующим ВСЮР были утверждены «Положение об Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков» и ее штат в составе 17 человек. В соответствии с принятым Положением Особая комиссия была призвана проводить расследования злодеяний большевиков с

---

⁴⁵ Бирюкова Ю. А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 79. С. 55-67.

⁴⁶ Агеев Е. А., *свящ.* Документы Особой комиссии по расследованию действий большевиков при ГК ВСЮР (1919 г.) как источник по истории приходских храмов и монастырей современной Волгоградской митрополии в годы Гражданской войны // Вестник архивиста. 2015. № 4. С. 52–65.

⁴⁷ ГАРФ, Ф. Р-470. Оп.2. Д. 1. Л. 1–10.

целью «выявления перед лицом всего культурного мира разрушительной деятельности организованного большевизма...»⁴⁸. В Положении зафиксированы правовые основы деятельности Особой комиссии и организация ее работы. Собранные сведения Особая комиссия должна была систематизировать и оформлять в виде актов, «следственных расследований» и сводок, самостоятельно их публиковать и направлять представителям союзных миссий, управлениям внутренних дел, иностранных дел и в Отдел пропаганды. Председателем Особой комиссии был назначен барон Г. А. Мейнгард.

В начале своей деятельности Особая комиссия основное внимание направляла на расследование действий карательных органов советской власти, устанавливала обстоятельства казней и расстрелов российских граждан, осуществлявшихся ВЧК и отрядами Красной Армии при проведении политики «красного террора». Проводилось медицинское освидетельствование и опознание останков казненных, погребенных в общих могилах и штольнях, с помощью родственников и знакомых. Осуществлялся опрос свидетелей в связи с выяснением обстоятельств гибели или исчезновения людей. По этим материалам в газетах Юга России было опубликовано более 40 расследований.

В дальнейшем Особая комиссия не ограничивалась расследованием действий карательных органов советской власти, она собирала сведения о деятельности учреждений советской власти в области судопроизводства, народного образования, экономики, отношения к религии с целью доказательства антигосударственной деятельности большевизма и разрыва между обещаниями советской власти и ее конкретными действиями. Обследование проводилось в соответствии со специально разработанными программами по отдельным направлениям государственной деятельности.

Особый интерес представляет проведенный в Донской области в 1919 г. опрос приходских храмов о преследованиях со стороны большевиков, которым они подверглись в 1918 г. Собрано более 400 опросных листов, которые

---

⁴⁸ Там же. Л. 6–9. «Положение об Особой комиссии...»

представляют широкую картину гонений на Церковь на Дону в первый год советской власти⁴⁹.

Указанные документы после эвакуации ВСЮР из Крыма хранились в Русском зарубежном историческом архиве в Праге, в 1946 г. были вывезены в Москву. Сохранность документов хорошая, так как в советское время они были засекречены. Ценность представляют подлинные показания свидетелей и акты следователей, составленные по свежим следам описываемых в них событий. По многим городам освобожденного от большевиков Юга России имеются фотодокументы, однако по Донской области их не сохранилось.

Часть документов данного фонда совпадает с документами в эмигрантском Архиве Народно-трудового союза во Франкфурте-на-Майне, ФРГ. Они были опубликованы в Лондоне Ю. Г. Фельштинским и Г. И. Чернявским⁵⁰.

Для настоящего исследования представляют интерес следующие документы Особой комиссии:

Документы Донской епархии о преследованиях со стороны большевиков. В 1919 г. епархиальным советом в Новочеркасске предпринимались попытки составления списков священнослужителей, подвергавшихся преследованиям со стороны большевиков. В других епархиях России также составлялись такие списки и впоследствии некоторые из них послужили основанием для канонизации новомучеников, пострадавших за Христа (как, например, в Екатеринбургской епархии). Список, составленный в Донской епархии, содержит 27 имен. К списку прилагаются выписки из дел, очевидно, хранившихся в канцелярии Епархиального совета. Кроме убитых священнослужителей, в списки включены также архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан и его викарий епископ Аксайский Гермоген, которых большевики арестовывали в 1918 г. и впоследствии освободили. Лишь один пострадавший из этого списка был канонизирован

---

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6.

⁵⁰ Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. Сб. документов. Лондон, 1992.

Русской Православной Церковью – священномученик Николай Харитонович Попов, расстрелянный в 1919 г. на станции Морозовской.

В отдельных случаях акты следователей комиссии и списки Епархиального совета основываются на рапортах благочинных. По Хоперскому и Усть-Медведицкому округам сохранились выписки из рапортов урюпинского благочинного В. Кожина и себряковского благочинного Ф. Тарасова. В них насколько возможно подробно изложены обстоятельства нескольких убийств священнослужителей и осквернения отдельных храмов в пределах соответствующих благочиний.

В материалах следственной комиссии имеются показания очевидцев, как например, по станице Усть-Медведицкой⁵¹. В 1918 г. на протяжении трех месяцев центр Усть-Медведицкого округа был занят отрядами Красной армии. В 1919 г. следователи комиссии собрали показания очевидцев этих событий. Главным доказанным злодеянием большевиков стало уничтожение окружного суда с его архивом, этому посвящены показания большинства из 14 опрошенных. В контексте настоящей работы интерес представляют показания игумении Святославы (Ведениной), настоятельницы Усть-Медведицкого женского монастыря и двух сестер обители. Наполнены большой эмоциональностью и различными подробностями показания семнадцатилетней гимназистки Ксении Никитиной. Все показания написаны свидетелями собственноручно.

Опросные листы приходских храмов Донской области были собраны Особой комиссией в 1919 г. путем почтовой рассылки бланков по приходам. Эта рассылка явилась осуществлением программы Особой комиссии по изучению отношения советской власти к религии. Всего в обширной Донской епархии перед революционными событиями 1917 г. было более 600 приходов. В фонде хранятся заполненные и возвращенные в комиссию опросные листы 350 приходов, что составляет около 60% от их числа. Более других охвачены опросом приходы центральных и южных благочиний Донской епархии, в меньшей степени –

---

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 70. «Дело о преступлениях большевиков в станице Усть-Медведицкой».

северо-восточных. Фонд не систематизирован по благочиниям и округам, поэтому точных данных о количестве возвращенных опросных листов не имеется. Не сохранилось сопроводительных документов к рассылке, поэтому неизвестно, насколько полно она была осуществлена. Многие опросные листы подшиты в дело с почтовыми конвертами, в которых они были присланы в Особую комиссию. По Усть-Медведицкому округу имеется только 5 опросных листов, по Хоперскому округу листы отсутствуют. В то же время по Нижне-Чирскому благочинию, входившему в состав Второго Донского округа, найдено 11 опросных листов.

Сведения, собранные в опросных листах были впоследствии обработаны следователями комиссии и по ним составлялись отдельные сводные справки, которые также хранятся в описываемом деле. Скорее всего, эта работа не была доведена до конца, так как в сводных справках не отражены все вопросы опросных листов, сами листы не систематизированы. Данные документы имеют большую историческую ценность как первичные источники, полученные непосредственно с мест событий по их свежим следам. Материалы опросных листов по приходам, оказавшимся на территории Волгоградской области, пока еще нигде не публиковались и в данном исследовании вводятся в научный оборот.

Документы высших органов церковной власти представлены указами и определениями Священного Синода Российской Православной Церкви, материалами Поместного Собора Российской Православной Церкви; резолюциями, посланиями и указами Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина), а позже – заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского). Они позволяют нам проследить общую позицию Церкви по наиболее злободневным проблемам тех лет: изъятия церковных ценностей, обновленческого раскола и т. п. Документов, в которых высшее церковное священноначалие выражало бы свою

реакцию на события, происходившие на территории рассматриваемых округов, до настоящего времени не обнаружено.

Епархиальные документы периода 1920-х гг. крайне скудны. Относительно периода гражданской войны есть косвенные свидетельства о том, что деятельность епархиального совета Донской епархии продолжалась, но с приходом советской власти она прекратилась. Большую роль в недостатке источников описываемого периода имеет неопределенность епархиального подчинения Хоперского и Усть-Медведицкого округов. Будучи включены в состав Царицынской губернии, они не были официально подчинены Царицынской епархии, также недавно образованной. Система церковного управления складывалась стихийно и до 1922 г. не отразилась в доступных нам документах.

Сохранившиеся в ГАВО документы Царицынского епархиального управления за 1922–1924 гг.⁵² представляют собой переписку органов церковного управления с контролирующим органом советской власти – административной комиссией губернского исполкома. Начинается подшивка документов с отпечатанного типографским способом воззвания сторонников церковного «обновления», составленного более в духе революционной риторики, чем церковного слова. Воззвание датировано маем 1922 г. и с этого времени начинается деятельность епархиального управления Царицынской епархии, возглавлявшегося епископом Усть-Медведицким Модестом (Никитиным) и признававшего власть Высшего церковного управления («обновленческого»). Переписка частично отражает деятельность епархиального управления (богослужения, крестные ходы, собрания прихожан и духовенства, диспуты), которая требовала разрешительной санкции органов власти. По документам за два года возможно проследить противоречия в епархиальном управлении, смену лидеров, разносторонние оценки как «обновленческого» раскола, так и канонической Церкви. В документах упоминается, хотя и редко, церковная жизнь

---

⁵² ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 550.

в Хоперском и Усть-Медведицком округах. После 1924 г. систематической переписки епархиального управления с органами власти не сохранилось.

Другой фрагмент церковных документов 1920-х годов сохранился в подшивке переписки религиозных организаций с административным отделом Нижне-Волжского крайисполкома, находившегося в указанный годы в Сталинграде. В 1928–1929 гг. активизировалась деятельность раскольников-«обновленцев». Они организовали «Нижне-Волжскую митрополию», в которую включили все епархии на территории Нижне-Волжского края. Процесс организации митрополии и епархий, внутренние противоречия в среде раскольников, их отношения с властью и канонической Церковью отражены в документах «I Краевого Церковного Митрополитанского Собора православно-обновленческих приходов», проходившего в октябре 1928 г. и пленума «Нижне-Волжского митрополитанского церковного управления» (июнь 1929 г.)⁵³. В документах затрагивается и деятельность «обновленцев» в Хоперском округе.

В той же подшивке сохранились документы канонического митрополита Саратовского Серафима: письма и послания, которые также отражают церковную жизнь в Нижне-Волжском крае в рассматриваемый период, хотя Хоперский округ в них и не упоминается.

В ГАВО в очень хорошем состоянии сохранилась «Книга Филоновского благочиннического совета для записи просьб и решений по ним»⁵⁴. Книга в твердой картонной обложке выдана из Донской духовной консистории 7 декабря 1916 г., сохранились шнуровка и красная сургучная печать. В книге 48 листов, что заверено членом консисторского совета протоиереем В.Кожиним. Первая запись в книге сделана 3 февраля 1917 г., последняя – 20 июля 1920 г., незаполненными остались только две страницы. За эти три с половиной года было протоколировано 30 заседаний благочиннического совета: в 1917 г. – 16, в 1918 г. – 10, в 1919 г. – 2, в 1920 г. – 2 заседания. На заседаниях обсуждались вопросы:

⁵³ ГАВО. Ф. Р-3083. Оп. 1. Д. 21.

⁵⁴ Книга записей решений Филоновского благочиннического совета. ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 75.

дисциплинарных проступков клириков, приходских конфликтов, вспомоществования клирикам и их вдовам, сбора взносов с приходов на нужды благочиния и епархии, выдачи характеристик клирикам. Особое место в 1917–1918 гг. занимают вопросы замещения вакантных мест в клире на основе выборов. Благочиннический совет решал вопросы допущения клириков к баллотировке, назначал даты проведения общих приходских собраний, направлял для участия в собраниях делегатов, решал вопрос о признании выборов правильными. В 1919–1920 гг. совет собирался по чрезвычайным вопросам: для выдачи вина по требованию красноармейцев, изыскания материалов для производства церковных свечей, фиксации грабежей храмов, повреждений храмов от боевых действий, помощи вдове расстрелянного священника. В протоколах заседаний имеются скудные и отрывочные, но очень ценные сведения о приходской жизни революционных лет.

Необходимо отметить общую скудость источников времен революции и гражданской войны. Традиционные институты власти и церковного управления практически прекратили свою деятельность в условиях хаоса революционных лет. Приходские священники, связанные не столько с епархиальным священноначалием, сколько с традиционной казачьей и крестьянской общиной продолжали свое служение, однако оно за редкими исключениями не отражалось в других документах, кроме метрических книг.

Клировые ведомости до революционных событий 1917 г. ежегодно представлялись благочинными в консисторию (Урюпинское–Правоторовское и Глазуновское благочиния)⁵⁵. В них отражались сведения о храмовых зданиях, имуществе приходов, изменениях в составе причта, подробные сведения о членах причта и их семьях, о наличии приходских библиотек, школ, попечительств, обществ. Клировые ведомости являются уникальными источниками, регулярно фиксирующими состояние приходских общин. Поскольку клировые ведомости составлялись регулярно на протяжении десятилетий, они отражают колебания

---

⁵⁵ ГАВО, ф. 15.

численности населения приходов, половозрастного, социального и конфессионального состава. Клировые ведомости церквей Хоперского и Усть-Медведицкого округов представлялись в епархиальный центр – Новочеркасск, но в благочиниях оставались их копии, и в ГАВО сохранились клировые ведомости двух благочиний – Урюпинского-Правоторовского благочиния Хоперского округа и Глазуновского благочиния Усть-Медведицкого округа. Для темы данной работы клировые ведомости интересны тем, что позволяют получить сравнительно полную картину состояния приходов перед революционными событиями. Клировые ведомости Урюпинского и Правоторовского благочиний Хоперского округа были проанализированы и опубликованы в виде исторической справки О. Ю. Редькиной и Т. А. Савиной⁵⁶.

Приходские метрические книги составляют значительную часть фонда исторических документов ГАВО. Они были изъяты из приходов после окончания гражданской войны в регионе – в 1920–1921 гг. Значительная часть их исправно заполнялась вплоть до изъятия. Степень сохранности метрических книг различная – от хорошей до очень плохой. В метрических книгах отражены сведения о совершении на приходах таинств крещения и венчания, а также обрядов погребения усопших. В каждой записи кроме лиц, участвовавших в таинствах и усопших, указывались имена священнослужителей – священника, псаломщика, иногда диакона, совершавших таинства и обряды. Ведение записей в метрических книгах возлагалось на приходских псаломщиков. Анализ всего массива метрических книг, даже за последние годы их создания представляется выходящим далеко за рамки данной работы. В контексте данного исследования выборочный анализ приходских метрических книг, которые продолжали заполняться в годы начинавшихся гонений на Церковь, может помочь охарактеризовать определенные изменения в приходской жизни. В частности, в тех метрических книгах, которые продолжали вестись в годы гражданской войны,

---

⁵⁶ Редькина О. Ю., Савина Т. А. Православные приходы Урюпинского и Правоторовского благочиний Донской епархии во второй половине XIX–XX веке: по страницам клировых ведомостей // Мир Православия: сб. статей. Вып. 7. Волгоград, 2008. С. 227–304.

отмечено существенное увеличение смертности, как среди прихожан, так и среди участников боевых действий. Большая работа по анализу метрических книг ГАВО проделана волгоградским исследователем истории верхового донского казачества С. И. Рябовым⁵⁷. Их практически полный перечень, распределенный по современным районам области, содержится в методическом пособии «И моя семья должна принадлежат истории», изданном Государственным архивом Волгоградской области⁵⁸.

Одним из важнейших источников сведений о жизни Православной Церкви в России при советской власти являются документы репрессивных органов – ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ. Преследование Церкви, священно и церковнослужителей, членов церковных советов, монашествующих начались сразу же после установления советской власти. Во время гражданской войны они практически не документировались. В настоящее время доступны для исследования только следственные дела реабилитированных священнослужителей. В соответствии с «Положением о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», утвержденном совместным приказом Министерства культуры РФ № 375, Министерства внутренних дел РФ № 584 и Федеральной службы безопасности РФ № 352 от 25.07.2006 г., установлены ограничения на доступ исследователей к следственным делам. Ознакомление с документами в следственных делах возможно только по конкретным лицам, за исключением информации, содержащей персональные данные. Управление ФСБ РФ по Волгоградской области, как правило, разрешает представителям Русской Православной Церкви

---

⁵⁷ *Рябов С. И.* Усть-Медведицкий округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.) (Историко-статистическое описание поселений). Волгоград, 2012; *Его же.* Хоперский округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.) (Историко-статистическое описание поселений). Волгоград, 2012.

⁵⁸ *И моя семья должна принадлежать истории: метод. пособие по составлению родословной / под ред. Л. И. Будченко, Н. Н. Смирнова [сост. О. В. Туголукова и др.].* Волгоград, 2007.

ознакомление с делами священно и церковнослужителей, монашествующих, членов церковных советов, по которым истек семидесятипятилетний срок давности.

В первые годы советской власти в Усть-Медведицком и Хоперском округах, в отличие от Царицынского (Сталинградского) округа следственные дела на духовенство, монашествующих и членов церковных советов практически отсутствуют. Первое по времени дело обнаружено на псаломщика Троицкой церкви станицы Филоновской Хоперского округа А. И. Белоножкина, который в 1925 г. привлекался за «нелегальное преподавание Закона Божия», но был оправдан судом⁵⁹. За 1928 г. имеется дело на священников Иоанна Белоножкина⁶⁰ и Евгения Данилевского, связанный с их попыткой противостояния «обновленческому расколу». В конце 1929 г. заводятся два больших дела: «Дело о подготовке вооруженного восстания с целью свержения советской власти во Фроловском районе» (на священника Адама Чечко и других – всего 42 человека)⁶¹ и монахинь Усть-Медведицкого женского монастыря во главе с игуменьей Святославой (Ведениной)⁶² – 20 человек.

Следственные дела содержат анкеты с личными данными арестованных, протоколы допросов арестованных и свидетелей, документы, изъятые при обысках (обычно письма), обвинительные заключения, выписки из приговоров, акты о приведении приговоров в исполнение, заключения о реабилитации репрессированных. Исследование документов следственных дел представляет собой сложную проблему. Большая часть документов заполнена следователями, и их достоверность может быть поставлена под вопрос. Тем не менее, тщательное изучение следственных дел позволяет воссоздавать хронологию допросов и других следственных действий, определять направленность обвинений, в том

---

⁵⁹ Архивное следственное дело на Белоножкина А. И. Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21637 пф.

⁶⁰ Дело на Белоножкина И. И. и др. Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10267 пф.

⁶¹ Дело на Чечко А.К. и др. Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18632 пф.

⁶² Дело на Веденину Е.М. и др. Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф.

числе изменения в обвинениях, линию защиты обвиняемых, изменения в их показаниях. В отдельных случаях представляется возможным сопоставление материалов следственных дел с другими источниками. Материалы обвинительных заключений позволяют установить отношение органов советской власти к Церкви. При существенном недостатке или полном отсутствии других документов о жизни репрессированных священно и церковнослужителей, монашествующих вне следствия, материалы следственных дел могут дать ценный материал как об их личной судьбе, так и о жизни приходских общин, монастырей в годы гонений.

Процесс изучения следственных дел репрессированных священно и церковно служителей, монашествующих в Волгоградской митрополии активно ведется в настоящее время епархиальной комиссией по канонизации святых. Результаты исследований неоднократно публиковались в сборнике «Мир Православия», епархиальных газетах, в специальном сборнике материалов⁶³. Так, председателем комиссии иеромонахом Климентом (Наумовым) дан общий обзор репрессий против духовенства на территории Волгоградской митрополии, проанализировано «дело о заговоре в хуторе Остроухов»⁶⁴, на основании исследования картотеки архива УФСБ публикуются списки репрессированных священнослужителей. Автором настоящей работы изучалось следственное дело на священника Адама Чечко и других, следственное дело сестер Усть-Медведицкого монастыря.

Документы других органов советской власти, относящиеся к репрессиям против Православной Церкви, обнаружить трудно. Значительная часть довоенных документов советских и партийных органов погибла в годы Великой Отечественной войны, сохранившиеся находятся в фондах документов партийных органов. Во время проведения коллективизации священнослужители попадали в

---

⁶³ Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии / Под ред. Агеева Е., свящ. Волгоград, 2011.

⁶⁴ *Серафим (Наумов), инок.* «Заговор» в хуторе Остроухове. Колхозное строительство и антирелигиозная политика Советской власти в Нижнем Поволжье // Мир Православия. Сб. науч. ст. Вып. 6. Волгоград, 2006. С. 418–424.

списки выселяемых в административном порядке «кулаков». Такие списки находятся в фондах соответствующих органов советской власти, но работа с ними затруднительна, поскольку, во первых, они сохранились лишь частично, во вторых, принадлежность к Церкви в таких списках обычно не указывается, и священнослужителей удастся обнаружить в этих списках лишь по внешним данным (например, свидетельствам родственников).

Редким примером переписки между советскими, партийными и репрессивными органами по вопросу преследования Церкви является обнаруженная автором в фондах ГАВО служебная записка начальника Сталинградского окружного отдела ОГПУ Астрова на имя секретаря Сталинградского окружного комитета ВКП(б) Птуха и председателя Сталинградского окружного исполкома Кучмина, датированная 25 января 1930 г.⁶⁵ В записке приводятся выдержки из показаний священника Адама Чечко, характеризующие враждебное отношение «церковников» к мероприятиям советской власти.

К документам личного происхождения, наиболее редким в исследуемое время, принадлежат приходские летописи. Приходскому летописанию в конце XIX – начале XX века уделялось большое значение. Каждый приход получал из епархиальной консистории через благочинного книгу для ведения приходской летописи. В предисловии книги разъяснялся порядок ее ведения: в летопись должны были записываться все значительные приходские события, праздники, события из жизни духовенства и прихожан, выдающиеся природные явления, изменения погоды. Ответственность за ведение летописи возлагалась на настоятелей приходов, благочинные при посещениях храмах обязаны были проверять ведение приходского летописания. Возможно, приходские летописи велись в большинстве приходов Донской епархии, но значительная часть их безвозвратно утеряна. После окончательного установления советской власти в

---

⁶⁵ Служебная записка начальника Сталинградского окружного отдела ОГПУ Астрова от 25 января 1930 г. ГАВО. Ф. 1641. Оп. 1. Д. 66. Л. 38–41.

1919–1920 гг., из церковных в государственные архивы были переданы, в основном, только приходские метрические книги. Сохранились несколько приходских летописей, которые хранились в архиве Хоперского округа. Одна из них – летопись Христорождественского храма станицы Урюпинской, частично опубликована волгоградским историком С. П. Синельниковым⁶⁶. В 2015 году Государственный архив Волгоградской области совместно с епархиальной комиссией по канонизации святых опубликовал эту летопись в сборнике «Церковно-приходское летописание на волгоградской земле»⁶⁷.

Всего в ГАВО сохранилось 11 приходских летописей, из них входят в хронологию настоящей работы только две. Летопись Христорождественского храма станицы Урюпинской продолжалась последним автором до 1920 года. Летопись содержит много ценной информации о годах гражданской войны и о начале гонений на Церковь в центре Хоперского округа. Вторая приходская летопись, относящаяся к хронологическим рамкам данной работы, сохранилась в следственном деле на А. Чечко и других⁶⁸, хранящемся в архиве УФСБ РФ по Волгоградской области. Это приходская летопись Пантелеимоновского храма хутора Летовский станицы Кременской Усть–Медведицкого округа, которая была изъята при аресте у последнего автора – священника Адама Кирилловича Чечко в ноябре 1929 г. и приобщена к делу как доказательство вины участников дела. Летопись велась с 1874 г., ненадолго прерывалась в годы гражданской войны и продолжалась отцом Адамом Чечко с 1920 г. вплоть до своего ареста в 1929 г. Летопись содержит ценные сведения о приходской и епархиальной жизни в 1920-е гг., о притеснениях Церкви со стороны советской власти, об отношении духовенства и прихожан к новой власти и церковным расколам. Документ находится в очень хорошей сохранности, и многие факты, изложенные в нем, хорошо согласуются с другими источниками.

---

⁶⁶ Синельников С. П. Смутное время 1913–1920 гг. глазами священника // «Волга», № 413, 2000.

⁶⁷ Церковно-приходское летописание на волгоградской земле: документы. Часть 1. Волгоград, 2015. С. 165–304.

⁶⁸ Архивное следственное дело на Чечко А. К. и др. Архив УФСБ РФ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18632 пф. Л. 1–74.

Несмотря на субъективность оценок происходивших событий и неполноту изложения, приходские летописи являются живым свидетельством эпохи. Если до революции ведение приходских летописей вменялось в обязанность настоятелям храмов и часто становилось формальностью, то в годы гражданской войны и последующие годы гонений на Церковь приходское летописание становилось опасным делом и большей частью прекратилось. В летописи Христорождественской церкви станицы Урюпинской протоиерей Петр Протопопов описал картину боевых действий в станице и в ее ближайших окрестностях, притеснения Церкви, всеобщее смятение в обстановке братоубийственной смуты. Его повествование кончается 1920 г., когда в Хоперском округе была окончательно установлена советская власть. С этого же года начинается повествование священника Адама Чечко, также описавшего обстановку притеснений со стороны властей в первое десятилетие советской власти, недовольства новыми порядками и церковного раскола. Текст летописи изучен автором работы, в настоящее время готовится к полной публикации, в ожидании которой описывался в статье «Полвека из жизни донского хутора...»⁶⁹.

Отдельные сведения о церковной жизни на Среднем Дону можно почерпнуть из новочеркасской газеты «Донские ведомости», издававшейся в годы Гражданской войны. Неполный комплект номеров хранится в фонде «Русского зарубежья» Российской государственной библиотеки.

В 1920-х гг. на территории Усть-Медведицкого округа издавалась газета «Красный Дон», которая была закрыта в 1928 г. с ликвидацией округа, на территории Хоперского округа – «Красный Хопер». Последняя газета издавалась до 1930 г. и ее издание была прекращено также с ликвидацией округа. Автор исследовал сохранившиеся подшивки газеты «Красный Хопер» за 1928–1930 гг., частично за 1924–1927 гг. За исключением антирелигиозной пропаганды, в газетах не содержится никаких материалов о фактическом положении Церкви. Интересы

---

⁶⁹ Агеев Е. А., Полвека из жизни донского хутора: приходская летопись Пантелеимоновской церкви хутора Летовский станицы Кременской Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского (1873–1929) // Вестник ПСТГУ. М., 2016, 6. С. 91–106.

заслуживает только кампания за закрытие урюпинских храмов, развернутая в газете в конце 1929 г.

Автором были исследованы фонды областного и некоторых районных краеведческих музеев с целью обнаружения материалов, относящихся к истории Русской Православной Церкви на территории Усть-Медведицкого и Хоперского округов.

Волгоградский областной краеведческий музей ведет свою историю с 1914 г., однако его фонды в годы Великой Отечественной войны погибли. В сфере научных интересов руководителя музея А. В. Материкина входит православное краеведение, он является автором исследования по истории Александро-Невского собора города Царицына. Большая часть экспонатов и документов, собранных по истории Православной Церкви, относится к Царицыну. Тем не менее, в музее имеются несколько экспонатов, связанных с Усть-Медведицким женским монастырем и его прославленной настоятельницей игуменьей Арсенией (Себряковой) – фотографии, в том числе послереволюционные, личные вещи, сделанные руками монахинь-рукодельниц.

Сотрудники Урюпинского городского краеведческого музея с большим интересом относятся к церковной тематике, собирают материалы о храмах и духовенстве. Музей объединяет вокруг себя местных краеведов и педагогов, регулярно проводятся урюпинские краеведческие чтения, на которых уделяется внимание церковной тематике. В апреле 2016 года совместно с Урюпинской епархией проведены епархиальные краеведческие чтения. В экспозиции музея представлены открытки с фотографиями дореволюционных храмов Урюпинской станицы, их макеты и информация о них. В то же время количество фондов по церковной тематике в музее невелико и епархия регулярно оказывает сотрудникам помощь консультациями и предоставлением материалов по истории местных храмов.

Музейные работники Новоаннинского районного краеведческого музея уделили много внимания времени Гражданской войны в Хоперском округе. В

музейных фондах имеются уникальные рукописи – воспоминания участников событий И. Ф. Казьмина и Иконникова. Поскольку оба сражались на стороне красных, их взгляды на события отличается тенденциозностью, но они ценны, как свидетельства очевидцев. В музее также собраны издания мемуаров Б. Шехаева, Г. Ф. Широкова, А. Ф. Тараненко, П. Футина, публикации разных лет из местной районной газеты «Авангард».

В музее донского казачества в городе Серафимовиче оформлен отдельный зал, посвященный церковному краеведению. В экспозиции представлены облачения, иконы и книги из церквей станицы Усть-Медведицкой и окрестных хуторов, к сожалению, не атрибутированные. Большой стенд посвящен храмам станицы и окрестных хуторов – собраны их фотографии и рисунки. Некоторые фотографии, в частности Петропавловского тюремного храма, который был впоследствии разрушен, состояния построек монастыря в разные годы при советской власти, являются уникальными. Два стенда посвящены истории Усть-Медведицкого монастыря, уделено внимание его закрытию, имеются копии публикаций в газете «Красный Хопер» в июле 1929 г., ставшее сигналом к закрытию обители. В картинах местных художников отражено народное восприятие значения монастыря, православных храмов и жизни почитаемых подвижниц – игуменьи Арсении (Себряковой) и монахини Раисы (Кривошлыковой).

Михайловский городской краеведческий музей не уделяет внимания церковному краеведению. По словам руководителя музея, он создавался как музей боевой и трудовой славы, и в нем нет места экспонатам, относящимся к истории Церкви.

В экспозиции Фроловского городского краеведческого музея представлены предметы православного быта донских казаков – иконы, книги. Представлены фотографии начала XX века, на которых сняты местные священники с учителями, учениками школ, станционными рабочими. Руководитель музей Н. В. Ермолев изучает историю родного края, в том числе приходских храмов в станицах и

хуторах. Им издана книга, включающая рассказы об истории приходских храмов⁷⁰. В музее представлен экспонат, свидетельствующий о репрессиях против православного духовенства – списки лиц, «лишенных избирательных прав», относящиеся к началу 1930-х годов. Усилиями местных краеведов найдены фотографии, запечатлевшие облик некоторых приходских храмов. Материалы из фондов краеведческого музея использованы в книге «Православие на Фроловской земле»⁷¹.

В целом, несмотря на фрагментарность источниковой базы, ее состояние позволяет произвести исследование церковной жизни в Хоперском и Усть-Медведицком округах в 1917-1930 гг.

Апробация результатов исследования

Исследование истории православных святынь: храмов и монастырей, судеб известных священнослужителей становится хорошим основанием для совместной работы Церкви и местных энтузиастов–краеведов. Как правило, высок интерес школьных учителей истории к краеведческим исследованиям, в которые они вовлекают своих учеников. Восстанавливаемые храмы и монашеские обители привлекают внимание паломников, которые хотят больше узнать об истории посещаемых святынь. В Урюпинской епархии Волгоградской митрополии уже шесть лет проводится целенаправленная работа по изучению истории родных мест и ее как можно более широкому распространению. Ежегодно издаются книги об истории храмов и монастырей. Епископ Урюпинский и Новоаннинский Елисей (Фомкин), кандидат богословия, много лет посвятил исследованию истории монашеских обителей нашей земли. Главным трудом стала подготовленная им с автором настоящего исследования книга «Святые обители. Монастыри Урюпинской епархии»⁷², которая была в 2016 г. удостоена диплома III

---

⁷⁰ Ермольев Н. В. Очерки истории фроловской земли с древнейших времен до 1917 года. Волгоград, 2015.

⁷¹ Православие на Фроловской земле. Под ред. прот. Ф. Андрощука. Волгоград, 2009.

⁷² Агеев Е., свящ., Елисей (Фомкин), еп. Святые обители: Монастыри Урюпинской епархии. Набережные Челны, 2016.

степени XI открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее справочное и краеведческое издание». Издание сопровождали отдельные брошюры, рассказывающие о каждом из монастырей: Усть-Медведицком Преображенском⁷³, Свято-Троицком Белогорском⁷⁴, Гусевском Ахтырском⁷⁵. Краткие исторические сведения о храмах и монастырях были использованы при составлении альбома «Острова надежды»⁷⁶, изданного к пятилетию учреждения епархии. Альбом был также удостоен диплома III степени XII открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее справочное и краеведческое издание». В прошлом году совместно с кандидатом педагогических наук, протоиереем К. Зелинским было предпринято исследование истории сохранения в советские годы главной святыни епархии – Урюпинской Явленной иконы и издана книга о ней⁷⁷. Все эти издания, широко распространяющиеся по приходам и монастырям епархии, доходящие до каждой школы и библиотеки, стимулируют интерес к истории родного края, не дают забыть ее трагические страницы. Продолжает распространяться сборник о репрессированных священнослужителях Волгоградской епархии⁷⁸, в котором нашла место память об исповедниках Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

Неоднократные публикации в епархиальной газете продолжают рассказывать о переломных годах истории Церкви, о священниках и мирянах, хранивших веру в годы испытаний. Всего за время работы над диссертацией было опубликовано полтора десятка статей в газете «Епархиальные ведомости Урюпинской и Новоаннинской епархии».

Весной 2017 г. были проведены I Урюпинские епархиальные краеведческие чтения, в которых приняли участие около сорока исследователей–краеведов,

⁷³ Агеев Е., священник, Елисей (Фомкин), епископ. История Усть-Медведицкого Преображенского монастыря. Волгоград, 2014.

⁷⁴ Агеев Е., священник, Елисей (Фомкин), епископ. История Свято-Троицкого Белогорского монастыря. Волгоград, 2015.

⁷⁵ Агеев Е., священник, Елисей (Фомкин), епископ. История Гусевского Ахтырского монастыря. Урюпинск, 2017.

⁷⁶ Острова надежды. Урюпинская епархия. Альбом-путеводитель. Набережные Челны, 2017.

⁷⁷ Агеев Е., священник, Зелинский К., священник. Урюпинская икона Пресвятой Богородицы. Волгоград, 2017.

⁷⁸ Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии / Под ред. Агеева Е., священника. Волгоград, 2011.

большинство из которых школьники под руководством своих учителей, интересующиеся церковной историей родных мест. Ежегодно в рамках епархиального этапа Рождественских образовательных чтений проводятся секции, посвященные церковному краеведению, на которых говорится о важности знания трагических лет истории. Опыт проведения чтений и секций был изложен в статье автора «Церковное краеведение в Урюпинской епархии»⁷⁹, вошедшей в состав ежегодного сборника епархиальных чтений.

За время проведения исследований результаты работы сообщались автором на конференциях, проводившихся как в России (Тула, 2014 г., 2015 г.; Саратов, 2015 г.; Волгоград, 2016 г.), так и за рубежом (Мюнхен (Германия), 2017 г.). Часть докладов опубликована в сборниках конференций и ежегодных изданиях⁸⁰, часть готовится к публикации.

Планомерная работа, направленная на популяризацию результатов исследований истории Церкви в пределах Урюпинской епархии, дает положительные результаты. Педагоги воскресных и общеобразовательных школ и средних специальных образовательных учреждений активно используют книги и газетные публикации, посвященные местной церковной истории, на уроках модуля «Основы православной культуры» (ОПК) в составе основ религиозной культуры и светской этики (ОРКСЭ), на уроках краеведения, педагоги дополнительного образования – на занятиях кружков. Часто проводятся встречи с читателями муниципальных библиотек, работники которых всегда рады сотрудничать с местными авторами. Доклады о трагических и судьбоносных для Русской Церкви событиях столетней давности неоднократно становились темами докладов, которые автор диссертации по благословению правящего архиерея

---

⁷⁹ Агеев Е., *свящ.* Церковное краеведение в Урюпинской епархии // Антропологическое единство Православия, педагогики и психологии, сборник. Волгоград, 2015. С. 257–268.

⁸⁰ Агеев Е., *свящ.* Из истории гонений на Церковь в XX веке: закрытие Усть-Медведицкого женского монастыря (по документам советской власти, 1927–1929 гг.) // Вестник Тульского государственного университета. Серия Теология. Тула, 2014. С. 113–118; *Он же.* Социальная деятельность женских монастырей на материале Саратовской и Донской епархий в XIX–первой трети XX века // Вестник Тульского государственного университета. Серия Теология. Тула, 2015. С. 249–254.

делал на регулярных епархиальных собраниях духовенства. Подвиг новомучеников и исповедников Церкви Русской, а также всех умученных и убиенных в годы репрессий неизменно вызывает интерес духовенства и прихожан наших храмов. Лекции и беседы на темы церковной истории родного края уже несколько лет подряд включаются в программу проведения епархиальных школ молодежного актива. Как уже было сказано во введении к диссертации, автор сотрудничает со специалистами районных краеведческих музеев, особенно, находящихся в Урюпинске и Фролово. На базе Урюпинского краеведческого музея проводилась епархиальная конференция по церковному краеведению.

Расширение знаний, основанных на достоверных источниках и их трезвом научном анализе, заменяет местные легенды объективным историческим знанием. В частности, так было с изложенной в основной части работы историей закрытия Усть-Медведицкого монастыря. Реальная история оказалась не менее интересной, чем мифическая. Изучение реальных событий помогло по достоинству оценить роль их участниц: игуменьи Святославы (Ведениной) и других сестер монастыря, проявивших стойкость и мудрость в тяжелейших жизненных обстоятельствах, и не изменивших своей вере и христианской совести. Возвращение в стены восстановленного Усть-Медведицкого монастыря останков изгнанных из него в 1929 г. монахинь, произошедшее в октябре 2015 г. и ставшее общепархиальным торжеством, отчасти было обусловлено тщательной работой по изучению их жизни и подвига. Большую поддержку при издании книг, посвященных истории епархии оказывают монастырские общины Усть-Медведицкого Преображенского (игуменья Георгия (Боровик)), Гусевского Ахтырского монастырей (игуменья Серафима)), благочиния и приходы епархии.

Большой проблемой для исследования стал недостаток источников для изучения деятельности приходов и монастырей в рассматриваемый период. Большую помощь в поиске архивных документов оказали сотрудники региональных архивов: ГАВО – И. В. Котова и УФСБ РФ по Волгоградской области – Н. Ю. Скрябина. Нужно сказать, что комиссии по канонизации святых

Волгоградской митрополии, в рамках работы которой автор знакомился с большей частью документов, относящихся к данному исследованию, налажено конструктивное сотрудничество с основными региональными архивными учреждениями. Результативный поиск документов в ГАРФ стал возможен благодаря ценной помощи директора Л. А. Роговой и научного руководителя С. В. Мироненко.

Государственный архив Волгоградской области совместно с Царицынским православным университетом подготовил к публикации сборник приходских летописей, большая часть которых создана в Хоперском округе, первая часть уже опубликована. Из сохранившихся одиннадцати летописей две включают в себя описание послереволюционных событий. К обработке текстов летописей были привлечены студенты Царицынского православного университета. Публикацию приходской летописи Пантелеимоновской церкви хутора Летовский за 1870–1929 гг. подготовил автор данной работы.

ГЛАВА 1. ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1921 гг.)

1.1. Характеристика церковной жизни накануне революционных событий 1917 г.

Прежде чем говорить о положении Церкви во время революционных событий и Гражданской войны на территории изучаемых округов, необходимо дать краткий обзор состоянию приходов и монастырей непосредственно перед революционным кризисом.

Существовавшие в XVIII в. Хоперский и Медведицкий заказы Воронежской епархии, наряду с южным Черкасским заказом стали основой учрежденной в 1829 г. Донской епархии. После того как в конце XIX в. были определены границы округов Области Войска Донского, в пределах Донской епархии были созданы благочиния, которых к 1905 г. насчитывалось 32. Общее количество православных приходов в Донской епархии (включая единоверческие) составляло 618, следовательно, в среднем благочиния объединяли по два десятка церквей. Учитывая, что в 1877 г. в епархии было 25 благочиний, можно наблюдать почти 30% рост количества благочиний, что свидетельствует о расширении церковно-административной структуры епархии⁸¹.

На территории Усть-Медведицкого округа по состоянию на 1915 г. находились 4 благочиния с 79 приходскими церквями:

1. Березовское с центром в станице Березовской, в него входили 24 приходских церквей, в том числе 2 единоверческих;
2. Глазуновское с центром в станице Глазуновской, в которое входили 19 приходских церквей, в том числе 1 единоверческая;

---

⁸¹ Донская и Новочеркасская епархия // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 667–678.

3. Усть-Медведицкое с центром в столице округа станице Усть-Медведицкой, в которое входили 16 приходских церквей и два монастыря;

4. Чернышевское, включавшее 20 приходских церквей, в том числе 2 единоверческих.

В Усть-Медведицком округе находились два из пяти донских монастырей: мужской Кременский Вознесенский и женский Усть-Медведицкий Преображенский. В 1912 году в Кременском монастыре числились 72 насельника во главе с архимандритом. Женская обитель была крупнее – в 1910 году здесь было 250 монахинь и послушниц⁸².

Чернышевское благочиние объединяло приходы, находившиеся в двух округах. Станица Чернышевская с хуторами принадлежала Второму Донскому округу, как и слободы Петрово-Куртлакская и Калачево-Куртлакская. Если не учитывать эти приходы, то всего на территории Усть-Медведицкого округа было 73 церкви.

На территории Хоперского округа в то же время располагались 5 благочиний с 78 приходскими церквями:

1. Зотовское с центром в станице Зотовской (20 приходских церквей);
2. Правоторовское с центром в станице Правоторовской (14 приходских церквей);
3. Преображенское с центром в станице Преображенской (14 приходских церквей);
4. Урюпинское с центром в окружной станице Урюпинской (17 приходских церквей). Кроме того, в станице Урюпинской находилось подворье Усть-Медведицкого монастыря с храмом во имя иконы Пресвятой Богородицы «Прежде Рождества и по Рождестве Дева»;
5. Филоновское с центром в станице Филоновской (14 приходских церквей).

---

⁸² Елисей (Фомкин), еп., Агеев Е., свящ. Святые обители: монастыри Урюпинской епархии. Набережные Челны, 2016. С. 61.

Правоторовское благочиние было учреждено последним, в 1905 г., в его состав были выделена часть приходов Урюпинского благочиния. Приходские церкви строились на Дону вплоть до революционных событий 1917 г. и количество приходов увеличивалось.

Сохранились опубликованные данные о количестве прихожан донских церквей за 1904 г. Согласно этим данным, всего прихожанами числились 170 310 человек в Усть-Медведицком округе и 235 161 человек в Хоперском округе⁸³. По имеющимся статистическим данным население Хоперского округа в 1897 г. составляло 252 350 человек.⁸⁴ Нет сведений о численности населения за 1904 г., однако имеется статистика за 1913 г., согласно которой эта цифра составляет 332 751 человек. Используя линейную аппроксимацию статистических данных, можно получить приблизительное значение численности населения Хоперского округа в 1904 г. в 293 тыс. человек. Таким образом, учтенная численность прихожан православных храмов составляет приблизительно 80% от численности всего населения. На один приход приходилось разное количество прихожан. Так, самым большим приходом в двух округах следует считать приход Троицкой церкви станицы Филоновской в Хоперском округе (более 12 тыс. человек). В то же время были единоверческие приходы с несколькими десятками прихожан и бесприходные храмы: кладбищенские, училищные, тюремные.

Численность духовенства по данным Всероссийской переписи населения на 1897 г. – 381 человек⁸⁵. Очевидно, в этом количестве учитывались священники, диаконы, псаломщики и монашествующие. В 1897 г. члены семей учитывались отдельно, и их количество составляло 446 человек. В 1913 г. члены семей духовенства уже не подсчитывались отдельно, есть данные только об общей численности и духовенства и членов их семей – 694 человека. Эта цифра на 16% меньше цифры 1897 г. Трудно сделать предположения о причинах уменьшения

---

⁸³ Список церквей Донской епархии // Донские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С.169–192.

⁸⁴ Данные Всероссийской переписи населения 1897 г. Цит. по: Гомулов В. И., Супрун В. И. Хоперский округ: демографический и историко-географический справочник (XVIII – первая треть XX в.). Волгоград, 2008. С. 137.

⁸⁵ Там же.

этой цифры, не имея полных данных о составе духовенства. Ежегодные сведения о духовенстве и членах их семей отражались в клировых ведомостях, составляемых благочинными. Сохранились клировые ведомости за 1914 г. только по трем благочиниям: Глазуновскому в Усть-Медведицком округе, Урюпинскому и Правоторовскому в Хоперском округе⁸⁶.

Одной из важнейших задач Церкви было участие в народном образовании. В большинстве приходов наряду с содержавшимися на государственные средства училищами существовали церковно-приходские школы. Так, в 1917 г. в Хоперском округе насчитывалось 240 училищ и 120 церковно-приходских школ. Кроме того, в станице Урюпинской существовали реальное училище и женская гимназия, мужская гимназия находилась на железнодорожной станции Филоново)⁸⁷. В станице Усть-Медведицкой с 1887 года действовало реальное училище. Здесь же были мужская и женская гимназии, учительская семинария, духовное и епархиальное училища и ремесленная школа. К 1916 г. в Усть-Медведицком округе было 8 школ, дававших полноценное среднее образование, и 358 школ начального образования. При Арчадинском лесничестве была открыта школа для лесных техников. Во всех школах Усть-Медведицкого округа училось до 40 тыс. детей. Количество учителей составляло 784 человека⁸⁸. Как следует из клировых ведомостей, почти все священники преподавали Закон Божий в тех или иных школах.

Особый интерес представляет численность раскольников, поскольку они являлись важным фактором церковной жизни. Так, по данным официальной статистики, на территории Хоперского округа не было старообрядческих храмов, часовен и молельных домов. Сохранившиеся клировые ведомости также не дают численности раскольников в Хоперском округе. В них упоминаются сектанты без

---

⁸⁶ Редькина О. Ю., Савина Т. А. Православные приходы Урюпинского и Правоторовского благочиний Донской епархии во второй половине XIX – XX веке: по страницам клировых ведомостей // Мир Православия: сборник статей. Вып. 7. Волгоград, 2008. С. 227–304.

⁸⁷ ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 602. Л. 16.

⁸⁸ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Д. 225. Л. 21 об.–22.

указания численности: баптисты в станице Михайловской, несколько десятков семей молокан по хуторам той же станицы, а также в станице Тепикинской и в ее хуторах⁸⁹.

В Усть-Медведицком округе количество раскольников было значительно больше, они селились по берегам реки Медведицы. Ими было построено в различных станицах и хуторах 15 храмов и 25 молитвенных домов (всего 40 приходов). Во многих хуторах старообрядческие храмы были единственными, что свидетельствует о количественном преобладании раскольников. Среди старообрядческих приходов Усть-Медведицкого округа насчитывалось 4 единоверческих храма, 6 приходов указаны как «беглопоповские», о принадлежности остальных нет сведений. В некоторых хуторах жили отдельные семьи баптистов и молокан.

Не сохранилось полного перечня приходских просветительных и благотворительных учреждений, но из имеющихся данных можно выяснить их наличие в исследуемых округах. Например, по данным клировых ведомостей Урюпинского благочиния, имелись библиотеки в 16 приходах, попечительства при 26 приходах. Во многих приходах после начала Первой мировой войны были учреждены попечительские советы для сбора помощи солдатам и распределения помощи их семьям. Особой общественной активностью отличался приход Христорожественской церкви станицы Урюпинской (так называемой Ярмарочной). Кроме двух библиотек и попечительства, духовенством и прихожанами этого прихода учреждены: общество содействия народному образованию, дамский комитет, кружок ревнителей благочестия⁹⁰.

Определенную проблему представляло материальное обеспечение духовенства и приходской жизни. С одной стороны, подавляющее большинство храмов строилось на средства прихожан, пожертвования казаков и крестьян

---

⁸⁹ Редькина О. Ю., Савина Т. А. Православные приходы Урюпинского и Правоторовского благочиний Донской епархии во второй половине XIX – XX веке: по страницам клировых ведомостей // Мир Православия: сборник статей. Вып. 7. Волгоград, 2008. С. 227–304.

⁹⁰ Там же. С. 284.

составляли значительные суммы. С другой стороны в Области Войска Донского была существенно ограничена возможность для приходского землевладения. На основе тех же источников можно сделать вывод, что в Урюпинском–Правоторовском благочинии только у одной церкви были 25 десятин отмежеванной земли, которую выделил местный помещик (слобода Краснополье)⁹¹. Все остальные храмы специальных наделов не имели, но духовенство пользовалось правом получения обычных казачьих наделов, размер которых колебался от 5 до 8 десятин на человека. При этом для того, чтобы пользоваться указанным правом, духовенство также должно было происходить из казачьего сословия. Некоторые исследователи, не учитывая особенностей землепользования на Дону, делают вывод о крайней бедности приходского духовенства, однако сведения из клировых ведомостей, не позволяют согласиться с этим. На содержание причтов выделялись достаточные суммы, у значительной части семей духовенства были собственные дома. Члены клира, не имевшие собственных домов, пользовались приходскими.

Как следует из приведенных данных, перед революционными событиями 1917 г. церковная организация в Хоперском и Усть-Медведицком округах развивалась, увеличивалось количество прихожан, строились новые храмы, учреждались приходы и благочиния, росло число благотворительных и просветительских учреждений. Проблемы обеспечения приходского духовенства не стояли остро, так как члены клира пользовались как достаточными земельными наделами на общих основаниях, так и обеспечением от прихода.

---

⁹¹ Редькина О. Ю., Савина Т. А. Православные приходы Урюпинского и Правоторовского благочиний Донской епархии во второй половине XIX – XX веке: по страницам клировых ведомостей // Мир Православия: сборник статей. Вып. 7. Волгоград, 2008. С. 246.

1.2. Приходская жизнь во время революции и Гражданской войны

Скудость источников, свидетельствующих о приходской жизни революционных лет на территории Усть-Медведицкого и Хоперского округов, позволяет изучить только отдельные ее проявления. В хронологическом порядке в качестве первой для рассмотрения проблемы можно выделить отношение духовенства и прихожан к происходившим в стране катастрофическим изменениям жизни. В первую очередь, это свержение царской власти, затем развал государства и армии и начинавшаяся Гражданская война.

Как указывает А. Л. Беглов, «фактическое освобождение прихода от бюрократической зарегулированности, произошедшее еще после Февральской революции, введение большевиками светской записи актов гражданского состояния, освободившее прихожан от формальной связи с приходом, а главное – начавшиеся гонения, стимулировали новые процессы в приходской жизни»⁹². Главным содержанием этих процессов можно считать укрепление приходов посредством увеличения доли активных прихожан при одновременном уменьшении количественного состава. Формировавшийся в переломные годы приходской актив во многих случаях брал на себя «защиту церковного достояния от посягательств новой власти»⁹³. Хотя в исследуемых донских округах не отмечались добровольные приходские формирования типа братств, тем не менее, возросшую активность прихожан в 1917-1918 гг. легко проследить на примере прихода Христорожественской церкви станицы Урюпинской. В документах Филоновского благочиннического совета также прослеживается возросшая

---

⁹² Беглов А. Л. Приходской вопрос в истории и в трудах Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917-1918 годов (вступ. статья) // Документы Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустройении прихода. Под ред. Беглова А. Л. М., 2017. С. 71.

⁹³ Там же.

активность прихожан, их участие в выборах клириков, а также появление псаломщиков, происходивших не из духовной среды.

Из записей священника Свято-Духовской церкви хутора Верхне-Соина Хоперского округа можно узнать, что при появлении в округе первых известий о перевороте в Петрограде, пришедших 4 марта 1917 г., «прихожане были ошеломлены и из них многие старые – огорчены»⁹⁴. 7 марта по звону набатного колокола прихожане были созваны в церкви, на долю священников выпало объявление манифестов об отречении от престола императора Николая II и его брата. В храмах были отслужены молебны «об утишении страстей». После службы народ долго не расходился из церковных оград, и членам клира приходилось объяснять смысл объявленных документов.

Из приходской летописи Урюпинской Христорожественской (Ярмарочной) церкви, оставленной нам ее настоятелем священником Петром Протопоповым, стало известно, что уже 13 апреля 1917 г. в окружном центре Хоперского округа станице Урюпинской перед съездом духовенства и мирян Урюпинского благочиния был совершен благодарственный молебен «за дарование России новой свободной жизни»⁹⁵. Работу съезда, на котором были избраны делегаты на чрезвычайный съезд духовенства и мирян Донской епархии, прошедший в Новочеркасске 26 апреля, возглавил урюпинский благочинный священник Василий Кожин⁹⁶. Съезд принял собственные резолюции, разработанные священником П. Протопоповым. 1 мая в станице с большим размахом прошли революционные праздники, насторожившие духовенство. Еще

⁹⁴ ГАВО. Ф. И–74. Оп. 1. Д. 10. Л. 68–69.

⁹⁵ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви станицы Урюпинской Хоперского округа Области Войска Донского. 1913–1920 гг. // Церковно-приходское летописание на волгоградской земле: документы. Ч. 1. Волгоград, 2015. С. 217–219.

⁹⁶ Протоиерей Василий Кожин, 1880–1954 — магистр богословия, член Донского епархиального совета, делегат Поместного собора 1917–1918 гг., в 1922–1944 гг. — в обновленческом расколе, в 1931–1944 гг. — обновленческий епископ, с 1935 по 1944 г. — митрополит Северо-Кавказский, в 1944 году принес покаяние, пострижен в монашество с именем Гермоген (чаще встречается Ермоген), в 1946 г. — хиротонисан во епископа Казанского, в 1947–1949 гг. — ректор МПДАиС, в 1949–1954 гг. — архиепископ Краснодарский и Кубанский, в 1954 году — митрополит Алеутский и Северо-Американский. См. *Маякова И. А.* Ермоген (Кожин) // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 658–660.

более разочаровал автора летописи съезд учителей министерских и приходских школ Хоперского округа, прошедший 7–9 мая. На съезде звучали требования избавить школы от контроля духовенства и передать все приходские школы в ведение Министерства народного просвещения. Убеждения председателя местного отделения епархиального училищного совета о необходимости участия приходов в деле народного образования никак не повлияли на радикально настроенных педагогов. Учительский съезд объявил преподавание Закона Божия в школах свободным⁹⁷.

Очередное собрание духовенства и мирян Урюпинского благочиния прошло 23 мая, в нем участвовали 87 человек, из них: 16 священников, 4 диакона, 14 псаломщиков, и 53 мирянина, среди которых было 2 женщины. Председательствовал на собрании священник Василий Кожин, избранный членом Донского епархиального совета. На съезде развернулись горячие дискуссии по вопросу о преподавании в школах Закона Божия. Священники–законоучители протестовали против мнения учителей о необязательности Закона Божия в школах и приводили в поддержку мнения своих прихожан. Съезд избрал органы местного самоуправления урюпинского духовенства: районный церковно-приходской совет в составе двух священников, диакона, двух псаломщиков и семи мирян; районный суд в составе трех членов от духовенства и трех от мирян⁹⁸.

Общественная жизнь урюпинского духовенства весной и летом 1917 г. отличалась небывалой активностью. Через месяц, 21 июня, состоялось новое собрание духовенства и мирян. На нем снова остро дискутировался вопрос о приходских школах и преподавании Закона Божия. Священники–законоучители в атмосфере, как им тогда казалось, роста местного самоуправления, надеялись опереться на поддержку прихожан и сохранить контроль над школами. Впрочем, уже на собрании духовенства и мирян выступали многие ораторы «из лагеря кадетской интеллигенции», и «с яростью доказывали необходимость передачи

---

⁹⁷ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 219.

⁹⁸ Там же. С. 221–222.

церковной школы [в ведение министерства] и вообще ее упразднения». Летописец характеризует эти выступления с требованиями об упразднении церковного влияния на образование как «повальный психоз революции». Эти настроения во многом подготовили почву для последовавших после октябрьского переворота декретов об отделении Церкви от государства и школы от Церкви⁹⁹.

После собрания духовенства благочиния стали проводиться приходские собрания. На них прихожан знакомили с резолюциями Чрезвычайного съезда духовенства и мирян Донской епархии, который вводил в приходскую жизнь революционные изменения, в частности, организацию приходских советов и выборность клириков на вакантные места. Так, на собрании прихожан Христорожественской церкви станицы Урюпинской был закрытым голосованием избран приходской совет в составе 63 человек, в число которых вошли 16 женщин, и ревизионная комиссия из 6 человек. На первом собрании приходского совета, прошедшем вечером 2 июля в церковной ограде, были избраны руководители и образованы семь отделов: оглашения, благотворительный, хорового пения, народного просвещения, статистический, строительный, хозяйственный. Постановлено передать капиталы и имущество церкви в полное ведение приходского совета. Приходское собрание также стало избираться ежемесячно. На втором собрании, состоявшемся 23 июля, была принята резолюция о поддержке обязательного преподавания в школах Закона Божия¹⁰⁰.

По крайней мере, в 1917 г. усилия урюпинского духовенства по сохранению в школах Закона Божия увенчались успехом. Несмотря на то, что Временное правительство в июле 1917 г. приняло решение о передаче приходских школ в ведение министерства, новый учебный год, по традиции, начался с молебнов и напутственных слов законоучителей. Осенью в Христорожественской церкви продолжалась активная деятельность нового приходского совета со всеми его

---

⁹⁹Церковно-приходская летопись Христорожественской... С. 224.

¹⁰⁰ Там же. С. 226–230.

отделами и комиссиями. Были открыты вечерние курсы для взрослых, на которых священники проводили религиозно-нравственные и церковно-исторические беседы и чтения. Организовано приходское попечительство о бедных, которым было начато обследование материального положения прихожан. В доме, предоставленном прихожанкой Е. Борщевой, была открыта приходская богадельня, торжественно освященная 2 октября. Однако, развивавшаяся приходская организация столкнулась с поднимавшейся в стране междоусобицей.

Уже 14 сентября 1917 г. в урюпинских храмах прошло всенародное моление «ввиду переживаемых Отечеством грозных событий»¹⁰¹. В станицу Урюпинскую докатились и отголоски октябрьского переворота: 8–9 ноября были арестованы местные власти – члены окружного и станичного правлений. Почти сразу же подошли казаки из полка, стоявшего в соседней станице Петровской, и освободили их. Летописец отмечает, что значение петроградских событий «для местных жителей не ясно. Событие углубило рознь и разделение. <...> настроение тревожное и подавленное»¹⁰². В декабре до станицы дошли послания Священного Собора с призывами к миру и покаянию, в храмах за богослужениями произносились проповеди о мире и любви. Сам свящ. Петр Протопопов в праздник Рождества Христова призвал «объявить войну войне путем воспитания в себе духа христианского мира и любви»¹⁰³.

В конце 1917–начале 1918 г. продолжали активно проводиться приходские и благочиннические собрания. Так, 31 декабря 1917 г. приходской совет Христорожественской церкви огласил акты о приеме имущества и капитала церкви¹⁰⁴. Принимались решения о сборе пожертвований для бедных к празднику Рождества. Совет до конца 1917 г. продолжал оплачивать труд учителей в приходской школе, формально ставшей министерской, так как денег на жалованье им власти не выделили.

---

¹⁰¹ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 239.

¹⁰² Там же. С. 241.

¹⁰³ Там же. С. 244.

¹⁰⁴ Там же.

Духовенство откликнулось на установление в станице советской власти молебном «о прекращении взаимной вражды». 25 января в станице получили газеты с посланием Святейшего Патриарха Тихона от 19 января 1918 г., призывавшего всех верных чад Церкви стать на защиту Православия. На следующий день, 26 января урюпинцы прочитали в газетах декрет СНК об отделении Церкви от государства и школ от Церкви. Священник П. Протопопов, как председатель отделения училищного комитета стал агитировать против нововведений советской власти в области образования – за сохранение преподавания Закона Божия. Под влиянием его убеждений педсовет Урюпинской женской гимназии вынес вопрос о преподавании Закона Божия на рассмотрение общего родительского собрания¹⁰⁵.

В условиях революционных беспорядков приходские советы трех урюпинских храмов: Покровского, Вознесенского и Христорожественского, 2 февраля объединились. Более 400 человек сошлись на объединенное собрание, перед которым выступил член Поместного Собора Ф. Г. Кашменский. Бурную дискуссию вызвало обсуждение нового правового положения Церкви, устанавливаемого декретами СНК. Дебаты завершились принятием решения о совершении Крестного хода 11 февраля¹⁰⁶. Станичный ВРК увидел в этом угрозу своей власти и арестовал председателя объединенного собрания купца Е. Ф. Маркова. Делегация духовенства и мирян отправилась в военно-революционный комитет просить об освобождении Маркова, которого обвиняли в том, что он хотел придать крестному ходу протестный характер. Члены делегации доказывали, что во время крестного хода будут молиться о прекращении братоубийственной войны. Очевидно, что революционные власти осознавали направленность такой молитвы против них самих, и осознавали, что получив возможность для выражения своей поддержки Церкви в многолюдном шествии,

---

¹⁰⁵ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 256–257.

¹⁰⁶ Там же. С. 258.

казаки могут смести новую власть. Е. Ф. Марков был переведен под домашний арест, но проведение крестного хода было запрещено¹⁰⁷.

Тем не менее, 11 февраля в станице Урюпинской все же состоялась многолюдная манифестация. Священник 1-го Донского казачьего полка Александр Карнаев взял на себя инициативу по организации общенародной молитвы и мероприятий, направленных на поддержку советской власти. Все воинские части, находившиеся в станице, с оркестрами, революционными плакатами и знаменами прибыли на площадь перед Вознесенским храмом. После богослужения в соборе местное духовенство под предводительством священника А. Карнаева вышло на площадь и совершило панихиду по всем убитым на фронтах. За панихидой последовал благодарственный молебен о возвращении казаков по домам. Полковой священник произнес проповедь, в которой ругал царское правительство за развязанную войну и восхвалял советскую власть за дарованный мир. Духовенство после молебна вернулось в собор, а священник Александр Карнаев участвовал в последовавшем митинге и шествии. На митингах во время демонстрации различные представители ВРК произносили пламенные речи перед казаками, на улицах раздавались листки и брошюры, а «в речах ораторов слышались недобрые ноты по адресу духовенства, служившего опорой старого строя». Во время митинга у здания мировых судей, с которого была сорвана вывеска, выступал и военный священник, произнеся речь о значении переворота и призывая всех к признанию советской власти. Из текста летописи видно, что священник Петр Протопопов не одобрял манифестацию, устроенную вместо планировавшегося крестного хода, тем не менее, вместе со всеми участвовал в богослужениях. Он не сообщает о каких-либо протестах или разделениях в духовенстве по этому вопросу. Очевидно, угроза арестов со стороны ВРК и поддержка его действий казачьими полками сыграли свою роль в вынужденном изменении позиции духовенства¹⁰⁸. В конце февраля

---

¹⁰⁷ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 258.

¹⁰⁸ Там же. С. 258–261.

возвратившиеся с фронта казаки, которых в станице набралось целых 6 полков, стали расходиться по родным хуторам. Ранняя весна, начавшаяся уже в марте, и возвращение земледельцев с фронта стимулировали активные полевые работы.

2–3 апреля (по старому стилю, 15–16 по новому стилю), на станицу напал отряд казаков во главе с офицером Дудаковым. Внезапность нападения привела к тому, что отряд красных был вынужден покинуть Урюпинскую, но на следующий день, используя поддержку артиллерийским огнем, вернулся. Отряд Дудакова отступил, захватив с собой автомобили, оружие и деньги ВРК. Раненый офицер Сонин, оставленный при отступлении, был убит возвратившимися красноармейцами. В станице снова была восстановлена советская власть. Начались похороны убитых. Во время отпевания казака Швецова одна из прихожанок протестовала против совершения над ним христианского обряда. Священник был вынужден разъяснить, что церковные обряды не имеют отношения к политическим разногласиям в обществе. Похоронен по-христиански был и убитый офицер Сонин¹⁰⁹.

Отдел народного образования РВС реквизировал имущество урюпинского отделения епархиального училищного совета. Революционное брожение не обошло стороной и приходские советы. 11 мая (24 по новому стилю) приходской совет Христорождественской церкви решил не участвовать в общестаничном праздновании Урюпинской Явленной иконе Божией Матери. Впрочем, традиционный крестный ход в 1918 г. не состоялся из-за возобновления боевых действий¹¹⁰.

В это время в Новочеркасске, после многочисленных вооруженных выступлений казаков уже была низложена Донская Советская республика и установлена власть Войскового Круга во главе с генералом П. Н. Красновым. Революционеры на Дону частично были уничтожены, частично бежали в «красный» Царицын. Самый северный округ Донской области Хоперский еще

---

¹⁰⁹ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 263–264.

¹¹⁰ Там же. С. 266.

оставался под властью красноармейцев. 19 мая из станицы Урюпинской выступил большой отряд, направившийся на юг вдоль Хопра, но он был полностью разбит в начале июня. В станицу стали возвращаться казачьи части, последовали аресты членов ВРК. На площади перед Вознесенским собором 4 июня духовенством совершено «молебствие по случаю победы». Перед молебном, на котором присутствовали командиры казачьих частей, в том числе Дудаков со штабом, благочинный о. Василий Кожин произнес «соответствующее моменту слово»¹¹¹. В тот же день с воинскими почестями были похоронены убитые.

Центр Хоперского округа находился на самых северных рубежах Дона, куда по железным дорогам легко было подтянуть подкрепления из центральной России и с Западного фронта. С середины июня 1918 г. из-за тревожных слухов о приближении частей Красной армии началось бегство из станицы. При отступлении казачьих войск, большинство священников покинули свои приходы. 22 июня после тяжелых боев станица Урюпинская была занята отрядом Сиверса. Была сделана попытка ареста о. Петра Протопопова, единственного из священников, оставшегося в станице, в его доме несколько раз производили обыски, но прихожане спасли его от расправы. Дома священников, которые уехали из станицы, были разграблены. Красные занимали станицу до 20 июля, все это время отец Петр находился в своем приходе, неукоснительно совершая богослужения и занимаясь, в основном отпеваниями павших в боях – и белых, и красных. Несколько раз за это время ему угрожали, оскорбляли, обыскивали храм, в его доме останавливались на постой воинские части. По направлению к станице Петровской регулярно шли бои с казачьими войсками. Был запрещен колокольный звон, во избежание подачи сигналов через линию фронта. Станица подвергалась частым обстрелам с обеих сторон. Тем не менее, Христорожественский храм, в котором постоянно совершались службы, остался в неприкосновенности. В Покровской церкви не было служб, а в Вознесенском

---

¹¹¹ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 265–266.

храме исполнял требы приезжий священник 18-го казачьего полка Иосиф, фамилия которого осталась неизвестна¹¹².

После возвращения в станицу казачьих войск 20 июля 1918 г., начались обыски и дознания по обвинениям в грабежах брошенных беженцами домов и лавок. Начиная с середины августа, к северу от станицы шли бои с частями Красной армии, 1 сентября снова начались паника и повальное бегство¹¹³.

В сентябре 1918 г. с руководством женской гимназии обсуждался вопрос о приемных испытаниях по Закону Божьему, 23 сентября после молебна перед началом учебного года, были проведены вступительные экзамены, но начало занятий было отложено из-за непрекращающихся боевых действий¹¹⁴. В ночь на 1 октября горела станица Михайловская, подожженная красными с помощью зажигательных бомб, утром в Урюпинской снова началась паника и бегство жителей¹¹⁵. Занятия в женской гимназии начались только 7 октября, с напутственным словом священника возобновились занятия по Закону Божьему¹¹⁶. Красные стали наступать на станицу 14–17 октября, началась эвакуация, в Христорожественском храме упаковали все церковные ценности для отправки в тыл¹¹⁷. Собрание приходского совета, состоявшееся 22 октября, приняло решение оставить на своем содержании церковно-приходскую школу, которая формально была передана министерству просвещения, но фактически на ее содержание не было выделено средств. 13 ноября и 31 ноября–1 декабря повторялась паника и начиналось бегство из станицы. Цены на рынке росли, перестали печь белый хлеб из-за отсутствия муки, не было керосина, перестали работать водопровод и электростанция. В этих условиях продолжала действовать приходская богадельня, в которой содержались престарелые беспомощные женщины¹¹⁸.

---

¹¹² Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 267–271.

¹¹³ Там же. С. 271–273.

¹¹⁴ Там же. С. 274.

¹¹⁵ Там же. С. 273.

¹¹⁶ Там же. С. 274.

¹¹⁷ Там же. С. 275.

¹¹⁸ Там же.

С 4 января 1919 г. через Урюпинскую несколько дней двигались войсковые обозы – казачьи войска отступали под натиском Красной армии. На праздник Крещения 6 января в станице не осталось ни войск, ни властей, в этих условиях духовенство с прихожанами совершали традиционный крестный ход на реку Хопер с великим освящением воды. После окончания богослужения станицу занял отряд красных казаков под командованием Миронова. Священник отметил благожелательное отношение мироновцев к духовенству во время пребывания их в станице, но отряд ушел дальше – вниз по Хопру на станицу Усть-Медведицкую. Новые власти конфисковали все магазины, запретили обращение донских денег. На рынке невозможно было ничего купить – все продовольствие забиралось непрерывно проходившими через станицу красноармейцами. Все жилые помещения занимались войсками, не исключая и квартир священников. Был арестован священник Вознесенского собора М. Дубровин. Началось распространение тифа от проходивших войск, при полном отсутствии врачей и медикаментов. Без духовенства остался Вознесенский собор, так как второй священник А. Матвеев заболел тифом. Духовенству Христорождественского храма приходилось служить в двух приходах, кроме того исполнять требы в окрестных станицах Петровской, Дубровской и Котовской, откуда священники уехали с отступавшими казаками. Основной требой стали причащение больных тифом и погребение умерших от эпидемии¹¹⁹.

С новым приходом советской власти в станице началось исполнение декрета об отделении школы от Церкви, уже с 10 января – после каникул – в школах прекратилось преподавание Закона Божия, 24 января из женской гимназии и из других учебных заведений были удалены иконы, а священник исключен из преподавательского состава. Только 12 мая ревком постановил изъять из храмов все метрические книги. Также было указано производить обряды крещения, венчания и погребения только при предъявлении удостоверения, выданного ревкомом, но через несколько дней распоряжение было

---

¹¹⁹ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 279–280.

отменено. Впрочем, в 1919 г. храмовые метрические книги приходы не успели передать советской власти¹²⁰.

Вскоре после этого Хоперский округ был окончательно занят Красной армией. Советская власть была установлена надолго, были организованы местные советы. Исполком учредил отдел записи актов гражданского состояния, куда постановил передать метрические книги из храмов. Книги были сданы по описям 20 февраля 1920 г. Вновь было отдано распоряжение не производить церковных обрядов без справки из ЗАГСа¹²¹.

В отдел образования был передан сохраненный свящ. Петром Протопоповым в дни боев школьный архив, а в апреле советская власть приказала передать в центральную библиотеку книги, хранившиеся в приходских библиотеках, кроме религиозных. Регламентировался колокольный звон¹²².

В последний день февраля состоялось приходское собрание Христорождественской церкви. Уцелевшие прихожане пытались наладить церковную жизнь, просили продовольственный комитет исполкома отпустить муку для просфор¹²³. 4 апреля была сделана попытка собрать духовенство и представителей мирян хотя бы только из трех приходских и монастырской церквей станицы. Однако священники Покровской церкви не вернулись из отступления, а священники Вознесенской и монастырской церквей не явились на собрание. О. Петр Протопопов временно принял на себя обязанности благочинного, о чем и доложил в письме на имя епархиального архиерея. Урюпинский благочинный о. Н. Евфимьев с января по июль и с августа 1919 г. отсутствовал в станице. В то же время, прихожане храмов благочиния, лишившиеся своих пастырей, обращались к исполнявшему должность благочинного с просьбами о назначении священников. Появлялись самозванцы: в Михайло-Архангельской церкви станицы Петровской по приглашению прихожан

---

¹²⁰ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 279.

¹²¹ Там же. С. 293–295.

¹²² Там же. С. 296–297.

¹²³ Там же. С. 296.

стал служить некий монах Иаков Доманенко. После расспросов благочинного он скрылся¹²⁴. Благочинническое собрание состоялось только 12 августа. Осенью стали делать первые назначения в опустевшие храмы: в ноябре в Христорожественскую церковь был принят диакон А. Приклонский из Москвы, а диакон А. Иванов рукоположен священником в станицу Петровскую. Традиционный крестный ход с Явленной иконой Божией Матери 8 июня был запрещен советской властью, икону пришлось доставлять для молебна в часовню закрытой¹²⁵.

Из записей приходской летописи Пантелеимоновского храма хутора Летовского, датированных 1919 годом, стало известно, что казачьи войска отступили за Дон, оставив левобережье наступающим частям Красной армии. Священник Ф. Маланьин не ожидал ничего хорошего от советской власти, и его опасения сбылись: красноармейцы реквизировали и без того скудный урожай, подводы с лошадьми и рабочую силу. В сентябре 1919 г. полностью остановились полевые работы, хлеб не был убран с полей (о чем свидетельствует и свящ. П. Протопопов, и телеграмма хоперского окружного атамана), торговля прекратилась. Население было поражено эпидемическими болезнями: лихорадкой разных видов, оспой, холерой, красноармейцы принесли с собой тиф. В октябре и ноябре 1919 г. продолжилась массовая реквизиция у жителей хутора скота и птицы для Красной армии. Только в середине декабря, когда части Красной армии переправились через Дон и продолжили преследование казаков, хутор Летовский освободился от постоя и прокорма солдат. Положение было ужасным: зима только начиналась, но уже не осталось запасов продовольствия, не было заготовлено дров, для отопления были разобраны и сожжены надворные постройки, не было соли, мыла и керосина, немногий уцелевший скот страдал болезнями, по хутору распространились тиф и лихорадка.

Наступивший 1920-й г. не принес облегчения: в январе и феврале на фоне

¹²⁴ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 299.

¹²⁵ Там же. С. 300.

голода в хуторе свирепствовал повальный тиф, многие умирали, мер против эпидемии не было никаких. В храме даже на великопостных службах было очень мало молящихся. Не прекратились болезни и смерти и к празднику Пасхи.

С весны и до конца 1919 г. священник не делал записей, и мы не знаем, что происходило в опустошенном гражданской войной хуторе. В конце декабря 1919 г. священник сделал короткую запись о том, что хлеб и картофель у них на хуторе пока есть, но «к весне будет жутко!»¹²⁶

После прекращения боев на Дону жизнь стала спокойнее, но население хутора сильно уменьшилось. В январе 1920 г. немногие трудоспособные были мобилизованы на заготовку дров в донских пойменных лесах для железной дороги. Священник записал, что служит в церкви один, без певчих и практически без молящихся. Закончилось церковное вино для совершения Литургии, свечи и лампадное масло, не было возможности ничего достать.

Летом 1920 г. в Урюпинской, как и на всем Дону, разоренном Гражданской войной, начался жестокий голод. В документах Хоперского комитета помощи голодающим сохранились свидетельства о том, как летом 1920 г. умирали от недоедания и кишечных инфекций сироты, собранные в местном приюте. У исполкома не имелось продовольствия, была закрыта больница, пациенты распущены по домам. Дети вынуждены были обрывать зеленые яблоки и груши, собирать на берегах Хопра раковины беззубок, что вызывало тяжелые расстройства пищеварения, диарею, истощение и смерть¹²⁷. Только осенью открылись общественные столовые, в которых стали кормить по карточкам выживших жителей и детей. Не сразу, но карточки на питание были выданы и семьям священников, так свящ. Петр Протопопов получил их только 1 ноября 1920 г.¹²⁸

Заседания приходского совета Христорождественской церкви стали проводиться ежемесячно, а в мае было даже решено «для наставления детей по

¹²⁶ Церковно-приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 46.

¹²⁷ ГАВО. Ф. Р-1765. Оп. 1. Д. 3. Л. 20-21.

¹²⁸ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 302.

Закону Божьему открыть огласительную школу». Разумеется, урюпинские священники и прихожане еще не знали в подробностях новое советское законодательство о религии, запрещавшее обучение детей при храмах. В ноябре 1920 г. Христорождественская церковь впервые за смутные годы революции и Гражданской войны была ограблена: воры похитили кресты, облачения престолов и жертвенников, часть утвари, сломали дарохранильницы. Святотатцы не были обнаружены, но через месяц представители уголовного розыска на основании ордера произвели в храме обыск, подробно осмотрев все помещения. Настоятель присутствовал во время обыска, он настоял, чтобы милиционеры сняли головные уборы в храме. Вероятно, следователи уголовного розыска подозревали, что похищение было инсценировано духовенством и приходским советом с целью укрытия утвари от большевиков, хотя до массового изъятия ценностей было еще почти два года¹²⁹.

Таким образом, приходится признать, что свержение царской власти, хотя и не приветствовалось, но и не вызвало бурю возмущения и стремления стать на ее защиту. Активные священники надеялись на благополучное обустройство приходской жизни, развитие социальной, образовательной, просветительской деятельности в новых условиях. Первые попытки установления советской власти в донских станицах и хуторах вызвали закономерное отторжение и были обречены на скорое разрушение. Гражданская война была однозначно воспринята как народное бедствие. Это выразилось в поддержке как духовенством, так и большинством прихожан Белого движения. Поражение в Гражданской войне и установление на Дону советской власти явилось неизбежным злом, которому приходилось покоряться и выживать в новых условиях. Традиционные формы организации жизни православных приходов оказались довольно устойчивыми. Поскольку духовенство зачастую было вынуждено покидать свои приходы, храмы поддерживались прихожанами. Заслуживают уважения как священники, остававшиеся на своих местах, несмотря на угрозы войны, так и попытки

---

¹²⁹ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 303.

развития приходского самоуправления. Отдельного исследования заслуживает начинавшийся в 1917-1918 гг. процесс введения выборного начала на приходах. Нужно сказать, что само массовое участие казаков в обороне своих станиц и хуторов от наступления большевистских отрядов, их массовое участие в Белом движении стало самой яркой формой защиты традиционных устоев жизни, неотъемлемой частью которой была православная приходская община. Реакция духовенства и прихожан на начинающиеся гонения со стороны новой власти становится сердцевиной жизни в новых условиях. В то же время общее оскудения состава приходов, связанное с уходом казаков в армию, их гибелью и отступлением, а затем и с вынужденной эмиграцией, крайне негативным образом сказалось на приходской жизни. С отъездом священников прекращалось богослужение, в условиях боевых действий останавливалась деятельность школ, библиотек, иногда разрушениям подвергались сами храмы и приходские строения. После окончания Гражданской войны и прихода «красных» угроза террора нависла как над духовенством, так и над большинством казаков. Гуманитарная катастрофа и свела приходскую жизнь к минимуму, и в этих условиях ограничения деятельности Церкви были наиболее болезненны.

1.3. Органы церковного самоуправления во время Гражданской войны¹³⁰

Изучение деятельности органов церковного управления в годы начинавшихся гонений может прояснить картину церковной жизни на местном уровне в годы Гражданской войны. В Российской Империи деятельность всех церковных органов регламентировалась сверху – через Святейший Синод. В первые месяцы после Февральской революции возросла роль коллегиальных органов управления, в том числе советов разного уровня. В Церкви такими коллегиальными органами, помимо нерегулярных съездов духовенства, стали епархиальные и благочиннические советы. Исследуемая нами территория находилась далеко от своего епархиального центра, кроме того, с началом Гражданской войны связь практически прервалась. В местных архивах удалось обнаружить свидетельство деятельности только одного благочиннического совета, что не может дать целостную картину деятельности таких органов, но может составить некоторое представление о церковной жизни. Исследуемая книга записи решений позволяет судить об интенсивности его работы, круге рассматриваемых вопросов. В условиях практического прекращения связи с епархиальными органами управления, духовенство организовывало местное самоуправление, как в станице Урюпинской или использовало дореволюционные формы, как в станице Филоновской. В этих органах активное участие наряду с духовенством стали принимать миряне.

В станице Филоновской Хоперского округа на протяжении всего 1917 и 1918 гг. проходили заседания местного благочиннического совета. Совет был сформирован еще до Февральской революции в начале февраля 1917 г. Книга

---

¹³⁰ В данном разделе в более расширенном виде приводится материал, опубликованный, в частности, в статье: *Агеев Е. А.* Деятельность Филоновского благочиннического совета Хоперского округа Донской епархии во время революции и Гражданской войны (1917–1920) // *Известия ВГПУ.* – 2017. – № 2. – С. 180–187.

записи решений совета является единственным сохранившимся на территории Волгоградской области документом подобного рода¹³¹, однако, можно предположить, что и в других благочиниях Хоперского и Усть-Медведицкого округов в первые послереволюционные годы благочиннические советы продолжали свою более или менее периодическую работу, но соответствующие документы не были сохранены. По книге записи решений Филоновского благочиннического совета мы можем судить и о деятельности вышестоящих органов епархиального управления и приходских советов в Филоновском благочинии Хоперского округа.

Первоначально Филоновский благочиннический совет был сформирован только из священников: председатель совета, филоновский благочинный протоиерей Сергей Архипов, члены совета – священники Павел Вилков и Алексей Ружин¹³².

После того как в России произошло свержение царской власти, 26 апреля 1919 г. в епархиальном центре – Новочеркасске прошел первый Чрезвычайный Донской епархиальный съезд с участием более трехсот представителей духовенства и мирян. На аналогичных съездах во многих епархиях были переизбраны епархиальные архиереи, как это было в Санкт-Петербурге и Москве. На съезде в Новочеркасске полномочия управляющего Донской епархией архиепископа Митрофана (Симашкевича) и его викария епископа Аксайского Ермогена (Максимова) были подтверждены. Донское духовенство приветствовало свержение самодержавия, призвало паству Донской епархии к продолжению войны и к послушанию Временному правительству¹³³. Аналогичные заявления, скорее всего, были приняты и на прошедших весной–летом 1917 г. окружных съездах духовенства, однако, материалов Хоперского и Усть-Медведицкого съездов в архивах не обнаружено. На съезде была принята резолюция, регламентировавшая некоторые стороны приходской и епархиальной жизни, в

---

¹³¹ Книга записей решений Филоновского благочиннического совета // ГАВО. Ф. И–14. Оп. 1. Д. 75.

¹³² Там же. Л. 1об.

¹³³ Донская и Новочеркасская епархия // Православная энциклопедия. Т. 15. С. 676.

частности, установившая выборность членов приходского причта и расширившая составы благочиннических советов.

В связи с этим 30 мая 1917 г. Филоновским районным церковным советом был переизбран Филоновский благочиннический совет в составе семи членов. Если все трое прежних членов совета были священниками, то в новый состав совета вошел только один священник – отец Александр Алексеев, который и стал его председателем. От клириков благочиния в совет были избраны диакон Василий Пашутин и псаломщик Стефан Штурбин. Кроме трех клириков, в совет вошли трое мирян: коллежский регистратор Ефим Сергеевич Маковеев, урядники Александр Дмитриевич Малахов, Александр Ксенофонович Кривцов и Роман Иванович Саламатин. А. К. Кривцов был избран товарищем (заместителем) председателя, диакон В. Пашутин – секретарем, а Е. С. Маковеев – казначеем¹³⁴. Больше в книге не имеется сведений о переизбрании совета, однако, судя по дальнейшим записям, состав его менялся. В своем полном первоначальном составе совет собирался только два раза – на первое заседание и осенью 1917 г. Уже в 1917 г. практически не принимал участия в заседаниях урядник А. Д. Малахов, в декабре не было и урядника А. К. Кривцова. На заседание 31 декабря 1917 г. собрались только председатель и урядник Р. И. Саламатин¹³⁵. С января 1918 г. псаломщика С. Штурбина в составе совета заменил псаломщик Григорий Вилков. В первой половине 1918 г. в заседаниях участвовали 4–5 человек: председатель, дьякон–секретарь, казначей Е. С. Маковеев, и церковный староста П. И. Королев. Псаломщик Г. Вилков не всегда приходил на заседания, казаки, возможно, участвовали в это время в боевых действиях. С августа 1918 г. старосту П. И. Королева заменил В. М. Сальников. В таком же составе совет собирался и на свое единственное заседание в 1919 г. В двух заседаниях 1920 г. (в апреле и в июле) уже не участвовал дьякон В. Пашутин, старостой стал Ф. Назаров, и в последнем записанном книге заседании принял участие протоиерей А. Поярков.

---

¹³⁴ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 2 об.–3.

¹³⁵ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 24 об.–25.

Логично предположить, что в работе совета участвовали те лица, которые оказывались на месте, и занимали должности в клире Троицкой церкви станицы Филоновской.

Одной из функций совета было разрешение споров между клиром и прихожанами. На первом заседании был рассмотрен вопрос о нестроениях в приходе Архангельской церкви хутора Мартыновского станицы Дурновской. Мартыновский приходской совет 28 мая 1917 г. принял решение об увольнении своего священника Иоанна Колесникова и просил благочиние командировать в приход другого священника. Благочиннический совет признал решение приходского совета об увольнении священника незаконным и призвал прихожан выяснять недоразумения со своим пастырем¹³⁶. Из дальнейших записей выясняется, что примирения в Мартыновском приходе не произошло, и летом 1917 г. прихожане отобрали у священника ключи от Архангельского храма. Прихожан поддерживал местный диакон Федоров, который стал крестить детей и отпевать покойников без священника. Благочиннический совет не смог ничего предпринять против мятежных мартыновских прихожан во главе с дьяконом и разрешил отцу Иоанну Колесникову оставить приход. В конце августа мартыновцы выгнали священника из предоставленного ему дома, выставив в доме окна. Дело было отправлено в Новочеркасск, откуда пришли указы консистории: о недопустимости насилия по отношению к священнику и о разрешении ему искать себе другое место.

Круг вопросов, обсуждавшийся советом, также изменялся со временем. В книге нет записей об избрании делегатов на епархиальный съезд духовенства. Единственным «политическим» вопросом, который обсуждался на заседаниях, стала критика священником Стефаном Аникеевым из станицы Павловской действий и постановлений Чрезвычайного Донского Епархиального съезда. Он изложил свое несогласие в письменном докладе 29 мая 1917 г. на собрании духовенства и заявил, что не желает им подчиняться. На первом заседании 30 мая

---

¹³⁶ Там же. Л. 4 об.

1917 г. члены совета обсуждали его доклад, и, в обычном духе законопослушания, предложили отцу Стефану Аникееву подчиниться всем резолюциям съезда¹³⁷.

На собрании духовенства и мирян Урюпинского благочиния 23 мая 1917 года были избраны органы местного самоуправления урюпинского духовенства: районный церковно-приходской совет в составе двух священников, диакона, двух псаломщиков и семи мирян; районный суд в составе трех членов от духовенства и трех от мирян¹³⁸.

В преддверии проведения Всероссийского Поместного собора 30 июля 1917 г. состоялось собрание духовенства и мирян Урюпинского благочиния для избрания в епархиальное собрание выборщиков членов собора. Выборщиками были избраны благочинный священник Василий Кожин, священник Петр Протопопов, преподаватель Урюпинского реального училища Ф. Г. Кашменский и два казака, чьи имена не названы в летописи – два священника и трое мирян. Собрание снова приняло резолюцию в защиту преподавания Закона Божия. Урюпинские делегаты направились на епархиальное избирательное собрание, прошедшее 8 августа в Новочеркасске под председательством викарного епископа Аксайского Гермогена¹³⁹. В число пяти делегатов Всероссийского Поместного собора, избранных собранием от Донской епархии, вошли двое урюпинцев – священник Василий Кожин и преподаватель Ф. Г. Кашменский. Кроме избирательных вопросов, на съезде обсуждался злободневный вопрос о преподавании Закона Божия. Священник Петр Протопопов стал активным участником дискуссии и членом избранной съездом комиссии, подготовившей очередную резолюцию в защиту его преподавания в школах¹⁴⁰.

---

¹³⁷ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 3 об.

¹³⁸ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 221–222.

¹³⁹ Гермоген (Максимов, 1861–1945) — кандидат богословия (1886), епископ Аксайский, викарий Донской епархии (1910–1919), с 1919 — епископ Екатеринославский, в 1920 году эмигрировал, член Архиерейского синода РПЦЗ, в 1942–1945 — предстоятель т. н. «Хорватской Православной Церкви», осужден Синодом РПЦЗ, в 1945 г. расстрелян в Югославии за коллаборационизм.

¹⁴⁰ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 230–231, 232–233.

Двое из урюпинских делегатов стали членами Собора от Донской епархии – свящ. В. Кожин и Ф. Г. Кашменский. Оба прибыли на Собор 18 августа и участвовали в заседаниях до 4 ноября 1917 г. На вторую и третью сессии они смогли приехать в Москву. 11 января 1918 г. на собрании духовенства и мирян член Поместного Собора свящ. В. Кожин докладывал о работе и настроениях Собора¹⁴¹. Преподаватель русского языка и литературы Урюпинского реального училища Ф. Г. Кашменский выступал с докладом о Соборе на объединенном собрании урюпинских приходов 2 февраля 1918 г.¹⁴²

Проходили собрания и по другим вопросам. Так, собрание духовенства и церковных старост, состоявшееся 30 апреля 1918 г. (13 мая по новому стилю), обсуждало вопрос о способах снабжения храмов свечами, вином и ладаном для совершения богослужений. Было принято решение организовать изготовление свечей самостоятельно¹⁴³.

Во время отступления казачьих войск, деятельность местных органов церковного самоуправления приостанавливалась, в первую очередь из-за того, что священники уходили вместе с войсками. После возвращения в станицу казачьих войск 25 июля 1918 года, состоялось собрание возвратившегося в свои приходы духовенства, на котором вновь обсуждался вопрос о церковных свечах. Автор летописи с горечью охарактеризовал это так: «Спасают решето, когда горит сундук с добром». Духовенство намеревалось 1 августа обойти крестным ходом вокруг станицы, но боевые действия были близко, и крестный ход был отложен. На 31 августа был назначен съезд духовенства благочиния, на котором планировалось избрать нового благочинного вместо свящ. Василия Кожина, переведенного в Новочеркасск. К съезду требовалось собрать сведения об уничтоженном и разграбленном имуществе приходов и духовенства. Начиная с

---

¹⁴¹ Там же. С. 252–253.

¹⁴² Там же. С. 258.

¹⁴³ Там же. С. 266.

середины августа, к северу от станицы шли бои с частями Красной армии, 1 сентября снова начались паника и повальное бегство, съезд также не состоялся¹⁴⁴.

Урюпинский благочинный о. Н. Евфимьев с января по июль и после августа 1919 г. отсутствовал в станице. В то же время, прихожане храмов благочиния, лишившиеся своих пастырей, обращались к исполнявшему должность благочинного с просьбами о назначении священников. Появлялись самозванцы: в Михайло-Архангельской церкви станицы Петровской по приглашению прихожан стал служить некий монах Иаков Доманенко. После расспросов благочинного он скрылся¹⁴⁵. Благочинническое собрание состоялось только 12 августа. Осенью стали делать первые назначения в опустевшие храмы: в ноябре в Христорождественскую церковь был принят диакон А. Приклонский из Москвы, а диакон А. Иванов рукоположен священником в станицу Петровскую. Традиционный крестный ход с Явленной иконой Божией Матери 8 июня был запрещен советской властью, икону пришлось доставлять для молебна в часовню закрытой¹⁴⁶.

Несколько раз совет принимал решение о созыве общего собрания благочиния. Как сказано выше, первое собрание прошло 29 мая 1917 г. Следующее было назначено на 16 января 1918 г., на него приглашались священнослужители, церковные старосты и представители приходов, причем мирян должно было быть на одного человека больше, чем духовенства. О созыве очередного благочиннического съезда и приглашении на него от каждого прихода по одному священнику, председателю приходского совета и казначею, принято решение 17 мая 1918 г.¹⁴⁷ 21 августа 1918 г. было принято решение о созыве съезда духовенства благочиния с представителями от мирян в равном количестве на 11 сентября 1918 г.¹⁴⁸ Решение о проведении благочиннического съезда, но уже

¹⁴⁴ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 271–273.

¹⁴⁵ Там же. С. 299.

¹⁴⁶ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 300.

¹⁴⁷ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 36 об.–37.

¹⁴⁸ Там же. Л. 40 об.–41.

без упоминания о составе, принималось и 17 июля 1919 г.¹⁴⁹ В то же время в книге нет никаких сведений о том, состоялись ли назначенные съезды и какие решения были на них приняты.

Церковные власти в лице как благочиннического совета, так и епархиального совета не всегда могли справиться с начинающейся анархией и самоуправством отдельных представителей духовенства и прихожан. Они делали попытки направить революционную стихию в демократическое русло, организуя выборы клириков в соответствии с решениями Чрезвычайного Донского епархиального съезда. Согласно этим постановлениям, кандидатов для выборов на освобождающиеся места клириков в приходах должен был одобрять благочиннический совет. Совет посылал своих представителей на выборы и утверждал их результаты. Именно эти вопросы и обсуждал совет в течение 1917 и первой половины 1918 гг. В большинстве приходов выборы проходили нормально. На освобождающиеся или вакантные места священников, диаконов и псаломщиков претендовали или низшие члены клира, уже долгое время прослужившие в приходе и пользовавшиеся уважением прихожан, или их родственники из других приходов. Обсуждалось только два случая избрания приезжих священников – оставшегося без места полкового священника и прибывшего из Пермской губернии. В отдельных случаях выборы не признавались действительными, как это случилось в октябре 1917 г в хуторе Долгове, когда в собрании участвовали жители только одного хутора и отсутствовал благочинный. В то же время 20 сентября 1918 г. священник Иоанн Колесников из хутора Ново-Киевка сообщил, что «большая часть его прихода при отступлении красноармейских банд ушла с красными и что оставшиеся 50 дворов его прихода не могут обеспечить его материальное существование, и другой его рапорт, об ограблении его красными»¹⁵⁰. По всем этим случаям совет принимал однообразные решения: «Довести до сведения епархиального начальства».

---

¹⁴⁹ Там же. Л. 43 об.–44.

¹⁵⁰ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 42 об.

Многие священники в эти трудные годы продолжали свое служение на приходах и заботу о храмах и прихожанах. Так, прихожане церкви Рождества Богородицы хутора Яменский станицы Алексеевской в сентябре 1918 г. сообщили совету «о заботливом отношении их приходского священника о. А. Протопопова к делам благоуукрашения и благоустройства храма»¹⁵¹.

С сентября 1918 г. совет перестал собираться на заседания, причиной чему, очевидно, были возобновившиеся боевые действия. Единственная запись 1919 г. сделана 17 июля¹⁵². Совет рассматривал конфликт в Николаевской церкви хутора Саломатина между священником Ф. Петренко и псаломщиком Яценковым, неоднократно перемещавшимся с прихода на приход из-за нетрезвого образа жизни. Этот вопрос был рассмотрен даже раньше рапорта причта Троицкой церкви станицы Филоновской о повреждении орудийными выстрелами главного купола храма. Возобновление работы совета было связано, по-видимому, с очередным отступлением частей Красной армии. Филоновское духовенство снова получает указания от Донского епархиального совета, в частности, об организации духовных судов и следователей, существовавших до революции во всех благочиниях. Совет решил провести собрание духовенства, но о том, состоялось ли оно, неизвестно. Члена совета псаломщика С. В. Штурбина, совет рекомендовал для рукоположения в диаконский сан к Архангельской церкви станицы Алексеевской. Также совет рассмотрел перемещение псаломщика Петрова. Других заседаний в 1919 г. не было¹⁵³.

На новое заседание филоновский благочиннический совет собрался 12 апреля 1920 г.¹⁵⁴ К этому времени Белая армия была разбита и на Дону была установлена советская власть, многие священники покинули свои хутора, а оставшимся приходилось часто совершать поездки по соседним приходам. Совет рассматривал рапорт псаломщиков Троицкой церкви станицы Филоновской «с

---

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. Л. 43 об.–45.

¹⁵³ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 43 об.–45.

¹⁵⁴ Там же. Л. 45 об.–46.

вопросом: имеют ли иереи право ездить на хутора чужого прихода и совершать богослужения без псаломщиков, несмотря на желание последних ездить туда с ними?» Очевидно, причетники приходов, оставшихся без духовенства, сильно бедствовали, не имея возможности получать часть от пожертвований при совершении треб священниками из других приходов. Священники, приезжавшие для совершения крещения или отпевания, также были не расположены делиться с оставшимися без работы членами клира чужого прихода. Бедствия гражданской войны и послевоенной разрухи вносили раздоры между клириками. В книге записано пространное решение совета, призывающее «не забывать служителям церкви, а особенно, служителям алтаря главной своей задачи – быть светочами и служить примером в глазах христианской общины, а не унижать своего достоинства, погружаясь в какие-то мелкие расчеты материальные».

Последняя запись в книге сделана 27 июля 1920 г., когда совет обсуждал указ Донского епархиального совета от 4 июля 1920 г. об отчислении 20% чистой прибыли от церквей благочиния на содержание епархиальных учреждений. Необходимо заметить, что Чрезвычайный Донской епархиальный съезд еще в апреле 1917 г. принял решение о прекращении сборов с приходов на нужды епархии со второго полугодия 1917 г., а многие приходы после этого отказались уплачивать взносы и за первое полугодие. В 1917 – первой половине 1918 г. время от времени производились чрезвычайные взносы на рассылку указов и поездки представителей благочиннического совета для проведения приходских выборов. Благочинный священник Алексеев произвел ревизию церквей и доложил совету, «что свечная операция во всех церквах благочиния в течение двух последних лет почти не производилась за отсутствием свечей»¹⁵⁵. Действительно, еще 17 мая 1918 г. совет рассматривал доклад заведующего благочиннической лавкой священника Василия Студеникина «о безвыходном положении свечной лавки, ввиду невозможности доставить необходимые материалы и дороговизне поездок

---

¹⁵⁵ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 46 об.

за покупкой свечей»¹⁵⁶. Тогда совет решил: «Созвать благочиннический съезд... для обсуждения вопроса об оборудовании... производства свечей частным лицом и о способе приобретения материала для свечей»¹⁵⁷. Скорее всего, боевые действия гражданской войны не дали возможности для осуществления этого намерения. В итоге было решено: «предложить всем церквам благочиния сделать единовременный взнос от жертвенных сумм и кошелька на нужды Епархиальных учреждений по одной тысяче руб. со штата»¹⁵⁸. Тысяча рублей с каждого члена клира ввиду гиперинфляции в 1920 г. была незначительной суммой, тем не менее, распоряжение епархиальных властей формально было исполнено.

Из этого можно сделать вывод, что Филоновский благочиннический совет, изначально выполнявший административные функции, в годы революции стал представительным органом духовенства и прихожан. Несмотря на отдельные проявления революционной анархии, совет контролировал выборы клириков в приходах, способствовал разрешению конфликтов, способствовал проведению регулярных благочиннических съездов с участием духовенства, младших клириков и прихожан. Однако в условиях Гражданской войны совет утратил свою представительность, проведение съездов становится невозможным, его функции свелись к констатации нестроений церковной жизни и увещанию участников конфликтов. Совет эпизодически фиксировал факты преследований со стороны советской власти, повреждений храмов и сокращения духовенства. В периоды освобождения территории благочиния от красноармейских частей делались незначительные и безуспешные попытки восстановления нормального церковного управления. Окончательное установление советской власти и прекращение гражданской войны на Дону в 1920 г. повлекло за собой как новые попытки утверждения епархиальных властей, так и прекращение деятельности Филоновского благочиннического совета. Следует отметить, что в документах функционирующего органа церковного управления гонения на духовенство со

---

¹⁵⁶ Там же. Л. 36 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 37.

¹⁵⁸ Там же. Л. 47.

стороны советской власти нашли очень малое отражение. Совет не предпринял никакого расследования по факту гибели одного из своих членов – священника Павла Вилкова. Удар по Церкви разрушил, в первую очередь, ее управляющие органы, что проявилось, в том числе и на уровне местного благочиннического совета.

В условиях отрыва от центральных и епархиальных органов церковного управления, провинциальное духовенство вместе с младшими членами клира проявили высокую степень организованности и участвовали в деятельности местных органов церковного управления, предпринимая попытки решения проблем, выборности клира, совершения богослужений и треб, замены выбывших клириков и обеспечения приходов необходимым для богослужений. Боевые действия Гражданской войны практически парализовали деятельность этих органов.

1.4. Гонения на духовенство в ходе боевых действий Гражданской войны¹⁵⁹

Боевые действия Гражданской войны, продолжавшиеся на Дону с весны 1918 по начало 1920 г. существенно изменили традиционный уклад жизни. Значительные масштабы трагедии требуют уточнения урона, причиненного в ходе братоубийственной войны православным приходам и монастырям. Предваряя результаты исследования, необходимо отметить, что православное духовенство не могло остаться нейтральным в событиях Гражданской войны. Казачьи войска, вставшие на сторону Белого движения, с точки зрения духовенства, защищали традиционный образ жизни, включавший в себя православную веру, как его неотъемлемую часть. Очевидно, что в годы Гражданской войны представители духовенства поддерживали «белых». Проблема состоит в выяснении и подтверждении конкретных фактов гонений, сведения о которых очень скудны.

Уже в начале 1917 года отношение к духовенству стало изменяться в худшую сторону. В донских станицах стали совершаться преступления, направленные против священников. Так, на собрании духовенства и мирян Урюпинского благочиния 23 мая 1917 года была оглашена весть о трагической гибели священника Рождество-Богородицкой церкви станицы Котовской Михаила Афанасьева. В апреле в его дом ночью забрались грабители, которые и убили священника, заставшего их на месте преступления¹⁶⁰. Это убийство стало первым предвестником начинавшейся революционной анархии.

Первое по времени свидетельство о гонениях на духовенство со стороны новых революционных властей получено из рапорта Себряковского благочинного

---

¹⁵⁹ В данном разделе в более расширенном виде приводится материал, опубликованный в частности в статье: *Агеев Е. А., священник*. Документы Особой комиссии по расследованию действий большевиков при ГК ВСЮР (1919 г.) как источник по истории приходских храмов и монастырей современной Волгоградской митрополии в годы Гражданской войны // Вестник архивиста. – 2015. – № 4. – С. 52–65.

¹⁶⁰ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 221–222.

Усть-Медведицкого округа свящ. Ф. Тарасова в епархиальный совет. Еще до начала Гражданской войны и «красного террора» в слободе Михайловке произошло зверское убийство священника Николаевской церкви Феоктиста Лебедева. Слобода Михайловка располагалась на железной дороге Грязи – Царицын вблизи главной железнодорожной станции Усть-Медведицкого округа Себряково. Священник Феоктист Лебедев с начала Первой мировой войны руководил деятельностью комитета волостного комитета по распределению пособий семьям воюющих на фронте солдат. За несколько тяжелых военных лет в слободе Михайловке было немало недовольных деятельностью комитета, который был вынужден отказывать некоторым обращающимся за помощью. Священник получал с фронта оскорбительные и угрожающие письма. В конце 1917 г. слобода была наводнена возвратившимися с фронта солдатами, некоторые из которых высказывали враждебное отношение к священнику. Ревком произвел обыск в доме о. Феоктиста, также сопровождавшийся оскорблениями и угрозами. После обыска, 13 января 1918 г., священник попытался уехать из Михайловки, но был задержан вооруженными солдатами. Толпа стала требовать немедленного расстрела священника, он был застрелен и солдаты стали колоть его тело штыками и бить прикладами и ногами. Тело священника было выброшено на свалку, и власти запретили его хоронить. Лишь через несколько дней тело было предано земле, причем участники похорон также терпели оскорбления и угрозы¹⁶¹.

В те же январские дни 1918 г. другой священник слободы Михайловки о. Иоанн Штурбин был арестован вооруженными солдатами в то время, когда возвращался из дома умирающего прихожанина, которого причащал Св. Дарами. Солдаты остановили его во дворе, приставили караул, обыскали священника, и в течение получаса допрашивали его. Штурбин был отпущен, но такое

---

¹⁶¹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6. Л. 3 об., 32.

оскорбление, нанесенное священнику, посетившего умирающего, было немыслимо до революционных событий¹⁶².

Сразу после установления в станице Урюпинской власти военно-революционного комитета (ВРК), 27 января 1918 года, на улицах были расклеены листки, в которых поносилось духовенство – «попы» объявлялись пособниками угнетения народа¹⁶³. С февраля по апрель 1918 г. ВРК издавал газету «Донская правда», главной целью которой стала «борьба с контрреволюцией». С первых же номеров в ней стали печататься статьи с критикой православной Церкви и религии вообще. Хотя в то же время в газете были опубликованы и статьи свящ. А. Карнаева, поддержавшего новую власть¹⁶⁴.

Следующие факты относятся уже ко времени установления на Дону советской власти в лице «Донской Советской Республики», и к ее разгрому весной 1918 г.

В рапорте священника Иоанно-Предтеченской церкви на станции Раковке Усть-Медведицкого округа о. Клавдия Штурбина сообщается, что пасхальное богослужение 22 апреля 1918 г. было прервано прибывшими по железной дороге вооруженными красноармейцами. Солдаты отбирали у собравшихся на праздничную заутреню прихожан принесенную ими для освящения снедь: куличи, пасхи, яйца, при этом угрожая «остричь попа»¹⁶⁵. Позже тот же священник, заполняя опросный лист Особой комиссии, также сообщал о запрете преподавания Закон Божьего, имущественном ущербе, который потерпели священники, аресте диакона, к сожалению, без подробностей. Отдельно в деле приложена выписка из показаний свящ. К. Штурбина, доносящая о том, что красноармейцами была прострелена икона Воскресения Христова и на некоторое время запрещены богослужения¹⁶⁶.

---

¹⁶² Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

¹⁶³ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 256–257.

¹⁶⁴ Там же. С. 262.

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об, 54–56.

¹⁶⁶ Там же. Д. 6а. Л. 418.

Урюпинский благочинный священник Василий Кожин доложил в Епархиальный совет о гибели псаломщика Михайло-Архангельской церкви станицы Тишанской Хоперского округа Иоанна Мелихова¹⁶⁷. Он был захвачен красноармейским отрядом, отступавшим от казаков через станицу 23 мая 1918 г. На следующий день был найден раздетый и изуродованный труп И. Мелихова с множеством штыковых ран. Можно предположить, что псаломщик был единственным из не покинувших приход представителей клира, и подобная участь могла ожидать все станичное духовенство.

Среди документов о преследованиях духовенства, переданных в Особую комиссию из Донского епархиального совета, есть сведения об убийстве свящ. Иоанна Дзуса в окрестностях Новочеркасска в мае 1918 г.¹⁶⁸ В акте о его смерти от рук красноармейцев указано, что он был священником церкви станицы Раздорской-на-Дону, которая находилась в том же Первом Донском округе. Однако, можно предположить, что место служения свящ. И. Дзуса здесь указано ошибочно, так в другом деле содержится резюме из рапорта себряковского благочинного о. Ф. Тарасова об исчезновении священника Христорождественской церкви станицы Раздорской (на Медведице) о. Иоанна Дзуса¹⁶⁹. Согласно документу, составленного на основе не дошедшего до нас текста рапорта, после установления весной 1918 г. в станице Раздорской новой власти священник вступил в конфликт с большевиками. Основой конфликта стало неприятие настоятелем распоряжений об ограничении церковных служб, после чего была предпринята попытка ареста свящ. Иоанна, благодаря защите прихожан предотвращенная. Священник потребовал выдать ему пропуск для поездки в Новочеркасск с жалобой на действия станичных революционных властей, получил его и уехал из станицы. Точных сведений о его последующей судьбе не было ни у благочинного, ни у супруги, но по разговорам в станице, основанным на словах местных большевиков, свящ. Ф. Тарасов предположил, что пропавший

---

¹⁶⁷ Там же. Л. 4 об, 36, 52; Д. 6а; Л. 384.

¹⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6. Л. 27-31, 39.

¹⁶⁹ Там же. Д. 6а. Л. 374.

священник вскоре после отъезда был тайно схвачен ими и убит. Если верно предположение, что речь в разных документах идет об одном и том же лице, следовательно, свящ. Дзус был убит не местными большевиками, а погиб в окрестностях донской станицы, куда стремился добраться с жалобами.

В июне 1918 г. в станицу Филоновскую вошла 16-я стрелковая дивизия Красной армии под командованием В. И. Киквидзе¹⁷⁰. Задачей дивизии стало удержание ветки «Грязи – Царицын» Юго-Восточной железной дороги для беспрепятственного провоза продовольствия с Юга России в голодающую столицу¹⁷¹.

19 июня (по старому стилю, в книге проставлена и дата по новому стилю 2 июля) четверо членов благочиннического совета срочно собрались, чтобы обсудить требование командования красноармейцев о выдаче из лавки ведра церковного вина, якобы для больных¹⁷². Требование было оформлено в письменном виде, имело дату и исходящий номер. Однако, священник Василий Студеникин, у которого были ключи от лавки, отсутствовал, и совет постановил, ввиду «настойчивого требования со стороны штаба дивизии советских войск», сломать замок в присутствии совета и выдать вино по установленной цене. Неизвестно, сколько вина было взято и уплатили ли за него красноармейцы, но из следующих записей становится известно о других обстоятельствах захвата станицы. Именно в этот день, 2 июля красноармейцами был расстрелян священник из станционного хутора Самсонова и член первого состава совета о. Павел Вилков вместе с двумя сыновьями офицерами¹⁷³.

Летом 1918 г. расстрелы священников были еще исключительным событием. Казнь отца Павла Вилкова с сыновьями оставила свой след и в мемуарах о Гражданской войне советского времени. По воспоминаниям одного из

---

¹⁷⁰ Киквидзе Василий Исидорович (1895–1919) — революционер, член партии левых эсеров, красный командир, смертельно ранен в бою. Его именем назван соседний район Волгоградской области.

¹⁷¹ Шихаев Б. Боевая жизнь 16 стрелковой Ульяновской имени Киквидзе дивизии. М. – Л., 1926. С. 15–17.

¹⁷² Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 37 об.–38.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. Р–470. Оп. 1. Д. 6а. Л. 372.

участников событий И. А. Иконникова¹⁷⁴, при наступлении красных на станцию Филоновскую с высокой церковной колокольни по ним велся огонь из пулемета. Священник с двумя сыновьями, студентами Московского университета, которые якобы и вели огонь, были расстреляны по решению военного трибунала. Другой мемуарист К. Г. Еремин, также бывший участником событий, ничего не упоминает о пулеметном огне с колокольни и о расстреле священника¹⁷⁵, умалчивается об этом и в уже упомянутой книге Б. Шихаева, подробно описывающей боевой путь дивизии Киквидзе. В воспоминаниях местного учителя Ф. И. Казьмина отец Павел Вилков вместе с сыновьями упоминаются в списке расстрелянных «контрреволюционеров», помогавших отрядам казаков, которые в июле 1918 г. сделали попытку захвата станции Филоново¹⁷⁶. Много внимания уделили событиям Гражданской войны в Хоперском округе краеведы А. Ф. Тараненко и П. Футин, статьи которых неоднократно публиковались в местной газете «Авангард». П. Футин пишет в своей книге «История моего рода» о том, что огонь из пулемета по наступающим красноармейцам вел сын священника Вилкова и был за это расстрелян. Также говорится об участии многих жителей станционного поселка в заговоре против красноармейцев, призванном оказать поддержку наступающим казакам¹⁷⁷. Тот же автор упоминает о поступке священника Алексея Пояркова из церкви хутора Громки, который якобы предупредил ночевавших у него красноармейцев о начале штурма.

Дело о расстреле священника Павла Вилкова остается невыясненным. В документах Особой комиссии присутствуют только краткие упоминания об этом деле, комиссия не успела провести расследование этого преступления¹⁷⁸. Следует заметить, что железнодорожная станция Филоново находилась в восьми верстах от самой станции Филоновской, где возвышается колокольня Троицкой церкви.

---

¹⁷⁴ Воспоминания А. И. Иконникова хранятся на правах рукописи в Новоаннинском районном краеведческом музее.

¹⁷⁵ Еремин К. Г. Солдатские версты. М., 1960.

¹⁷⁶ Казьмин Ф. И. Краткая история станции Филоновской с хуторами. Рукопись. С. 23–24.

¹⁷⁷ Футин П. История моего рода. События 1918 года. С. 62–63.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р–470. Оп. 1. Д. 6а. Л. 4об, 28; Д. 6а. Л. 372.

Отец Павел Вилков был священником Успенской церкви станционного хутора Самсонова и его участие в боях представляется сомнительным. В то же время, его сын мог участвовать в бою и поддерживать пулеметным огнем наступление казаков, а после захвата станицы члены семьи были расстреляны вместе с ним, что часто происходило в годы Гражданской войны. Уже в конце июля 1918 г. казачьи войска заняли весь Хоперский округ, и 16 стрелковая дивизия вынуждена была отступить в направлении станицы Преображенской и слободы Елани. В октябре совет принял решение поддержать прошение прихожан Успенской церкви хутора Самсонов о передаче вдове отца Павла Вилкова церковного дома.

Во время военных действий летом 1918 г. перемещавшимися по округам отрядами Красной армии были повреждены и ограблены многие приходские и монастырские храмы. Епархиальным советом на основании донесений с мест была составлена опись оскверненных церквей¹⁷⁹. В ней указаны некоторые храмы Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в частности, вышеупомянутая Предтеченская церковь на станции Раковке. На основании рапорта свящ. В. Орлова от 1 августа 1918 г. в опись включена Пантелеимоновская церковь хутора Летовский станицы Кременской Усть-Медведицкого округа, в которой 17 июня красноармейцами был сделан обыск¹⁸⁰. После этого в течение месяца (вероятно, все время, которое красноармейцы оставались в хуторе) церковь была заперта, были запрещены богослужения и колокольный звон. В Архангельской церкви на станции Алексиково 14 июля 1918 г. красноармейцами отправлялись естественные потребности. Об этом сообщил в епархиальный совет урюпинский благочинный о. Василий Кожин¹⁸¹. Среди документов, описывающих осквернения храмов, находится сообщение из села Староселья Усть-Медведицкого округа об ограблении красноармейцами приходской церкви, но текст документа угасающий,

---

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, 58; Д. 6 а. Л. 57-58.

¹⁸⁰ Там же. Л. 397, 413.

¹⁸¹ Там же. Л. 415.

поэтому имя священника, дату и подробности этого события невозможно установить¹⁸².

На нескольких заседаниях летом 1918 г. Филоновский благочиннический совет рассматривал вопросы о последствиях боевых действий. В августе было рассмотрено донесение об ограблении Дмитриевской церкви станицы Павловской. Красноармейцами было похищено из приходской кассы 6 893 руб.¹⁸³ От орудийного обстрела пострадала Троицкая церковь станицы Березовской, совет разрешил сбор денег на ее восстановление¹⁸⁴. 21 августа 1918 г. совет слушал донесение из Николаевской церкви хутора Романовского о том, что красноармейцами был сломан замок крестильной комнаты и ограблена церковная сторожка. Благочинный вместе со студентом пятого курса института путей сообщения Иваном Асотовым осматривали церковь в станице Аннинской, также пострадавшую от орудийного обстрела¹⁸⁵. Причтовые помещения при Иоанно-Богословской церкви хутора Бочарова были подожжены. Многие священники, как и филоновский отец Василий Студеникин, уехали из своих приходов, вероятно, в южные округа Донской области, где еще сохранялась власть белых.

В августе-сентябре 1918 года шли упорные бои у самой восточной станицы Усть-Медведицкого округа и всей области Войска Донского – Островской. Большевики наступали от слободы Ореховой, обстреливая станицу из артиллерийских орудий. В документах, полученных Донским епархиальным советом декабре 1918 г., сообщалось о гибели священника Богоявленской церкви станицы Островской Андрея Дионисьева, убитого красноармейцами¹⁸⁶. Точная дата и примерные обстоятельства его гибели стали известны из метрической книги Богоявленской церкви. Как следует из записи, 72-летний священник был

---

¹⁸² Там же. Л. 51.

¹⁸³ Книга записи решений Филоновского благочиннического совета... Л. 38 об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 39 об.

¹⁸⁵ Там же. Л. 39 об.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6а. Л. 375.

убит красноармейцами 29 сентября 1918 года, тело было погребено только через неделю у стен храма¹⁸⁷.

После очередного прихода Красной армии в станицу Урюпинскую был запрещен колокольный звон – с 13 января 1919 года вплоть до особого распоряжения, но с 15 января разрешено звонить два раза в день – к утрени и к вечерне. Очевидно, власти опасались возможности подачи сигналов казачьим отрядам. В станице Клетской Усть-Медведицкого округа весной 1919 г. семьи духовенства подвергались притеснениям. У священника Знаменской церкви Виссариона Бурькина на квартире стояли красноармейцы, которые заставляли священника и членов его семьи служить себе, оскорбляли их. Дочери другого станичного священника Иоилия Федорова, покинувшего станицу перед приходом красных, вызывались в станичное правление и принуждались к уборке помещений. При отступлении частей Красной армии в конце мая 1919 г., ими был арестован диакон Константин Тимофеев и вывезен в Балашов. По словам анкеты, диакон «спасся чудом» и вернулся домой живым в следующем месяце. Дома духовенства, как и многих других жителей станицы Клетской, подверглись грабежам¹⁸⁸.

Урюпинский ревком 1 марта 1919 г. собрал в помещении клуба приказчиков представителей имущих классов станицы: купцов, торговцев, среди них оказались и священники. Собрание было окружено вооруженными красноармейцами и по заранее подготовленным спискам им были объявлены размеры «контрибуции» – выкупа, который следовало внести за свое освобождение. Свящ. Петру Протопопову удалось освободиться из-под стражи, уверив председателя ревкома Г. Рогачева в том, что он не имеет наложенной на него суммы в 5 тыс. руб. Уплатившие «контрибуцию» выпускались из здания, а остальных поместили в окружную тюрьму (переименованную в «дом заключения») и отправлялись на

---

¹⁸⁷ Метрическая книга Богоявленской церкви станицы Островской за 1918 г. // ГАВО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 10. Л. 94 об.–95.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. Р–470. Оп. 1. Д. 6 а. Д. 6а. Л. 293.

общественные работы по уборке нечистот. В доме заключения многие из них заболели тифом и умерли¹⁸⁹.

С марта 1919 г. на захваченных Красной армией территориях Хоперского округа началось исполнение директивы ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г. «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах», прямо предписывавшей «беспоощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления»¹⁹⁰. Революционный трибунал приговорил к расстрелу множество казаков, приведенных из станиц и хуторов. Расстрелы проводились за станицей всю весну два раза в день утром и вечером. Приговоренных убивали на краю ям, вырытых руками арестованных «буржуев». В это же время была разгромлена тюремная церковь, в которую власти допустили духовенство для осмотра и для того, чтобы забрать уцелевшие иконы и предметы. В апреле на короткое время ревкомом снова был запрещен колокольный звон. В то же время богослужения и требы в храмах и в домах станичников совершались беспрепятственно, прекратилась лишь церковная проповедь из-за страха духовенства перед возможными последствиями. Начались аресты и расстрелы «спекулянтов» – всех, кто пытался достать необходимые для жизни товары¹⁹¹.

Об ограничениях, накладывавшихся местными ревкомаами или советами на совершение богослужений в храмах, свидетельствует публикация в газете «Север Дона», издававшейся в Верхне-Донском округе летом 1919 г. В ней рассказывается о составе и деятельности станичного совета станицы Скуришенской, все члены которого во время занятия станицы красноармейцами в апреле–мае 1919 г., занимались грабежами, шантажом и пьянством. Один из местных комиссаров отвечал за «церковные дела», в том числе и расторгал от имени советской власти браки: «Бракоразводными делами ведал местный пролетарий Оболонин, по прозвищу «Казбек». Он когда-то служил почтальоном,

---

¹⁸⁹ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 267–269.

¹⁹⁰ Деятельность Центрального комитета партии в документах: события и факты. Сентябрь 1918–январь 1919 // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 177–178.

¹⁹¹ Церковно-приходская летопись Христорождественской церкви... С. 281.

был уволен, говорят, за пьянство и с тех пор находился в услужении у псаломщика на клиросе в церкви. По милости комиссаров «Казбек» и стал «гражданским архиереем». Ничтожная личность, но в последнее перед бегством время он начал чинить препятствия священнику в исполнении им религиозных треб: для совершения треб нужно было получить разрешение от «архиерея»¹⁹².

Ответ на запрос Особой комиссии из Петропавловской церкви хутора Подпешенского той же Клетской станицы Усть-Медведицкого округа подписан священником Василием Беловым¹⁹³. На вопросы анкеты он сообщает, что никто из духовенства не пострадал, так как все заблаговременно уехали из хутора. Занимая хутор Подпешенский, 27 января 1919 г. красноармейцы «ворвались в дом священника, изуродовали мебель, увели экипаж и всю конскую сбрую и забрали все ценное из дома»¹⁹⁴. После ухода войск власть в хуторе стала принадлежать комиссару Василию Рожкову, из местных жителей. Он нашел сундук с частью имущества священника, оставленный на сохранение у одного из прихожан, казака Михаила Черечукина, конфисковал его и продал вещи «с молотка». Местные «комиссары» размещались в доме священника, который был ими «загажен», но остался цел. Священник Григорий Гончаров после этого совсем оставил приход, переехав в хутор Сорокин Константиновского благочиния. Во время пребывания красных богослужения в Петропавловской церкви время от времени совершались священниками из других приходов. Запрета на совершение служб и посещение их прихожанами не было, за исключением учеников приходской школы, которым запретили говеть. Из школьной библиотеки были выброшены все книги религиозно-нравственного содержания, а из школы – картины на религиозные сюжеты. При приближении белых в конце мая 1919 г. комиссар убежал из хутора.

Из кратких ответов приходского совета Троицкой церкви хутора Липовский станицы Распопинской Усть-Медведицкого округа известно, что храм был

---

¹⁹² Наш край. Большевики в ст. Скуришенской // Север Дона. Орган Донского отдела осведомления. 1919. № 29. С. 3.

¹⁹³ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6а. Л. 342.

¹⁹⁴ Там же.

ограблен проходившими частями красноармейцев: были взяты свечи и деньги из приходской кассы на сумму 2 300 руб. Ограблен был и священник, а в приходской школе запретили преподавать Закон Божий¹⁹⁵.

Фронт приблизился к центру Хоперского округа в конце мая, а 8–10 июня 1919 г. части Красной армии покинули Урюпинскую. В станицу 11 июня вошли казачьи войска, которые были встречены колокольным звоном в церквях. С ними возвратились священники. По просьбе жителей 15 и 16 июня духовенство совершало крестные ходы к братским могилам расстрелянных во время «красного» террора и умерших от тифа, которых хоронили без церковных обрядов. За окраиной станицы было обнаружено одиннадцать больших могил, последняя из которых была еще не совсем заполнена¹⁹⁶.

Несмотря на тяжелое положение и разгром всех учреждений, появилась надежда на нормализацию жизни. Крестный ход в честь праздника Явленной иконы Божией Матери, не состоявшийся 8 июня, решено было провести в праздник Успения 15 августа. Были предложения перенести на летнее время и праздник Пасхи, во время которого весной 1919 г. на севере Дона пустовали храмы из-за боевых действий и бегства священников и прихожан¹⁹⁷. Но с 10 августа казаки стали отступать и 17 августа 1919 г. Красная армия вновь заняла станицу¹⁹⁸. Всю осень до декабря вокруг Урюпинской продолжались бои между белыми и красными, станица много раз переходила из рук в руки, население страдало от голода, болезней, грабежей. В конце ноября окружной атаман прислал в Новочеркасск телеграмму, свидетельствующую о гуманитарной катастрофе: «В освобожденных станицах и хуторах Хоперского округа обмолоченный хлеб увезен красными и съеден войсками обеих сторон, а скошенный – погиб на полях. Скот и лошади угнаны и пали от чумы. Население терпит колоссальную нужду – нет картофеля, соли и многих других продуктов.

¹⁹⁵ Там же. Л. 362.

¹⁹⁶ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 283–284.

¹⁹⁷ Пасха 1919 года в северных округах ВВД // Донские ведомости. 1919. № 119. 24 мая (06 июня). С. 3.

¹⁹⁸ Церковно-приходская летопись Христорожественской церкви... С. 287–288.

Голод вершит свое дело, появился голодный тиф, жители угнетены, необходима широкая помощь, содействие общественных организаций, кредиты, транспортные средства, широкая медицинская помощь, питательные пункты, подвижные бани»¹⁹⁹. Не менее трагичны сообщения из отдельных хуторов и станиц: «один снаряд попал в церковь, разворотил купол, другим разбит алтарь – свод алтаря обрушился внутрь, убитых хоронили без служб, вся станица разрушена» (станция Аржановская)²⁰⁰; «красные были 4 дня, станица разорена» (станция Букановская)²⁰¹; «жестoko убиты 4 старика-казака, хутор ограблен и разорен» (хутор Круглов станицы Зотовской)²⁰².

В виде отдельного расследования Особой комиссии оформлено дело № 6960, озаглавленное «Дело о злодеяниях большевиков в станице Усть-Медведицкой»²⁰³. Расследование проводилось следователями комиссии в июле 1919 г. по следам событий января того же года, когда окружная станица Усть-Медведицкого округа была занята Красной армией. Члены комиссии записали показания 14 человек, среди которых настоятельница Усть-Медведицкого женского монастыря игуменья Святослава (Веденина), монахиня Юлия и послушница Вера Солонова. Сестры рассказали о том, что представители отряда, занявшего станицу 24 января, явились в монастырь для проведения обыска. Солдатами были осмотрены церкви и монастырские помещения, при этом «красноармейцы вели себя примерно, снимали фуражки, священные предметы не трогали»²⁰⁴. По словам настоятельницы, ей было заявлено, что «монастырь может жить своим порядком»²⁰⁵. Послушница Вера Солонова, учительница монастырской школы, показала, что «жизнь школы текла обычным порядком»²⁰⁶.

---

¹⁹⁹ Телеграмма окружного атамана // Донские ведомости. 1919. № 266. 21.11 (4.12).

²⁰⁰ Донские ведомости. 1919. № 251 3 (16).11.

²⁰¹ Там же. № 262 16 (29).11.

²⁰² Там же. № 268 24.11 (7.12).

²⁰³ Там же. Д. 70.

²⁰⁴ Там же. Д. 70. Л. 10.

²⁰⁵ Там же. Д. 70. Л. 11.

²⁰⁶ Там же. Д. 70. Л. 12.

Самым лаконичным из опросных листов является ответ из Александровского собора станицы Усть-Медведицкой. Согласно кратким ответам на вопросы анкеты, случаев преследования духовенства, повреждения храма или церковного имущества в станице не было. В феврале 1918 г. представителями новой власти из храма были изъяты метрические книги, но вскоре возвращены после освобождения станицы казачьими войсками. Во время повторного захвата станицы Красной армией, с 24 января по 2 июня 1919 г. в учебных заведениях не преподавался Закон Божий. Отдельно отмечено, что в 1918 г. этот предмет не был исключен из школ постановлением родительского комитета²⁰⁷.

Главным предметом расследования комиссии в станице Усть-Медведицкой стало сожжение красноармейцами здания окружного суда, в котором погиб судебный архив. Большинство свидетелей подробно говорили именно об этом, хотя некоторые упоминали в своих показаниях об издевательствах над жителями, грабежах и расстрелах. Так, семнадцатилетняя гимназистка Ксения Никитина, описывает унижения и издевательства, писала о расстрелах, производившихся красными в станице²⁰⁸. Однако, ни о каких следственных действиях по сведениям о массовых расстрелах в станице Усть-Медведицкой весной 1919 г. не сообщается.

В то же время, в газете «Донские ведомости» летом 1919 г. неоднократно сообщалось как о поездках членов Особой комиссии по пострадавшим от большевицкого террора станицам верхнего Дона, так и о многочисленных жертвах. В июне в главной газете Дона была напечатана заметка, в которой рассказывалось о расстрелах в станице весной 1919 г. при большевиках: «Расстреляно не менее 3 000 чел., исключительно казаки ближайших станиц и хуторов, партиями, человек по 40–50. Делали это совершенно открыто. Вечером еще засветло везли этих людей на подводах по главной улице и все знали – куда и

---

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6а. Л. 276.

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 1. Д. 6. Д. 70. Л. 15–16.

зачем везут. Ночью слышались из-за станицы залпы»²⁰⁹. В одном из ближайших номеров уточнялось, что число расстрелянных относится ко всему Усть-Медведицкому округу, преимущественно это были пожилые казаки, после ухода красных «во многих хуторах стариков почти не встречается»²¹⁰. А в следующем номере сообщалось о работе следователей особой комиссии в окружной станице и том, что ими было установлено: большевиками в станице «расстреляно и замучено различными садистскими способами более двухсот стариков и женщин»²¹¹. К сожалению, документы об этом не обнаружены в имеющихся фондах комиссии. Сообщала газета и об уничтожении красноармейцами культурных ценностей: «Разгромлена богатейшая на Дону фундаментальная библиотека, физический и естественный кабинеты реального училища»²¹².

В годы Гражданской войны, в условиях частой смены власти и перехода территорий под контроль противоборствующих сторон, практически невозможно было документировать акты гонений на Церковь. Тем не менее, Особая комиссия по расследованию действий большевиков при ГК ВСЮР проделала значительный объем работы и ее документы доносят до нас достаточное количество фактов, позволяющих подтвердить преследования Церкви со стороны Красной армии и представителей советской власти. За исключением уроженца Усть-Медведицкого округа красного командира Ф. К. Миронова, большевики относились к Церкви враждебно, не без оснований считая духовенство приверженцами Белой армии и старого порядка. Тем не менее, отдельные значимые православные общины, как Усть-Медведицкий женский монастырь, смогли уцелеть в пожаре войны.

В то же время, в годы Гражданской войны на Среднем Дону не проводилось организованных гонений на духовенство и верующих. Жестокие расправы с клириками в ходе боевых действий чаще всего не документированы, что существенно затрудняет включение имен погибших в число новомучеников и

²⁰⁹ Царицын пал! // Донские ведомости. 1919. №140. 19.06 (2.07).

²¹⁰ Донские ведомости. 1919. №144. 23.06 (6.07).

²¹¹ Донские ведомости.. №145. 25.06 (8.07).

²¹² Донские ведомости. 1919. № 185. 13 (26) 08.

исповедников Церкви Русской. Духовенство в целом стояло на стороне казачьей власти и часто покидало свои приходы с отступлением Белой армии. Красноармейские отряды за редкими исключениями относились к Церкви и духовенству враждебно, причиняя ущерб как приходскому имуществу, так и клирикам. Огромные потери казачьего населения в результате массового террора весной 1919 года не поддаются точному подсчету из-за отсутствия документов, так как Особая комиссия при Верховном Главнокомандующем ВСЮР не успела провести следствия в округах.

ГЛАВА 2

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1920–1930 гг.)

2.1. Кампания по изъятию церковных ценностей 1922 г.

После окончания Гражданской войны на Дону весной 1920 г., положение советской власти на занятых Красной Армией территориях было неустойчивым. Одной из мер борьбы с антисоветскими движениями на Дону стало изменение административно-территориального деления. В 1919 г. была создана Царицынская губерния, причем образована она была не решением центральной власти, а приказом командующего Южного военного округа от 20 апреля 1919 г.²¹³ В новую губернию были включены Царицынский и Камышинский уезды Саратовской губернии, а также Черноярский и Царевский уезды Астраханской губернии. Царицын стал главным форпостом большевиков на юге и был противопоставлен как новый административный центр старому центру Дона – Новочеркасску, который в 1919 г. оставался неподконтролен красным вместе с большей частью Донской области. По мере отступления Белой армии на юг осенью-зимой 1919 – в начале 1920 г. на территориях Донской области образовывались местные органы советской власти. Северо-восточные округа Донской области – Второй Донской, Усть-Медведицкий и Хоперский – были переданы в состав новообразованной губернии постановлением ВЦИК от 4 апреля 1921 г.²¹⁴

До 1928 г. Усть-Медведицкий и Хоперский округа оставались в своих дореволюционных границах. Однако было изменено их внутреннее деление. До революции округа Области Войска Донского (ОВД) делились на станичные юрты.

---

²¹³ ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 29. Л. 163.

²¹⁴ СУ РСФСР. 1921. № 28. Ст. 159.

Кроме того, существовали и волости, которые являлись в остальной части Российской империи базовой административно-территориальной единицей, но в ОВД волости существовали только в тех местностях, в которых преобладало неказачье население. В то время как станичные юрты в начале XX в. включали в себя от нескольких до двух–трех десятков хуторов, волости, как правило, формировались вокруг одной слободы. С установлением советской власти была произведена унификация административно-территориального деления. Это было связано в первую очередь с отменой особых привилегий донского казачества, среди которых была привилегия пользования землей из станичных юртов «за государеву службу». Все станичные юрты были переименованы в волости, которые подчинены округам. В ряде случаев, незначительные по территории прежние не казачьи волости были включены в состав новых волостей. Иногда центры новых волостей переносились из традиционных консервативно настроенных казачьих станиц в не казачьи слободы или станционные железнодорожные поселки. Так, например, центр обширной Кременской волости Усть-Медведицкого округа, в которую была включена небольшая малороссийская Гуляевская волость, был перенесен из донской станицы Кременской в хутор Фролов, находившийся рядом со станцией Арчеда железнодорожной линии Грязи – Царицын. Центр самого Усть-Медведицкого округа также был перенесен из станицы Усть-Медведицкой в слободу Михайловку при железнодорожной станции Себряково той же линии. Представители советской власти чувствовали себя увереннее, опираясь на железнодорожных рабочих и находясь вблизи путей сообщения ввиду ожидаемых подкреплений или возможной эвакуации. Жители не казачьих слобод также стали одной из опор советской власти в противовес казакам, так как получили дополнительные права на пользование землей, в которых ранее они были существенно ограничены. Станица Урюпинская сохранила свой статус центра Хоперского округа, так как еще в конце XIX в. была соединена железнодорожной веткой с основной магистралью. Но в целом границы округов сохранялись, и в современности северо-западные границы

Волгоградской области с Воронежской и Саратовской областями являются старыми границами Хоперского округа.

Губернский съезд советов 15 февраля 1925 г. поставил вопрос о переименовании Царицына в честь И. В. Сталина (Джугашвили), принимавшего участие в обороне Царицына в 1919–1920 гг. Декретом ВЦИК от 10 апреля 1925 г. Царицын был переименован в Сталинград, а губерния – соответственно в Сталинградскую²¹⁵.

Но на этом изменения административно-территориального деления не закончились. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. была образована Нижневолжская область, в которую вошли: Калмыцкая автономная область, Астраханская, Саратовская, Сталинградская губернии и часть Пугачевского уезда Самарской губернии²¹⁶. Одновременно был осуществлен переход от старой схемы административного деления: «губерния–уезд–волость», к новой схеме: «область–округ–район». Но, если в других губерниях России территории уездов были существенно изменены при образовании округов и районов, то на бывшей территории ОВД, входившей на тот момент в Сталинградскую губернию, округа уже существовали, хотя и менее обширные. При данном преобразовании Усть-Медведицкий округ был упразднен и большей частью присоединен к Хоперскому округу²¹⁷. Хоперский округ с центром в Урюпинске, получившим в то же время статус города, вместе с другими 7 округами, Калмыцкой автономной областью и АССР Немцев Поволжья вошел в состав Нижневолжской области, которая уже 11 июля 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР была переименована в Нижневолжский край с центром в Саратове²¹⁸. На территории Хоперского округа было образовано 10 районов. И

---

²¹⁵ СЗ СССР. 1925. № 25. Ст. 17.

²¹⁶ СУ РСФСР. 1928. № 56. Ст. 421.

²¹⁷ Там же. № 96. Ст. 528.

²¹⁸ СУ РСФСР. 1928. № 96. Ст. 528.

наконец, постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. округа были ликвидированы, а районы напрямую подчинены краевым властям²¹⁹.

«Историко-экономический очерк Усть-Медведицкого округа», составленный для властей Царицынской губернии в 1922 году, рисует печальную картину сокращения всей экономической деятельности в результате Гражданской войны. Согласно сведениям, имевшимся у окружного исполкома, сокращение обрабатываемой земли составило 77,7 % (с 700 тысяч десятин в 1914 г. до 156,5 тысяч десятин в 1922 г.)²²⁰. Сведения о численности сельскохозяйственных животных в очерке указаны только на 1920 г., очевидно, к 1922 г. после голода убыль была еще больше. На лошадях на Дону не пахали и не перевозили грузы, лошади разводились и сохранялись только под седло. Конское поголовье сократилось на 52% (с 90 тысяч в 1914 г. до 43 тысяч)²²¹. Численность основной тягловой силы – быков – уменьшилась наполовину (со 135 тысяч до 67,3 тысяч), коров – на треть (с 70 тысяч до 47 тысяч), мелкого рогатого скота – на 46% (с 350 тысяч до 189 тысяч), свиней – на 57% (со 100 тысяч до 43 тысяч). Практически полностью исчезло стадо верблюдов, достигавшее в 1914 году 25 тысяч голов, в 1920 году от них осталось 575 голов²²².

Общая разруха не миновала и образование. В документе приводятся сведения, что в 1914 году в округе было 350 начальных и 8 средних школ, в которых 784 учителя обучили 40 тысяч детей. По состоянию на осень 1922 г. от них осталось 254 школы I ступени и 5 школ II ступени (77%), количество учителей снизилось до 613 человек (78%), а учеников осталось менее половины – 17 тысяч²²³. При этом автор очерка указывает, что «по экономическим причинам и заданию губернского отдела народного образования проведено было сокращение,

²¹⁹ СЗ СССР. 1930. № 37. Ст. 400.

²²⁰ Историко-экономический очерк Усть-Медведицкого округа // ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 225. Л. 18об.

²²¹ Там же. Л. 20.

²²² Там же. Л. 19 об.

²²³ Там же. Л. 21 об.–22.

с переводом содержания школ, на средства населения – в результате чего многие школы перестали функционировать»²²⁴.

Кампания по изъятию церковных ценностей стала первым мероприятием по отношению к Церкви, организованным советской властью после окончания Гражданской войны на территории новой Царицынской губернии. Следует заметить, что несмотря на изгнание частей Белой армии за пределы России, на территории бывшей Донской области, особенно Усть-Медведицкого и Хоперского округов, вплоть до середины 1920-х годов продолжалось повстанческое движение, описанное в документах того времени и в советской историографии как «бандитизм». Это движение не было связано с Церковью и заслуживает отдельного широкомасштабного исследования, необходимо только упомянуть, что изредка в нем участвовали представители духовенства. Наиболее ярким примером является Вакулинское восстание, поднятое в декабре 1920 г. в слободе Михайловке красноармейскими частями под командованием командира Вакулина. Восстание охватило близлежащие станицы, а затем и северо-восточную часть Усть-Медведицкого округа. Восставшие организовали местное самоуправление, предпринимали меры по борьбе с голодом, издавали свою газету «Вольный гражданин». Их основным лозунгом было: «За Советы без коммунистов!». На подавление восстания были брошены значительные силы Красной армии, заставившие повстанцев организованно отойти от железнодорожной линии в сторону Даниловки и Камышина, а затем – переправиться через Волгу в заволжские степи. К восставшим постоянно присоединялось местное население, а в селе Лопуховке Камышинского уезда присоединились два священника. Целые полки Красной армии преследовали отряды восставших в Усть-Медведицком и Хоперском округах весь 1921 г. С мая того же года для борьбы с повстанцами местные ревкомы стали брать в заложники членов их семей. Отряды повстанцев регулярно делали набеги на

---

²²⁴ Историко-экономический очерк Усть-Медведицкого округа // ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 225. Л. 22.

станции и расправлялись с коммунистами. Отдельные отряды продолжали появляться по дальним хуторам вплоть до 1930 г.²²⁵

Исследуя проблемы взаимоотношений органов церковного управления как епархиальных, так и приходских с органами советской власти, в первую очередь нужно выяснить вопрос об исполнении в рассматриваемом регионе советского законодательства о религиозных культурах. В Донском крае реализация декретов советской власти об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, а также национализация приходского и монастырского имущества началась только после окончания Гражданской войны и растянулась на несколько лет. Во многих регионах Юга России продолжались бои с теми, кто не сложил оружия, и кого в советских документах называли «бандитами». Это были остатки казачьих войск, опиравшиеся на местное население. «Борьба с бандитизмом» с переменным успехом продолжалась до середины 1920-х г. В это обстановке такие вопросы, как национализация церковного имущества и передача его церковным общинам отходили на второй план. Кроме того, и объем церковного имущества на Дону был невелик. Тем не менее, и оно было подвергнуто массовому изъятию, в ходе кампании советской власти, проводившейся по всей стране. Необходимо выяснить, насколько церковные общины понесли урон своего имущества в ходе кампании по изъятию церковных ценностей, и насколько само изъятие сопровождалось конфликтами между властями и верующими.

По различным причинам, кампания по вскрытию мощей, прошедшая в центральной части России в 1919 г., обошла стороной наш край, так как мощи святых в храмах и монастырях как Царицына, так и Донской области отсутствовали. В 1920–1921 гг. в Царицыне работала губернская комиссия по отделению церкви от государства под председательством И. Горбунова. Немногочисленные сохранившиеся документы о ее работе могут характеризовать как политику советской власти по отношению к Церкви, так и отношение

---

²²⁵ Яценко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону. М., 2008; Его же. Расцвет повстанческого движения на Нижней Волге и Среднем Дону (весна – лето 1921 года). Режим доступа: http://socialist.memo.ru/books/html/yashenko_rassvet.html. Проверено 14 августа 2018 г.

духовенства к новому государственному строю. Если рассмотреть циркуляр № 2 данной комиссии от декабря 1920 г.²²⁶, то можно обнаружить, что он запрещает органам власти на местах чинить насилие по отношению к храмам и духовенству. Следует отметить широкие полномочия комиссии, которая в циркулярном порядке указывает всем учреждениям губернии, ссылаясь на «распоряжения центра». Согласно этому циркуляру, без ведома комиссии запрещалось: изъятие церковного имущества, занятие храмов и построек под иные нужды, аресты и обыски духовенства, привлечение их к трудовой повинности, обыски в храмах, ограничения на проповедь и собрания верующих. С одной стороны, циркуляр властно ограничивает произвол, который мог совершаться на местах. Перечисление фактов как раз свидетельствует о случаях такого произвола и насилия по отношению к церковным зданиям, общинам верующих и духовенству. С другой стороны, циркуляр допускает все вышеперечисленные действия при условии одобрения комиссии. Кроме того, документом регламентируется порядок производства обысков и «выемки» церковного имущества «в присутствии приглашенных свидетелей из данной религиозной общины во вне богослужебное время и с соблюдением корректного отношения к религиозным чувствам данной религии». Комиссия учитывает как существующий факт «контрреволюционные» настроения духовенства и допускает возможные обыски и аресты, хотя и «в исключительном случае и крайней на то необходимости». Привлечение духовенства к трудовой повинности было ограничено лишь «в целях предупреждения озлоблений сторонников религии и предупреждения изображать служителям культов каких-то мучеников за идею». Последнее указание губернской комиссии повторяет слова строго секретной директивы ЦК РКП(б), полученной в регионах в октябре 1921 г. Ее текст сохранился в архиве документов органов советской власти соседней Саратовской губернии: «Ни в

---

²²⁶ Циркуляр № 2 Царицынской губернской комиссии по отделению церкви от государства всем гражданским, военным, чрезвычайным, административным, правительственным учреждениям Царицынской губернии // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов / Под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 1998. С. 49–50.

кчем случае не применять в отношении рядового духовенства исключительных мероприятий, например, назначение на особо тяжелые и грязные работы в виде чистки отхожих мест на основе принадлежности к духовенству»²²⁷. В целом признавая необходимость нанесения удара по «одной из основ господства буржуазных классов – государственной церкви», директива предписывала местным властям более сдержанно «проводить всякого рода мероприятия, затрагивающие религиозные мировоззрения крестьянских масс»²²⁸.

Из-за беспокойной обстановки в новообразованной Царицынской губернии исполнение декретов советской власти об отделении Церкви от государства и школы от Церкви было сильно задержано. По мере взятия большевиками под свой контроль территории губернии это происходило в явочном порядке, тем более что церковно-приходские школы практически не действовали из-за военной разрухи. Первые документы о передаче церковного имущества приходским общинам – церковным советам или «двадцаткам» в Усть-Медведицком и Хоперском округах, относятся к 1923 г., в то время как в Царицыне и прилегающих уездах опись и оформление передачи церковного имущества церковным советам проводилась в 1921 г. Об этом свидетельствует «Обращение» комиссии от 24 января 1921 г.²²⁹ Текст этого обращения представляет собой яркий пример революционной демагогии по отношению к Церкви и религии вообще. «Обращение» было отпечатано типографским способом, очевидно, для широкого распространения не только среди советских работников, но, в первую очередь, среди верующего населения. На территории Царицынской губернии оказались не только большое количество православных храмов, но и много старообрядческих церквей и молитвенных домов различных толков, мусульманские мечети в заволжских и южных районах, лютеранские кирхи в северных районах компактного расселения

---

²²⁷ Цит. по: *Поляков В. А.* Советская власть и голод в 1920-е годы: реакция народных масс (на примере урюпинской Христорождественской церкви) // *Мир Православия: сборник научных статей.* Выпуск 2. Волгоград, 1998. С. 77.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Обращение Царицынской губернской комиссии по отделению церкви от государства к гражданам и духовенству всех религиозных культов // *Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов / Под ред. М. М. Загорюлько.* Волгоград, 1998. С. 51–53.

поволжских немцев. В самом Царицыне в конце 1920 г. кроме 20 православных храмов и двух монастырей было: две еврейских синагоги, две мечети, католический храм, лютеранская кирха, 4 сектантских молитвенных дома²³⁰.

Из текста данного «Обращения» стало известно об издании незадолго до этого приказа комиссии «о составлении описей всем церковным и вероисповедным имуществам в целях учета и передачи такового, в порядке отделения церкви от государства, религиозным общинам в бессрочное и бесплатное пользование», основанием для которого явился декрет 1918 г. Как следует из «Обращения», составление описей церковного имущества вызвало сопротивление и недовольство духовенства и верующих, подозревавших, «что-де Советская власть беря на учет церковное имущество, собирается закрывать церкви и запрещать исповедание Бога». Как показали дальнейшие события в самом скором времени, церковный народ был прав в своих ожиданиях, но в тот момент представителям советской власти необходимо было успокоить чувства верующих, поэтому разговоры о том, что «коммунисты надругиваются²³¹ над верою, отбирают церковную утварь, запрещают духовенству совершать богослужения и т. д. и т. п.» объявлялись «контрреволюционными» слухами, распространяемыми «злонамеренными лицами», пользующимися «темнотой и неясностью сознания верующих граждан». В «Обращении» разъясняется, что декретом 1918 г. в стране объявлена свобода вероисповедания, следствием которого и была передача церковного имущества. Значительная часть «Обращения» представляет собой вольное толкование евангельских слов Христа: «Кесарево кесарю, а Божье Богу»²³². Подобно духу–искусителю в другом евангельском повествовании²³³ коммунисты использовали вырванные из контекста цитаты для создания среди населения нужных им настроений. Такое

²³⁰ Анкета о действующих и закрытых культовых зданиях в Царицыне // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 1998. С. 50–51.

²³¹ Орфография источника сохранена.

²³² Мф. 22: 21; Мк. 12: 17; Лк. 20: 25.

²³³ Мф. 4: 1–11 или Лк. 4: 1–13.

манипулирование евангельскими цитатами показывает, что среди сотрудников комиссии были люди, знакомые с богословием.

Авторы «Обращения» пишут: «Советская власть разобравшись, что церковь призвана только на служение Богу, а не Мамоне²³⁴, то есть не земной власти и золоту, отделяет ее от земной власти (государства) последовательно завету Христа». Они изображают опись церковных предметов как семейный раздел совместно нажитого имущества, используя определения «церковь–мать» и «государство–дочь», которые якобы «делятся в целях самостоятельной жизни, ибо мать-церковь желает служить только Богу, а дочь-государство – людям». «В данном случае церковь является матерью, воспитавшей при себе дочь – государство, каковая настолько стала возмужалой и зрелой мыслящей, что может жить без опеки матери-церкви», – говорится в документе. При этом не только «каждому зрелому гражданину», но и авторам «Обращения» подспудно было понятно, что как в обычных семьях раздел имущества может повлечь за собой серьезные конфликты, так и в данном случае отношения Церкви и государства невозможно было охарактеризовать как подобающие между любящими матерью и дочерью. Скорее речь шла о дочери, решившей категорически порвать не только с материнской опекой, но и со всеми жизненными ценностями своей семьи и, как выяснилось впоследствии, не только изгнать мать из собственного жизненного пространства, но и полностью уничтожить ее. Однако, в этот момент советской власти была необходима лукавая демагогия с использованием искаженных евангельских слов, чтобы оправдать свои действия. В документе говорится о том, что «нажитое совместно ими имущество учитывается, дабы разделить таковое по свойственности церкви и государства, т. е. фабрики, заводы, земли, лавки, лабазы и пр., ранее находившиеся в ведении церкви, как ненужное для служения Богу, государство берет себе, ибо это необходимо для органической жизни людей, а храмы, церкви, молитвенные дома со всей их богослужебной утварью, обстановкой и принадлежностями остаются церкви, как нужное для служения

²³⁴ В документе — оба слова с заглавной буквы.

Богу». В тексте очевидны явные преувеличения, так как Православной Церкви в России никогда не принадлежали «фабрики, заводы», а «земли» – только те, которые были выделены для обеспечения жизненных нужд клира. Если бы даже дело обстояло так, как описывается в «Обращении» и речь шла о «разделе имущества», то вопиющим противоречием оставалось бы единоличное право государства решать вопросы «свойственности» имущества и вместо самой Церкви «разбираться» в целях и задачах ее существования. Так же, как и в предыдущем, декабрьском обращении, в рассматриваемом январском, объявляются «злонамеренными» лица, «распространяющие с контрреволюционной целью слухи о несуществующих намерениях советской власти против желания верующих закрывать церкви и отбирать богослужебную утварь». Особо интересна фраза из «Обращения», в которой «таковые лица объявляются наглыми и гнусными лжецами и противниками истинной духовно-божественной церкви и правительства трудящихся»²³⁵. По ее смыслу, советское «правительство трудящихся» признавало некую «истинную духовно-божественную церковь», целиком и полностью согласную с его действиями, и противопоставляло ее главным образом существующей Православной Церкви с ее духовенством и церковными общинами. О том, что это за организация, стало известно только через год с началом «обновленческого» раскола, но подготовка общественного мнения уже была начата.

Кроме мероприятий по учету церковного имущества, в 1921 г. комиссия занималась распределением скудных количеств муки и вина между городскими храмами для совершения богослужений, передачей монастырских зданий общине скандально известного бывшего иеромонаха Илиодора (Труфанова)²³⁶, регламентацией пасхального колокольного звона, который не должен был

²³⁵ Данная цитата выделена в подлинном документе.

²³⁶ Протокол № 6 заседания Царицынской губернской комиссии по отделению церкви от государства от 21.04.1921 г. // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов / под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград, 1998. С. 54–55.

заглушать ораторов на первомайских митингах²³⁷, и крестных ходов²³⁸. Какие-либо распоряжения комиссии по уездам и округам губернии неизвестны. В сохранившихся документах комиссии не обнаружено упоминаний об арестах и расстрелах в 1921 г. царицынского духовенства, в годы Гражданской войны служившего в храмах под властью Белой армии (протоиереи Иаков Горохов и Алексей Лебедев)²³⁹. Вместе с тем комиссия совместно с губернским ЧК расследовала факты «чудодейственного обновления» старинных икон, обнаружившиеся в храмах Царицына и поволжских сел. В ходе расследования было принято решение о привлечении «всех лиц, объявлявших о появлении на территории Царицынской губернии каких бы то ни было чудес с контрреволюционной целью, подвергать суду революционного трибунала»²⁴⁰. В пределах Усть-Медведицкого и Хоперского округов фактов обновления икон в первые годы советской власти, а, следовательно, и преследования духовенства в связи с распространением таких известий не отмечено.

Как известно, для борьбы с массовым голодом, охватившим многие регионы России в 1921 г., советское правительство в феврале 1922 г. приняло решение изъять ценности, находившиеся в пользовании у религиозных организаций. Разрушенные боевыми действиями Гражданской войны донские округа, как и вся Царицынская губерния, вошли в число районов, особо пострадавших от голода. Повстанческое движение, борьба с ним и сохранявшееся в связи с этим военное положение, позволявшее властям предпринимать жесткие меры по реквизиции продовольствия, еще более усугубляли бедствия населения.

---

²³⁷ Постановление № 7 Царицынской губернской комиссии по отделению церкви от государства // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 1998. С. 56.

²³⁸ Из протокола № 10 Царицынской губернской комиссии по отделению церкви от государства от 14.05.1921 г. // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 1998. С. 56.

²³⁹ *Климент (Наумов), иером.* Протоиерей Алексей Лебедев, настоятель Вознесенской церкви города Царицына; *Иванов С. М., Супрун В. И.* Протоиерей Иаков Горохов, настоятель Успенского собора Царицына // Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии / под ред. Агеева Е., свящ. Волгоград, 2011. С. 18–34.

²⁴⁰ Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: сб. документов / Под ред. М. М. Загорулько. Волгоград, 1998. С. 57.

К началу 1922 г. голод в поволжских губерниях, к которым теперь присоединились и три донских округа, достиг катастрофических масштабов. Только по официальным данным, голод распространился по 16 губерниям с общим населением более 23 млн. человек²⁴¹. Как признает волгоградский исследователь О. Ю. Редькина, исследовавшая публикации советской печати о борьбе с голодом: «Материалы местной прессы начала 20-х годов представляют собой специфическую интерпретацию событий... отвечающую интересам советской власти и правящей коммунистической партии»²⁴². Но и большевистская пресса в те годы не могла замолчать широкого и систематического участия религиозных организаций, в первую очередь, православных приходских общин, в помощи голодающим уже в 1921 г. Поскольку именно Российская Православная Церковь в лице Святейшего Патриарха Тихона стала инициатором организации комитетов помощи голодающим, обратилась с воззванием о помощи к зарубежным христианам, и в Царицынской губернии приходские и монастырские общины с готовностью откликнулись на призыв братской любви, несмотря на то, что сами находились в зоне бедствия.

Новое советское законодательство о религии запрещало религиозным организациям заниматься благотворительной деятельностью²⁴³. Только 8 декабря 1921 г. после многочисленных обращений ВЦИК принял постановление, позволявшее религиозным организациям осуществлять сбор средств для помощи голодающим. Но реальная помощь началась уже с лета 1921 г. Одним из первых актов помощи детям-сиротам – жертвам голода стала организация детских домов, только в Царицыне летом 1921 г. их было 66 с 5800 воспитанниками²⁴⁴. Тогда же были организованы детские колонии (фактически приюты) в двух монастырях Усть-Медведицкого округа – женском Усть-Медведицком Преображенском и

²⁴¹ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921–1922 гг. (по материалам периодической печати) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 3. Волгоград, 2000. С. 195.

²⁴² Там же. С. 194.

²⁴³ Инструкция Народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 года // ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 52. Л. 31–32 об.

²⁴⁴ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод... С. 196.

мужском Кременском Вознесенском. Об первой из этих колоний будет более подробно рассказано ниже.

Осенью 1921 г. губернская комиссия по отделению церкви от государства постановила организовать во всех молитвенных зданиях губернии сбор средств, в том числе путем подписки среди прихожан, для помощи голодающим²⁴⁵. Регулярные сообщения о пожертвованиях духовенства и приходских общин печатались в газете с ноября 1921 г. по февраль 1922 г. в рубрике: «Кто жертвует». Большинство пожертвований сделано из городских храмов, но среди них встречаются и представители донских округов. Так, священник хутора Нижне-Царицынского Усть-Медведицкого округа передал значительную сумму – 232 124 руб., кроме того 25 фунтов хлеба и 2 пуда картофеля²⁴⁶, а священник станицы Березовской – 61 224 руб., 24 пуда картофеля, 200 тыкв, 45 кочанов капусты и другие продукты²⁴⁷, собранные прихожанами их храмов. Исследователь публикаций газеты «Борьба» за 1921–1922 гг. о помощи Церкви голодающим, признает, что официальная советская печать сильно «принижала, а иногда и просто замалчивала деятельность... религиозных организаций по поддержке погибающих от голода»²⁴⁸. Советская власть использовала газеты для антицерковной пропаганды, из номера в номер изображая духовенство как врагов голодающего народа и советской власти. Публикации о пожертвованиях духовенства обычно были очень краткими, помещались среди других сообщений не на первых полосах, набранные мелким шрифтом. Это свидетельствует о целенаправленной дискредитации духовенства и верующих, поэтому невозможно сейчас установить в полной мере объем оказанной помощи.

Декрет ВЦИК РСФСР «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» был издан 23 февраля 1922 г. Однако, изъятие церковных ценностей было начато в Хоперском округе раньше

²⁴⁵ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод... С. 197.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же. С. 194.

вышеуказанного декрета. Еще 19 февраля 1922 г. власти Хоперского округа получили телеграмму под грифом «голодная» за подписью председателя Царицынского губкомпомгола (губернского комитета помощи голодающим) И. М. Морозова, в которой предписывалось: «Произвести сбор пожертвований и реализацию церковных ценностей». Причем, по замыслу большевиков, изъятие должно было быть оформлено как инициатива верующих и духовенства. «Отдайте инициативу духовенству и прихожанам, не вмешивайтесь непосредственно в работу. Пусть сами заявят о необходимости пожертвования максимума церковных ценностей для спасения голодной смерти тысяч жизней... Об отзывчивости духовенства, прихожан немедленно донесите»²⁴⁹.

Урюпинское духовенство активно отозвалось на эту инициативу, благочиннический совет под председательством уже упоминавшегося ранее протоиерея Петра Протопопова вскоре после получения телеграммы (дата в документе не указана, но В. А. Поляков считает, что это произошло между 19 и 23 февраля) принял решение произвести призывы к прихожанам и сбор пожертвований в храмах. Кроме того, благочиннический совет предписал церковным советам «отчислить для спасения голодающих максимум церковных ценностей»²⁵⁰. Уже 24 февраля 1922 г. священник Петр Протопопов собрал приходской совет Христорождественской ярмарочной церкви станицы Урюпинской, настоятелем которой он являлся. Сохранилось решение приходского совета о передаче в фонд помощи голодающим значительной части серебряной богослужебной утвари, 500 тыс. руб. из приходских средств и открытии подписки среди прихожан о пожертвованиях деньгами, ценностями и вещами. На самом собрании среди членов совета было собрано 625 тыс. руб. В течение последующих двух недель прихожане урюпинской Христорождественской церкви собрали: 3,5 млн. руб. и около 1,6 кг серебряных

²⁴⁹ Поляков В. А. Советская власть и голод в 1920-е годы: реакция народных масс (на примере урюпинской Христорождественской церкви) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 2. Волгоград, 1998. С. 77–78.

²⁵⁰ Там же. С. 78.

украшений, которые были к 9 марта сданы в Хоперский окружной финансовый отдел²⁵¹. При этом известно, что жертвовавшие прихожане, как и другие жители окружной станицы Урюпинской, также были в числе голодавших. В то же самое время весной 1922 г. только в урюпинской столовой для голодающих питалось 246 детей, а всего по Хоперскому округу числилось голодающими около 58 тысяч человек, или четвертая часть населения, из которых около 20 тысяч – дети²⁵².

Декрет об изъятии церковных ценностей был опубликован в губернской газете «Борьба» 1 марта 1922 г., на осуществление передачи всех ценных предметов из золота, серебра и драгоценных камней церковным советам был дан один месяц. Для осуществления мероприятий по изъятию ценностей при губисполкоме была образована специальная комиссия, которая вскоре собрала представителей всех церквей и религий, представленных в губернии, на совещание, на которое они должны были явиться с готовыми списками ценностей²⁵³. Позиция комиссии, выраженная в публикациях и в самой работе, казалась достаточно примирительной. Церковным советам предоставлялось право проведения предварительных собраний для убеждения прихожан и определения списков ценностей. Но за примирительными словами чувствовались жесткие ноты, выражавшиеся в разъяснениях по поводу передачи конкретных ценностей. В ответ на вопросы представителей церковных общин руководство комиссии объясняло, что ожидает передачи всех церковных изделий из драгоценных металлов без исключения. При этом комиссию мало волновали вопросы необходимости этих предметов для совершения богослужений, несмотря на то, что это условие оговаривалось в самом декрете.

Многие священники и церковные советы подчинились требованиям комиссии и добровольно передали церковные ценности. Так, по решению Урюпинского благочиннического совета, из храмов окружной станицы было

---

²⁵¹ Поляков В. А. Советская власть и голод в 1920-е годы: реакция народных масс (на примере урюпинской Христорождественской церкви) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 2. Волгоград, 1998. С. 80.

²⁵² Там же. С. 81.

²⁵³ Церковь и голод // Борьба. 1922. 5 марта.

добровольно сдано в марте 1922 г. 35 фунтов (около 14 кг) серебряной утвари, а всего из церквей Хоперского округа в марте–апреле было добровольно сдано более 4 пудов (около 64 кг) серебряных изделий²⁵⁴. В станице Преображенской был пожертвован церковный колокол, хотя он и не относился к изделиям из драгоценных металлов. Похожая картина наблюдалась и в Усть-Медведицком округе. С призывом помочь голодающим и сдать церковные ценности выступил епископ Усть-Медведицкий Модест (Никитин), его поддержал окружной съезд духовенства²⁵⁵. В слободе Михайловке местный благочинный священник Штурбин (упоминавшийся выше) призывал духовенство и верующих к передаче всех церковных ценностей, и уже к началу мая по Усть-Медведицкому округу было сдано 10 пудов (около 160 кг) серебра²⁵⁶. Из них 3 пуда (около 48 кг) было пожертвовано монахинями Преображенского монастыря. Казаки из станицы Распопинской, хутора Сенного и слободы Себровой отдали из своих церквей последние кадила, кресты и ризы, заявляя, что «жизнь человеческая дороже»²⁵⁷. Впрочем, во многих храмах волостные комиссии по изъятию ценностей шли навстречу желаниям прихожан заменить последние или единственные евхаристические сосуды другими ценностями, собранными ими самими. О многочисленности таких ситуаций свидетельствуют сохранившиеся акты комиссий²⁵⁸. Хотя встречались и недовольные такими заменами. Так, в хуторе Фролове Кременской станицы Усть-Медведицкого округа священник Константин Бурмистров пожертвовал в пользу голодающих серебряный иерейский крест, а прихожане решили выкупить его. Свое негодование священник выразил даже в печати – газета «Борьба» охотно цитировала его резкое заявление²⁵⁹.

В отличие от Второго Донского округа, где епископ Нижне-Чирский Николай (Орлов) вместе с духовенством был привлечен к суду за сопротивление

²⁵⁴ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод... С. 213.

²⁵⁵ Воззвание съезда духовенства // Борьба. 1922. 11 марта; Воззвание епископа Модеста // Борьба. 1922. 17 марта.

²⁵⁶ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод... С. 214.

²⁵⁷ Там же. С. 215.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод... С. 216.

изъятию церковных ценностей, в Хоперском округе только один священник разделил его участь. Священник Успенской церкви хутора Вихлянцева станицы Михайловской Александр Тихомиров и прихожанин В. Топилин были осуждены на один год заключения. Как писала о процессе газета «Борьба», священник решительно отказался отдавать ценности, заявив, что «советская власть не имеет права вмешиваться в дела церкви»²⁶⁰. Впрочем, в отличие от епископа Николая, скончавшегося во время следствия в тюрьме от тифа²⁶¹, священники А. Тихомиров и В. Топилин уже 5 ноября 1922 г. были освобождены по амнистии, приуроченной к пятой годовщине революции²⁶². В Усть-Медведицком округе по подозрению в краже незначительного количества ценностей были арестованы священник церкви станицы Скуришенской Илья Попов и члены церковного совета И. Сергеев и Н. Сергеев, но краденого у них не нашли и они были освобождены²⁶³.

Несмотря на практически полное отсутствие сопротивления и прямое содействие духовенства и церковных советов, комиссии не уложились с изъятием ценностей в ранее оговоренный месячный срок и кампания была завершена только к 25 июня. Одной из причин задержки стали весенняя распутица и разливы рек. Всего в Царицынской губернии было изъято и отправлено в Москву церковных ценностей: более 2 фунтов (около 860 г) золотых изделий и 75 руб. золотых монет, 145 пудов, 4 фунта, 65 золотников (около 2 377 кг) серебра, 9 алмазов, около 6 кг медной монеты и почти 6 золотников (около 24 г) жемчуга²⁶⁴. Кроме того, в списке числится «Евангелий в целом виде 1 пуд 17 фунтов 86 золотников» (около 24 кг). Для огромной по территории губернии это количество было очень мало и далеко не удовлетворяло ожиданий властей. Исследователи называют следующие причины: во-первых, в губернии не было старинных храмов

²⁶⁰ Там же. С. 216.

²⁶¹ Климент (Наумов), иером., Антонов Д. Д. Список репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии // Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии / под ред. Агеева Е., священник. Волгоград, 2011. С. 112.

²⁶² Там же. С. 130–131.

²⁶³ ГАВО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 19. Л. 53.

²⁶⁴ ГАВО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 19. Л. 53–53 об.; Борьба. 1922. 19 июля.

и монастырей, собравших богатые вклады, во-вторых, сказались последствия Гражданской войны, во время которой многие храмы были ограблены, а из других ценности были вывезены или спрятаны. Большевики объявили, что в недостаточно большом сборе виновно «контрреволюционное» духовенство, утаившее часть ценностей, и летом в губернии было предпринято повторное изъятие. Так, например, в трех хуторах Кременской станицы Усть-Медведицкого округа: Фролове, Амелине и Терновке во время повторного изъятия было сдано 1 пуд 1 фунт 8 золотников (около 16,8 кг) серебра. Но и после этого губернская комиссия предъявляла претензии Хоперской окружной комиссии, обвиняя ее в неполном изъятии ценностей и затягивании процесса изъятия²⁶⁵. Усть-Медведицкая и Хоперская окружные комиссии оправдывались «развитием в округах бандитизма», но губернская комиссия угрожала «применить репрессивные меры вплоть до суда Ревтрибунала»²⁶⁶ к самим членам комиссий.

В целом документы и газетные публикации свидетельствуют, что весьма болезненная процедура изъятия церковных ценностей как в донских округах, так и в целом по Царицынской губернии прошла относительно спокойно. За исключением ареста во Втором Донском округе епископа Нижне-Чирского Николая (Орлова) с семьей представителями духовенства и мирян, других крупных процессов над духовенством не было. Поскольку сами прихожане нередко страдали от голода, они с готовностью откликнулись на призывы о помощи и зачастую отдавали последнюю богослужебную утварь из своих бедных храмов, некогда приобретенную на их собственные средства. Значительная часть духовенства также поддержала мероприятия по изъятию. Кампания по изъятию церковных ценностей и сопровождавшая ее кампания в областной газете по дискредитации «контрреволюционного» духовенства стали импульсом к широкому росту по губернии настроений, выразившихся уже в мае 1922 г. в так называемом «обновленческом» движении.

²⁶⁵ Отчет о ходе работ по изъятию церковных ценностей в Царицынский губисполком от 25 августа 1922 года // ГАВО. Р. 37. Оп. 2. Д. 64. Л. 65 об.

²⁶⁶ Там же.

Таким образом, передача церковного имущества в исследуемой местности формирующимися в соответствии с новым советским законодательством приходскими общинам проходила в основном без конфликтов. В ходе сопровождавшей этот процесс кампании по изъятию церковных ценностей отмечено очень малое количество конфликтов. Это связано с незначительным количеством церковных ценностей в Донском крае, разоренном Гражданской войной. Голод, распространившийся в регионе, также чрезвычайно ослабил приходские общины и оправдал в глазах прихожан происходившее изъятие. Многие приходские и монастырские общины сдали ценности добровольно, что не вполне устраивало органы советской власти.

2.2. «Обновленческий» раскол

На Дону, как и на всем Юге России, большое распространение получило так называемое «обновленчество». Непосредственным следствием кампании по изъятию церковных ценностей в Царицынской губернии, как и во входивших в ее состав донских округах, стало вовлечение духовенства и верующих в «обновленческий» раскол. Как отмечают исследователи раскола в соседней, Ростовской области, Л. В. Табунщикова и А. В. Шадрина, «несмотря на весь трагизм положения, в которое попала Русская Православная Церковь, обновленчество нельзя оценивать как явление однозначно негативное»²⁶⁷. Можно предположить, что большинство духовенства на Дону не делало сознательного выбора в пользу обновленческого раскола, а некоторые могли и не сознавать, что они пребывают в расколе, будучи лишены достоверной информации.

Как было проанализировано в предыдущем разделе, большинство представителей духовенства губернии либо вынужденно, либо по собственной инициативе поддержали кампанию по изъятию церковных ценностей. Ее отражением стала кампания в местной прессе, вернее, в губернской газете «Борьба», направленная на поощрение священников, добровольно сдававших ценности в пользу голодающих либо активно агитировавших за это своих прихожан, а также на дискредитацию тех священников, которые не выражали активной поддержки данным мероприятиям. Вышеупомянутая кампания была проанализирована О. Ю. Редькиной в статье, которая неоднократно цитировалась выше. Редькина делает вывод о недобросовестности публикаций газеты, поскольку, несмотря на то, что епископы и другие представители духовенства поддержали как сбор помощи для голодающих, так и последовавшее изъятие

---

²⁶⁷ Табунщикова Л. В., Шадрина А. В. Церковные расколы в Донской области в 1920-1930-е годы. Ростов-на-Дону, 2015. С. 11.

церковных ценностей, о чем главный губернский орган регулярно сообщал на своих страницах, в марте–апреле 1922 г. (т. е. до начала организованного изъятия) продолжали публиковаться критические статьи, «обвиняющие духовенство Царицынской губернии в пассивности в деле помощи голодающим»²⁶⁸. В частности, она отмечает определенные этапы в этой кампании. После начала изъятия акценты в антицерковных публикациях были смещены: «от критики всего духовенства пресса переходит к обвинениям и угрозам в адрес «князей церкви»²⁶⁹. Следующим шагом стало выгодное освещение раскола: публикация обращения к верующим петербургского священника А. И. Введенского в марте 1922 г.²⁷⁰ В конце марта–в апреле 1922 г. газета опубликовала ряд статей об «обновленческом» движении в Москве, отражавших официальную одобрительную точку зрения²⁷¹. Во многих публикациях проводилась резкая граница между священноначалием – верхами церкви, по словам газеты, ведущими «роскошный и распутный образ жизни, наживаясь на невежестве масс» и низшим духовенством, «знакомым с физическим трудом». Явно декларировалась поддержка со стороны советской власти той части духовенства, которая в этих обстоятельствах, «послушная своей совести, не побоится сказать, что она думает»²⁷², то есть пойти против священноначалия.

Третья группа публикаций появилась в газете в конце апреля – мае 1922 г. и она уже освещала начавшийся в губернии раскол. Первыми стали несколько большей частью анонимных обращений священников, со страниц газеты призывавших верующих отдать все церковные ценности и обвинявших Святейшего Патриарха Тихона и царицынского епископа Нифонта (Фомина) в противодействии помощи голодающим²⁷³. Относительно некоторых статей, судя

²⁶⁸ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921–1922 гг. (по материалам периодической печати) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 3. Волгоград, 2000. С. 206.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. С. 208.

²⁷¹ Редькина О. Ю. Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921–1922 гг. (по материалам периодической печати) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 3. Волгоград, 2000. С. 209.

²⁷² Там же.

²⁷³ там же. С. 210.

по их стилю, О. Ю. Редькина сомневается в действительной принадлежности перу сельских священников. В то же время газета публиковала имена священников, чья поддержка изъятия церковных ценностей вполне соответствовала целям советской власти. Среди них нужно назвать священника Константина Бурмистрова, настоятеля Рождество-Богородицкой церкви хутора Фролова Кременской станицы Усть-Медведицкого округа²⁷⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что советская печать в лице главного органа партийных и советских органов Царицынской губернии значительным образом формировала общественное мнение терпящего бедствия населения губернии против канонической Церкви и ее священноначалия. В этой антицерковной агитации, как признает О. Ю. Редькина, широко использовались ложь, демагогия, замалчивание фактов. И деятели «обновленческого» движения, откликнувшиеся на призывы власти со всей губернии, начали свою агитационную кампанию на страницах той же газеты, также применяя ее приемы: доносы, злоупотребление революционной фразеологией, опору на органы советской власти. Вкладом царицынской печати в широкое распространение «обновленческого» раскола на Нижней Волге и Дону стали дискредитация приверженцев патриаршей Церкви, создание деятелям «обновленчества» имиджа «борцов с церковной контрреволюцией».

Сам «обновленческий» раскол на территории Царицынской губернии официально оформился в мае 1922 г. и возглавил его викарный архиерей из донских округов епископ Усть-Медведицкий Модест (Никитин). Будущий епископ Модест – Тихон Николаевич Никитин родился в 1867 г. в Воронеже, после окончания Воронежской духовной семинарии в 1891 г. был рукоположен в священник сан. В 1898 г. он овдовел и поступил в Московскую духовную академию, которую окончил в 1903 г. со степенью кандидата богословия, являлся автором нескольких книг, изданных до революции. Служил в приходской церкви в Воронеже, в 1907 г. был пострижен в монашество и назначен настоятелем московского Знаменского монастыря и благочинным монастырей Московской

---

²⁷⁴ Там же.

епархии. В 1913 г. решением Святейшего Синода он был избран епископом Верейским, викарием Московского митрополита. Он стал настоятелем московского Покровского монастыря, заведующим Московскими пастырскими курсами, председателем Московского миссионерского общества, а в годы Первой мировой войны – председателем Комитета по устройству лагерей для раненых. В мае 1917 г. временно управлял Рязанской епархией, с осени 1917 г. пребывал на покое в Белогорском монастыре Воронежской епархии. В сентябре 1921 г. он был назначен епископом Аксайским, викарием Донской епархии, а весной 1922 г. – епископом Усть-Медведицким²⁷⁵. В марте 1922 г. он, прибыв в станицу возглавил окружной съезд духовенства, на котором призвал к передаче всех церковных ценностей государству. После своего переезда в Царицын, он возглавил царицынских обновленцев и в июле 1922 г. был назначен ВЦУ епископом Царицынским и Усть-Медведицким с возведением в сан архиепископа. Кафедра располагалась в Александро-Невском соборе Царицына. В апреле 1923 г. был переведен в Тверь.

Впоследствии епископ Модест (Никитин) после девятилетнего пребывания в рядах «обновленцев», принес покаяние и в 1931 г. был назначен на Уральскую кафедру, а в 1933 г. – на викарную Вяземскую кафедру Смоленской епархии. После ареста в ноябре 1936 г. священномученика Серафима (Остроумова), он стал архиепископом Смоленским и Вяземским, но через год был арестован в Вязьме с группой священников. Несмотря на то, что он стремился к сотрудничеству со следствием, давал признательные показания против себя и других священников, по приговору тройки он был расстрелян 2 декабря 1937 г., как и большинство арестованных по этому делу в Вязьме²⁷⁶. О епископе Модесте (Никитине) сохранились уникальные воспоминания его сына – профессора МГУ, доктора

---

²⁷⁵ Лавринов В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 381–383.

²⁷⁶ Архив УФСБ РФ по Смоленской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 9478 с. Л. 1–5, 143–149, 207–213.

философских наук А. Н. Чанышева²⁷⁷. В них перед нами предстает много испытавший в жизни, разуверившийся и опустошенный человек.

Исследователи истории Царицынской епархии С. М. Иванов и В. И. Супрун описывают возникновение «обновленческого» раскола на территории Царицынской губернии в следующем порядке²⁷⁸. После подготовки в прессе и прибытия в Царицын уполномоченного эмиссара захваченного «обновленцами» Высшего Церковного Управления (ВЦУ) священника Павла Кусмарцева, 31 мая 1922 г. состоялось «собрание прогрессивных граждан – духовных и мирян», которое возглавили епископ Модест (Никитин) и священник Константин Бурмистров – оба представители Усть-Медведицкого округа. Собрание, безусловно, было самочинным, так как было собрано без участия и благословения правящего царицынского епископа Нифонта (Фомина), вопреки церковным канонам. Председательствовавший на нем епископ Усть-Медведицкий Модест, формально был викарием Донского архиепископа, хотя после Гражданской войны утерял с ним связь и самостоятельно управлял епархией в пределах своего, и, возможно, Хоперского округов. В результате самочинного собрания было создано Царицынское епархиальное управление (ЦЕУ), которое сразу же было признано советской властью и вступило с ним в активную переписку. В состав ЦЕУ вошли епископ Модест (как председатель), священники К. Бурмистров (уполномоченный ВЦУ), Михаил Алексеев, Георгий Владимиров, Александр Благовидов, Павел Добринский, Николай Русанов, диакон Антоненко-Грушевский, А. Скворцов, представитель греческой общины К. Поподопуло-Керамевс. ЦЕУ обратилось в Москву к ВЦУ с требованием о смещении остававшегося верным Патриарху Тихону царицынского епископа Нифонта.

Второе собрание – уже городского духовенства Царицына – по инициативе ЦЕУ состоялось 9 июня 1922 г. – в один день с началом судебного процесса над епископом Нижне-Чирским Николаем (Орловым), арестованным вместе с

²⁷⁷ Чанышев А. Н. Моя жизнь (воспоминания лоха). М., 2010.

²⁷⁸ Иванов С. М., Супрун В. И. Православие на волгоградской земле: епархии и епископы. Ч. 2. Волгоград. 2002. С. 60–61.

группой духовенства и прихожан по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Его снова возглавили епископ Модест и К. Бурмистров, но главный доклад «о контрреволюции в церковных кругах» был сделан сложившим с себя сан бывшим священником Соколовым. В июле от ВЦУ из Москвы пришли документы, официально подтверждающие статус нового ЦЕУ: не признавший ВЦУ епископ Нифонт 8 (21) июля был уволен на покой «за консервативное направление», а правящим архиереем был назначен епископ Модест с титулом «Царицынский и Усть-Медведицкий». При этом указом ВЦУ от 6 (19) июля были проведены изменения границ епархии – Второй Донской (Нижне-Чирский) и Усть-Медведицкий округа были выведены из подчинения Донской кафедре и присоединены к Царицынской епархии. О Хоперском округе в указе не упоминалось, но его подчинение Царицынской кафедре было само собой разумеющимся, поскольку повторяло изменение административных границ губерний и областей на юге России.

Поскольку епископ Нифонт (Фомин) летом 1922 г. был арестован и выслан в Москву, а его викарий епископ Николай (Орлов) находился в заключении под следствием и при этом был тяжело болен, «обновленческое» ЦЕУ смогло оформиться и подчинить себе подавляющую часть приходов практически без сопротивления. В августе ими стал издаваться журнал «Обновление церкви (в Царицыне)», который вышел два раза тиражом в тысячу экземпляров и распространялся по всей епархии. Безусловно, такое издание могло осуществляться только с одобрения и с прямой поддержкой губернских властей. В газете «Борьба» деятельность ЦЕУ также освещалась позитивно, что устранило у читателей, духовенства и прихожан губернии, возможные сомнения в законности новой церковной власти.

Выход в свет нового журнала был предварен широким распространением отпечатанного в типографии губернского совнархоза «Воззвания к духовенству,

церковным советам и мирянам»²⁷⁹, характерное для демагогической риторики тех лет.

Под «Воззванием» стояли подписи тех же членов ЦЕУ, которые участвовали в мае–июне в собраниях «прогрессивного духовенства». Очевидна тесная связь текста данного «Воззвания» с «Обращением» губернской комиссии по отделению церкви от государства, выпущенным в январе 1921 г. и упоминавшимся в предыдущем разделе. Остается только сделать логичное предположение, что действиями раскольников руководили деятели из той же комиссии, которая до этого готовила и проводила изъятие церковных ценностей. Отличие заключается только в том, что «Обращение» 1921 г. звучало из-за церковной ограды – со стороны светской власти, а «Воззвание» претендовало на то, чтобы быть услышанным верующими с церковного амвона из уст епископов и духовенства.

В тексте «Воззвания» перемешаны откровенная ложь о действиях Святителя Тихона, и митинговая демагогия. Незавершенность трудов Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг. дала возможность раскольникам снова поднять насущные и актуальные вопросы, которые начинали решаться в предреволюционные годы: развитие приходской жизни и социального служения, выборность церковных советов, упрощение внутренней церковной жизни, устройство служения вдового духовенства, освобождение Церкви от несвойственных ей государственных функций, избавление от обязанности безоговорочной поддержки государственной политики, даже реформа богослужебного языка и самого богослужения. Соглашаясь с советской властью, «обновленцы» не видели или закрывали глаза на главное: все ее слова о борьбе за мир, о терпимости, о равенстве и братстве обесцениваются тем, что новая власть не планировала рассматривать Церковь как значимый фактор общественной жизни новой, советской России. Провозглашая борьбу с «невежеством и суевериями» сторонники «Живой церкви» фактически соглашались с борьбой с

²⁷⁹ ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 550. Л. 1–2.

самой Церковью, которая различными способами проводилась властями. При рассмотрении некоторых пунктов и лозунгов «Воззвания» нельзя не обратить внимания на то, что они написаны практически с позиций сектантских группировок подобных «Вечному миру» бывшего иеромонаха Илиодора (Труфанова) с постановкой вопроса об очистке церкви «от внешних ненужных наслоений» и, особенно, со словами о том, что «обновленная церковь не будет претендовать на гражданское господство пред инакомыслящими христианскими общинами и станет на платформу свободы, равенства, братства и полной веротерпимости». Нельзя исключить предположения о том, что в составе комиссии, готовившей тексты, находились сочувствующие либо «илиодоровцам», либо другим сектантским группам. Особенно вопиющим нарушением не только церковных канонов, но и традиционных нравственных устоев жизни выглядит требование о снятии «бракоблагословения с повенчавшихся по разводе их гражданской властью», что при абсолютной нравственной индифферентности тогдашнего государственного законодательства о браке и семье должно было обесценить и церковный брак.

В начавшем издаваться с августа 1922 г. журнале царицынских «обновленцев» печатались статьи его редактора К. М. Бурмистрова, протодьякона кафедрального собора Дмитрия Шишкина, священника хутора Терновского Кременской станицы Теленкова, некоего «спиритуалиста» И. Дычкина из хутора Фролова Усть-Медведицкого округа, и других священников и мирян. Сохранились всего несколько номеров журнала. Статьи в нем отражали дух того смутного времени. Так, священник А. А. Благовидов писал: «Да здравствуют идеи белого трудового духовенства в новой церкви!». Протодиакон Д. Шишкин призывал: «Пастыри! Ушейте ваши карманы, не будьте сребролюбивы, хотя для самых ближних вам своих соратников!» Подобные патетические восклицания и идеи содержались и в других статьях²⁸⁰.

---

²⁸⁰ Иванов С. М., Супрун В. И. Указ соч. С. 61.

Предназначенные в первую очередь для агитации приходского духовенства «обновленческие» лозунги падали на подготовленную почву. Оставляя в стороне ужасы Гражданской войны и последовавших разрухи и голода, которые священники разделили со своей паствой, на Дону обсуждение насущных вопросов приходской жизни было активно начато еще в предреволюционные годы. Так автор приходской летописи урюпинской Христо-Рождественской церкви священник П. Протопопов был активным сторонником обновления приходской и общецерковной жизни. Еще в 1916 г. по всей Донской епархии прошли собрания, которые должны были подготовить введение выборного начала на приходах. Проведение пастырских собраний было предписано указом Донской духовной консистории от 4 апреля 1916 г. во исполнение определения Святейшего Синода. На собраниях предлагалось «войти в обстоятельное суждение о мероприятиях к введению в жизнь закона об устройстве православных приходов». Священник П. Протопопов приветствовал этот процесс, убеждал прихожан в его необходимости и отмечал на страницах приходской летописи очевидные для него положительные плоды самого обсуждения ожидавшихся реформ²⁸¹.

Предложения, высказанные на собраниях, были собраны и обобщены Донской духовной консисторией и 25 августа 1916 г. представлены архиепископу Донскому и Новочеркасскому Митрофану в виде доклада по поводу возрождения и обновления приходской жизни. Можно привести некоторые наиболее фрагменты этого уникального доклада, которые во многом являлись предвестниками радикальных лозунгов «обновленцев».

«Необходимо обновиться самому духовенству – пастырям: “врачу – исцелися сам”».

Освободить духовенство от всякой работы, не относящейся к прямым его обязанностям.

Устранить недоразумения между членами причта.

---

²⁸¹ Приходская летопись Христорождественской церкви станицы Урюпинской // Церковно-приходское летописание на Волгоградской земле. Волгоград, 2015. С. 203–205.

Прекратить практику частого перемещения священников из одного прихода в другой.

Прекратить расходование церковных сумм на содержание духовно-учебных заведений и на епархиальные нужды.

Установить такой порядок в приходских церквях, чтобы сборы совершались здесь только в пользу местного храма и приходских благотворительных учреждений.

Вынести торговлю свечами из храма в церковные притворы (торговля внутри храма нарушает молитвенное настроение)»

Самыми главными мерами и средствами для обновления приходской жизни священники Донской епархии посчитали следующее:

«Истовое, благолепное и воодушевленное совершение богослужения, ясное, неспешное, толковое чтение слова Божия, как в храме, так и в домах прихожан, и общее церковное пение <...>, устройство крестных ходов с прихожанами на храмовые праздники.

<...>Желательно составить для приходских церквей новый устав, т. е. сократить и по возможности изменить нынешний типикон, который в новом виде, применительно к приходским церквям, должен строго выполняться без каких-то ни было добавлений и изменений.

<...> Необходимо ввести в употребление в церковном богослужении русский язык, вместо славянского, но предварительно нужно пересмотреть и исправить во всех богослужебных книгах и песнопениях совершенно непонятные славянские выражения и дать такую расстановку слов, чтобы получился надлежащий смысл, и предоставить право пастырям вводить совершение церковных служб на русском языке, где это найдено будет применимым; все православные христианские молитвы, изучаемые в школах, непременно перевести на русский язык и читать только на этом языке.

<...> До возможности упростить церковные напевы и уничтожить осложнившееся голосовое пение, тогда очень скоро введется всенародное пение и

явятся многочисленные чтецы и певцы церкви; партесное итальянское пение уничтожить, допустив пение хорами концертов, прошедших духовную цензуру.

Дабы молитвы священника, совершающего богослужение, и верующих слились в одну общую молитву, не следовало бы скрывать его за стеной; закрытый большую часть службы от молящихся священник иногда так священнодействует, что голос его бывает не слышно или же нельзя бывает разобрать его слов, и это естественно порождает холодность и равнодушие к общественной молитве, и было бы желательно совершать богослужения при открытых царских вратах, за исключением причащения священнослужителей в алтаре; другие службы, помимо литургии, позволять совершать вне алтаря, ввести строгую дисциплину во время церковных служб, поставив в непрременную обязанность церковных старост и попечителей церкви следить за благочинием в храме.

<...> Обеспечить деятельное участие прихожан в делах церковных путем учреждения в приходах кружков ревнителей православия и благочестия, устройства постоянных и летучих библиотек-читален, создания попечительских советов, детских приютов и яслей, братств, сестричеств, миссионерских кружков, богаделен, больниц, касс взаимопомощи и других полезных приходских учреждений, развивающих благотворительность. Признано желательным учреждение в приходах приходских советов и заменить ими громоздкие и малоспособные к порядку массовые собрания всех прихожан».²⁸²

Уже после государственного переворота в феврале 1917 г., на волне всенародного воодушевления священник Петр Протопопов обнаружил и представил вниманию съезда духовенства, церковных старост и представителей приходов Урюпинского благочиния, прошедшего в апреле 1917 г. в рамках подготовки к Чрезвычайному съезду донского духовенства свою докладную записку «О реформе Православной церкви», которая была опубликована С. П.

---

²⁸² Приходская летопись Христорождественской церкви станицы Урюпинской // Церковно-приходское летописание на Волгоградской земле. Волгоград, 2015. С. 203–205.

Синельниковым вместе с приходской летописью²⁸³. В ней была развернута целая программа переустройства жизни Церкви, ее обновления, и коренного пересмотра взаимоотношений с государством. Ввиду пространности записки уместно будет привести из нее лишь те положения, которые помогают понять сходство общих настроений духовенства, выраженных его самыми грамотными представителями с декларируемыми лозунгами «обновленцев».

«<...> В жизни церкви мы видим и переживаем, с одной стороны, бесправное и унижительное положение духовенства и мирян, с другой – неограниченную власть правящей иерархии. Дух самодержавной власти проходит красной нитью через весь строй церкви <...>. Новая жизнь в свободной России не может примириться с отжившим строем церкви.

<...> Епископ, как предстоятель местной церкви, должен быть по преимуществу избранником всенародной любви. Поэтому епархия получает право, в случае вакансии, избирать на общепархиальном съезде, из представителей клира и мирян, кандидата на место епископа из лиц монашествующего, белого духовенства или мирян, отличающихся благочестивой и святой жизнью, с высшим богословским образованием и по преимуществу свободных от семейной жизни. Избранный на пост епископа кандидат утверждается Священным Синодом и возводится в сан епископа по каноническим установлениям церкви.

<...> Органом церковно-приходского управления должно быть приходское собрание <...>. Исполнительным органом приходского собрания является постоянно действующий под председательством предстоятеля церкви приходской совет <...>. На приходский совет возлагается важнейший долг и право избрания кандидатов на должности приходского клира из лиц, получивших богословское образование в духовных академиях или пастырских школах и с общим образованием не ниже среднего.

---

²⁸³ Там же.

<...>Так как принцип избрания является великим по своему значению и примиряющим началом новой жизни и служит основной гарантией свободы и верным средством для отбора людей, достойнейших по своим духовным и нравственным качествам, и так как этот принцип вполне соответствует соборным началам Церкви, то этот принцип должен со всею последовательностью проводиться по отношению ко всем организациям, управлениям, учреждениям и должностным лицам Церкви.

<...> В вопросах об отношении к политике духовенство должно признать, что Церковь живет при всяком политическом строе и не входит в борьбу с политической властью. Дело пастыря служить истине и спасению душ; служение пастыря – молитва, священнодействие, учение. Для пастыря дороги все его пасомые, к какой бы партии они ни принадлежали. Поэтому пастыри и вообще служители Церкви должны быть вне, или вернее – выше партийного разделения, возводя каждую верующую душу от идеала партийного к высшему христианскому идеалу»²⁸⁴.

Приведенные здесь тезисы докладной записки священника П. Протопопова выражены в таком духе, что с ними нельзя не согласиться. Многие из них, как например, избрание Патриарха, выборность приходских советов, увеличение числа епархий с уменьшением их территориальных размеров начали осуществляться решениями Всероссийского Поместного собора 1917–1918 гг., а о развитии на приходах благотворительной и социальной работы, просвещению и катехизации, духовно-нравственном воспитании повсеместно говорится и в наши дни.

По сравнению с живым развитием представлений об обновлении церковной жизни, лозунги «обновленцев», без сомнения являлись подменой. Но в условиях общего разрушения устоев традиционного образа жизни, информационной блокады, а главное, прямой угрозы преследований со стороны новых властей,

---

²⁸⁴ Приходская летопись Христорождественской церкви станицы Урюпинской // Церковно-приходское летописание на Волгоградской земле. Волгоград, 2015. С. 246–251.

большинство священников Царицынской губернии признали временное ЦЕУ законной церковной властью, тем более что во главе его встал уже знакомый им викарий епископ Модест (Никитин). Сохранилась, хотя и обрывочно, переписка ЦЕУ с отделом управления губернского исполкома за период с лета 1922 г. по январь 1924 г., позволяющая вынести некоторые суждения о деятельности «обновленцев».

Так из сохранившихся делопроизводственных документов можно увидеть, что епископ Модест (Никитин) подписывал документы ЦЕУ только до октября 1922 г. В октябре 1922 г. за председателя документы подписывали заместители председателя протоиерей М. Алексеев или К. Бурмистров, что позволяет предположить отход епископа Модеста от руководства епархией, возможно, из-за разногласий между ним и царицынскими священниками. В течение почти всего следующего года – с февраля до декабря 1923 г. документы ЦЕУ в качестве председателя подписывал епископ Тихон (Русинов)²⁸⁵. Епископ Тихон (Русинов) был выпускником Санкт-Петербургской духовной академии, кандидатом богословия, до 1920 г. он служил преподавателем Павловского духовного училища Воронежской губернии, а в годы Гражданской войны стал преподавателем Донского Мариинского института в Новочеркасске. В 1920 г. он был пострижен в монашество и рукоположен в священный сан. Он стал первым архиереем, которого избрали царицынские «обновленцы». Есть свидетельство протопресвитера П. Н. Красотина, что при своем рукоположении он «говорил такую страстно-патетическую речь против Патриарха Тихона, что мы приходили в ужас и думали: вот это обновленец»²⁸⁶. Его хиротония состоялась 30 октября (12 ноября) 1922 г., он занял викарную Усть-Медведицкую кафедру, которую оставил епископ Модест (Никитин)²⁸⁷. Епископ Тихон (Русинов) после его отъезда был

²⁸⁵ Пономарев М. В. Документы ГУ «ГАВО» — источник по истории церковного раскола в 1920-х гг. на Нижней Волге // «Архивное дело Волгоградской области 1923–2008: итоги, достижения, перспективы»: материалы научно-практической конференции 20 ноября 2008 г. Волгоград, 2008. С. 79–84.

²⁸⁶ "Обновленческий" раскол: Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / Сост. Соловьев И. В., М., 2002. С. 352–353.

²⁸⁷ Иванов С. М., Супрун В. И. Указ. соч. С. 52.

назначен ВЦУ архиепископом Царицынским. Но через год с небольшим 12 апреля 1924 г. он принес покаяние перед Святейшим Патриархом Тихоном, и был принят в общение в сане иеромонаха. Вторая его хиротония, уже каноническая, состоялась 24 июня 1924 г., он был назначен на Усть-Медведицкую викарную кафедру, на которой и пребывал вплоть до 1931 г. К сожалению, не сохранилось документов о его деятельности в донских округах. Известно только о его метаниях: уже в 1925 г. он оказался в рядах «григорианского» раскола, в 1926 г. принес покаяние перед Заместителем Патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием, но в течение того же года вновь вернулся к «григорианцам». Его третье покаяние произошло 17 декабря 1931 г., после него он был переведен на Ижевскую кафедру, а окончил свою жизнь после недолгого пребывания на Одесской кафедре в застенках НКВД, будучи расстрелян 20 марта 1938 г.²⁸⁸

Судя по тому, что первым епископом, избранным в «обновленческой» Царицынской епархии стал ученый монах – выпускник духовной академии, кандидат богословия, духовенство, оказавшееся в расколе, не стремилось порывать с церковными канонами и традициями, несмотря на радикальные заявления, подписывавшиеся их лидерами.

После епископа Тихона Усть-Медведицкую кафедру у «обновленцев» занимал епископ Николай (Рубцов) – в течение месяца с 9 мая по 9 июня 1924 г.²⁸⁹ Дольше пробыл на кафедре епископ Сергей (Озерецковский) – с 27 июня 1924 г. по 12 мая 1925 г., он имел титул епископа Усть-Медведицкого и Хоперского, викария Царицынской епархии²⁹⁰. После этого нет сведений о назначении архиереев на Усть-Медведицкую и Хоперскую кафедры.

В течение сентября и октября 1922 г. известный своей активностью заместитель председателя ЦЕУ и уполномоченный ВЦУ священник К. Бурмистров планировал провести собрания духовенства и верующих в

²⁸⁸ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 539–540.

²⁸⁹ Там же. С. 419.

²⁹⁰ Там же. С. 512.

окружных и уездных центрах губернии, в том числе в станицах Урюпинской, Нижне-Чирской, на крупных железнодорожных станциях Арчеде, Себряково, Филоново, и власти дали на это разрешения. Однако, сопоставляя мандаты уполномоченных ЦЕУ и разрешения на проведение собраний с сохранившимися отчетами об их проведении, волгоградский исследователь М. В. Пономарев пришел к заключению, что многие из запланированных собраний не состоялись. Это дает возможность предполагать, что «на практике раскол не был столь обширен, сколь в заявках обновленцев»²⁹¹. Руководители ЦЕУ неоднократно обращались к губисполкому с просьбами об административной помощи в распространении «идей обновленчества», которую они ожидали, прежде всего, в выдворении за пределы губернии сторонников Патриарха Тихона. Очевидно, они получали такое содействие, хотя советская власть не всегда была склонна сотрудничать с «церковниками». В материалах губернского отдела управления и ряда уездных исполкомов сохранилась телеграмма секретаря ЦК ВКП(б) В. В. Куйбышева от 12 июля 1922 г., направленная в губернские комитеты партии о недопустимости поддержки со стороны партийных и советских органов обновленческих групп²⁹². В то же время, секретное предписание заведующего губернского отдела управления Писарева всем заведующим окружных и уездных отделов управления от 28 октября 1922 г. разрешало содействие представителям ЦЕУ в деле закрытия монастырей²⁹³.

Интересные сведения о развитии «обновленческого» движения на местах содержатся в приходской летописи Пантелеимоновской церкви хутора Летовского, которую продолжал в 1920-х гг. вести свящ. А. Чечко. В тексте прослеживается восприятие рядовыми священниками и прихожанами так называемого «обновленческого» раскола в Церкви. В июле 1921 г упоминается о

---

²⁹¹ Пономарев М. В. Документы ГУ «ГАВО» — источник по истории церковного раскола в 1920-х гг. на Нижней Волге // «Архивное дело Волгоградской области 1923–2008: итоги, достижения, перспективы»: материалы научно-практической конференции 20 ноября 2008 г. Волгоград, 2008. С. 79–84.

²⁹² ГАВО. Ф. 216. Оп. 1. Д. 7. Л. 170.

²⁹³ Там же. Л. 229.

возглашении многолетия Патриарху на престольном празднике. Очевидно, независимая оценка событий в церковной жизни не доходила до донских хуторов и станиц. Церковные иерархи, управлявшие православными приходами на территории новообразованной Царицынской губернии, уклонились в раскол. Не имея никаких сведений о происходящем, продолжая подчиняться своим законным архиереям, в расколе от канонической церковной власти оказались и приходы, даже не подозревая об этом. В губернских городах к духовенству и верующим поступало больше информации, и у них был выбор между верностью Патриарху и «живой Церковью». Хотя формально наши края еще в 1919 г. вошли в состав Царицынской губернии и Царицынской епархии, фактически советская власть пришла в хутор Летовский только в 1920 г, а летом 1920 г отца Адама Чечко прислал на приход донской архиерей. К 1922 г приходы уже подчинялись царицынскому архиерею.

В летописи только один раз употребляется слово «обновленчество», но много информации о происходивших переменах. В июне 1923 г. отец Адам писал о введении нового стиля, которое, по его словам «отшатнуло народ от церкви»²⁹⁴. Переход на новый стиль советского правительства в феврале 1918 г. стал одной из демонстративных мер разрыва с царской Россией, белое движение и православная Церковь не признавали его. «Обновленцы» подчинились требованию властей перейти на новый календарь, но их решение вызвало большое недовольство в народе. Обновленцы стремились совершать празднования по новому стилю, а верующий народ продолжал встречать их по старому. Так, престольный праздник великомученика Пантелеимона 1923 г., на который собрались пять священников и 7 диаконов, прошел 27 июля по старому календарю, то есть 9 августа по новому²⁹⁵. Однако, на рождественскую службу, которую стали совершать в конце декабря по новому стилю собралось около двадцати человек, а на новогодний молебен 1 января 1924 г. пришло семь прихожан. Только крещенское водосвятие

²⁹⁴ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 53.

²⁹⁵ Там же. Л. 53.

6 января было многолюдным, потому что священник объявил, что по старому стилю, 19 января, он не будет освящать воду. Отец Адам пишет о недовольстве и ропоте прихожан, отсутствии средств к существованию, поскольку прихожане перестали жертвовать на храм, грозили побоями, но не осуществили своих угроз, очевидно, понимая, что отец Адам только подчиняется распоряжениям священноначалия²⁹⁶.

Летний престольный праздник в 1924 г. снова был отслужен по старому стилю²⁹⁷. Через два дня, 11 сентября, во Фролово приехал царицынский «обновленческий» архиерей – епископ Димитрий Рождественский²⁹⁸. Он управлял епархией с июня по декабрь 1924 г., поскольку «обновленческие» архиереи часто переходили с одной кафедры на другую. Собрав во фроловской Рождество-Богородицкой церкви все духовенство благочиния на литургию, он вручил награды. Отец Адам Чечко был награжден наперсным крестом. На следующий день он приехал со свитой ночевать в хутор Летовский. Утром владыка уехал дальше, в Кременский монастырь, причем летовские прихожане отказались дать ему подводы. Отцу Адаму пришлось за свои деньги нанимать подводы и лошадей для начальства, он сетует на нетактичное поведение своей паствы. Возможно, неуважение летовцев к архипастырю объясняется тем, что его сопровождала «баба», с которой он даже ехал «на одной лошаденке». «Обновленческие» архиереи нередко были женаты, что могло возмутить казаков не менее введения пресловутого нового стиля²⁹⁹.

Вслед за глубокими рассуждениями священника о причинах отпадения людей от веры, он вновь горько сетовал о том, что духовенство само часто разрушало веру у прихожан своими разногласиями. Отцу Адаму были непонятны церковные разделения, он не видел в противниках «обновленцев» – «тихоновцах»,

---

²⁹⁶ Там же. Л. 54.

²⁹⁷ Там же. Л. 55.

²⁹⁸ Управлял «обновленческой» Царицынской епархией с 25 июня по 10 декабря 1924 г. См. *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 233.

²⁹⁹ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 55.

приверженцев правды, его смущали их методы борьбы: «Одни других проклинаят, анафематствуют, высмеивают и каждая отрасль верований считает себя, что только она есть действительно истинная церковь»³⁰⁰. Особенно беспокоило автора то, что участились случаи изгнания духовенства своими приходскими общинами. Прихожане требовали от пастырей перехода из обновленческого раскола в «тихоновскую» церковь, а в противном случае угрожали изгнанием. Такая участь уже постигла двух соседних настоятелей – отца Иоанна в станице Перекопской и другого отца Иоанна Ястребинского в хуторе Теркине. Приходы Богоявленской церкви в станице Перекопской, Феодоровской церкви в хуторе Теркине, в Березовской станице перешли к «тихоновцам». Священники опасались радикальных настроений своих прихожан, но больше боялись преследования властей: за отказ от обновленчества им грозили «ссылкой в Нарымский край». При этом отца Адама удивляла непоследовательность властей, он рассказывает, что «тихоновский» священник из хутора Лог (тогда райцентр Сталинградского округа, ныне поселок Иловлинского района) отец Спиридон Кудряшов свободно совершал поездки по хуторам и агитировал прихожан и духовенство против «обновленчества». Летописец подозревал в этом коварную политику советской власти, которой были выгодны разногласия в Церкви³⁰¹.

Отец Адам пишет, что в результате деятельности отца Спиридона Кудряшова приходы Богоявленской церкви в станице Перекопской и Феодоровской церкви в хуторе Теркине перешли к «тихоновцам». Но здесь же он делает парадоксальное замечание: «Остальные по-прежнему остались верны старине»³⁰², причем он говорил это об «обновленцах». Очевидно, что сам он не понимал того, что формально пребывал в расколе, ведь он, как и его собратья, никуда не переходил. Он скорбел о нестроениях и разделениях, но не имел информации ни о раскольниках, ни о каноническом священноначалии. Летом

³⁰⁰ Там же. Л. 61.

³⁰¹ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 61.

³⁰² Там же.

1926 г. Патриарха Тихона уже больше года не было в живых, Местоблюститель митрополит Петр Крутицкий с декабря 1925 г. находился в тюрьме, заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей пока еще пребывал на свободе, но был лишен средств к управлению Церковью, отсутствовала церковная печать, правдивая информация о происходящем. И польский священник в далеком донском хуторе, продолжал поминать менявшихся на кафедре архиереев, не зная о том, в какой раскол они уклоняются, страдал и от недовольства прихожан, и от репрессий властей, и от собственных собратьев. Отец Адам был не согласен с методами, которые используют борцы с расколами – сторонники канонической Церкви, «тихоновцы» не признавали Таинств, совершенных в «обновленческих» храмах – заново крестили, венчали прихожан, по-новому рукополагали священников. Отец Адам подозревал в этом не «ревность о правде Божией», а страсть к стяжанию, повод к новым поборам с прихожан. Он не мог согласиться с тем, что Таинства, совершаемые им, могут быть признаны недействительными³⁰³.

В августе 1926 года фроловское благочиние посетил очередной сталинградский «обновленческий» архиерей – епископ Иоанн Звездкин³⁰⁴. Летописец характеризовал его как «хорошего, довольно справедливого человека»³⁰⁵.

В марте 1928 г. отец Адам сделал запись, вероятно, о наблевшем для него, единственный раз он высказал недовольство «обновленческим» священноначалием: «В области духовной ничего выдающегося нет, как будто бы затишье, только следуют одно за другим предписания: вноси деньги. Какая странная ирония судьбы: и советская, и духовная власть только видно одним и заняты – это выколачиванием денег. Никак они не могут понять: откуда брать их? Для примера взять хотя бы Летовский приход – несчастнее, мне кажется, в отношении материального обеспечения в данное время нет другого подобного

³⁰³ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 68.

³⁰⁴ Управлял Сталинградской «обновленческой» епархией с 1 июня 1925 г. по 16 сентября 1927 г. См. *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 274.

³⁰⁵ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 62.

прихода. За весь пост говело человек 200, иной праздничный или воскресный день нет ни одной обедни, ни панихиды, а между тем налог плати и на содержание епархиальной власти и никто не войдет в положение, а только то и делают, что гражданская власть – описывает имущество и зачастую продает с молотка, духовная – то и дело грозит строгими репрессиями, вплоть до увольнения»³⁰⁶.

Распоряжения обновленческого руководства следовали за действиями советской власти. В связи с новым административно-территориальным делением страны в 1928 году на большие края, были учреждены 9 новых митрополий, в числе которых была Нижне-Волжская с центром в Саратове³⁰⁷. Вместе с уже существовавшими, в обновленческой церкви стало 16 митрополий. В каждой митрополии было создано Митрополитанское церковное управление, в составе пленум и президиума. Пленум, состоявший из епархиальных архиереев, а также клиров и мирян в равном количестве, должен был собираться дважды в год. Постановления Митрополитанского церковного управления принимались большинством голосов и подлежали утверждению Синодом. Подобным образом должны были быть организованы Епархиальные церковные управления, с той разницей, что вместо архиереев по должности в них входили благочинные.

В Нижне-Волжскую митрополию вошли: Саратовская, Сталинградская, Астраханская, Вольская и Хоперская епархии. При этом, в отличие от других четырех епархий, Хоперская кафедра так и не была замещена. Усть-Медведицкая викарная кафедра Сталинградской епархии не замещалась с 1925 года³⁰⁸. Первый краевой церковный митрополитанского собора православно-обновленческих приходов Нижне-Волжского края, проходил 21–23 октября 1928 года в Саратове. На нем было оглашено общее число обновленческих общин Нижне-Волжского края – 400³⁰⁹. В докладе ответственного секретаря собора А. Ф. Шишкина,

³⁰⁶ Там же. Л. 62.

³⁰⁷ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 25.

³⁰⁸ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 664.

³⁰⁹ ГАВО. Ф. 3083. Оп. 1. Д. 21. Л. 45

который представлял Сталинград, озаглавленном «О положении дел церкви в Нижне-Волжском крае», отмечена география распространения обновленчества. Больше всего обновленческих приходов находилось в Сталинградской епархии, в Саратовской и Астраханской епархиях преобладали сторонники патриаршей церкви³¹⁰. На съезде было 34 делегата, Хоперский округ представляли протоиереи Павел Шевченко и И. Штурбин³¹¹.

Было создано Митрополитанское Краевое Церковное Управление (далее – КМЦУ). Наиболее острые дебаты на съезде вызвал вопрос о размере сборов с приходов на нужды митрополитанского управления. Планировалось увеличить число епархий до восьми, в соответствии с новым окружным делением края, но это не было осуществлено. Протоиерею Павлу Шевченко было поручено организовать Хоперское епархиальное управление³¹², он же вошел в состав КМЦУ и поставил свою подпись под документами съезда, которые были громко озаглавлены «Деяния собора»³¹³.

Сохранились документы только одного пленума КМЦУ, прошедшего в Саратове 16–18 июня 1929 года³¹⁴. В нем приняли участие 25 членов КМЦУ, в том числе архиепископ Модест (Никитин), названный в тексте документа «Хоперским», и протоиерей Павел Шевченко. В книге протоиерея В. Лавринова, содержащей биографические данные обновленческих архиереев, содержится информация о том, что летом 1929 года архиепископ Модест (Никитин) занимал Саратовскую кафедру³¹⁵, а митрополит Алексей (Дьяконов) с апреля того же года находился на Бакинской кафедре³¹⁶. В то же время о деятельности архиепископа Модеста (Никитина) на Хоперской кафедре более ничего не известно.

³¹⁰ ГАВО. Ф. 3083. Оп. 1. Д. 21. Л. 71об.

³¹¹ Там же. Л. 44.

³¹² ГАВО. Ф. 3083. Оп. 1. Д. 21.. Л. 64.

³¹³ Там же. Л. 43.

³¹⁴ ГАВО. Ф. Р–3083. Оп. 1. Д. 21. Л. 141–160.

³¹⁵ Лавринов В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 382.

³¹⁶ Там же. С. 83.

На пленуме отмечен «инцидент», произошедший в слободе Михайловке Хоперского округа. Суть его была в конфликте верующих с представителями проверяющих органов – «государственной фондовой комиссии», но содержание конфликта не конкретизируется. Пленум осудил выступления против существующей власти и назвал их преступными. Хоперскому епархиальному управлению было дано задание расследовать инцидент и представить КМЦУ материалы расследования³¹⁷. Отчет о состоянии дел в Хоперском округе был представлен протоиереем Павлом Шевченко³¹⁸. Он отметил, что в округе почти не было «тихоновских» церквей, Хоперская епархия лидировала в Нижне-Волжском крае по количеству обновленческих приходов. Особо было отмечено в выступлении Шевченко отсутствие у епархии задолженностей перед митрополией, так как финансовый вопрос, связанный с обеспечением работы КМЦУ стал наиболее остро обсуждавшимся вопросом на пленуме. Шевченко доложил, что в Хоперском округе миряне «удивляются и высказывают недоумение – неужели где-нибудь тихоновщина пользуется еще успехом»³¹⁹. Судя по тому, что отчет о состоянии дел в епархии представлял уполномоченный протоиерей Шевченко, архиепископ Модест (Никитин), только номинально считался архиереем, но не занимался делами епархии. Пленум поздравил его с присуждением степени магистра богословия³²⁰.

Одна из немногих документированных попыток сопротивления «обновленческому» расколу отмечена в хуторе Громки Новоаннинского района (в нескольких километрах от станции Филоновской). Священник Евгений Петрович Данилевский был арестован в декабре 1928 вместе с «бывшим» священником Иваном Алексеевичем Белоножкиным. Белоножкин до 1926 года служил в одном из храмов Новоаннинского района, а после его закрытия, работал фельдшером. Из следственного дела не ясно, в каком именно храме служил Белоножкин, как не

---

³¹⁷ Там же. С. 144.

³¹⁸ Там же. С. 152.

³¹⁹ *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.. С. 152

³²⁰ Там же. С. 157.

известны и обстоятельства его закрытия. По документам административного отдела Хоперского окружного исполкома о закрытии храмов в 1926 году ничего не известно. Возможно, оставление И. А. Белоножкиным своего служения также связано с «обновленческим» расколом. Во всяком случае, председатель сельсовета хутора Громки выдал Белоножкину справку, что он действительно занимался сельским хозяйством и обязанности священника не исполнял. Священник Е. Данилевский был обвинен в том, что в проповедях «призывал верующих людей объединиться и выгнать из храмов обновленцев». В следственном деле сохранились рукописные копии посланий патриарха Тихона 1924 года, изъятые у обоих священников. У Белоножкина нашли письма, в которых рассказывается о диспутах с обновленцами. Особое совещание при ОГПУ приговорило свящ. Белоножкина и свящ. Данилевского к трем годам заключения в концлагере, по статье 58 за «контрреволюционную агитацию»³²¹.

В 1929 году политика советской власти по отношению к религиозным организациям резко изменилась. В соответствии с законом «О религиозных объединениях», принятым ВЦИК и СНК РСФСР 8 апреля 1929 года³²², церковь стала полностью подконтрольна государству. Религиозные общества потеряли права юридического лица и обязывались заниматься исключительно удовлетворением религиозных потребностей верующих в пределах церковных зданий. Любая другая деятельность была запрещена. С принятием нового закона фактически был дан ход антирелигиозной кампании, направленной на полную ликвидацию церквей. Началось массовое закрытие церквей всех ориентаций.

Объясняя широкое распространение в донских округах «обновленческого» раскола, О. Ю. Редькина пишет: «Длительное существование на Нижней Волге и Дону обновленческого движения, в то время когда в остальных районах страны оно давно пошло на спад, объяснялось рядом обстоятельств. Важнейшей из них являлась поддержка местной администрации, разрешившей проведение Краевого

³²¹ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10267пф. Л. 21-24, 53-55, 71, 95-107, 113, 129.

³²² СУ РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

собора, способствовавшего консолидации сил обновленчества. Кроме того, рассматривая религиозную ситуацию в Нижне-Волжском крае на рубеже 20–30-х гг., нельзя не отметить, что обновленчество получило наибольшее распространение в тех районах, где традиционно были сильны позиции старообрядчества»³²³.

Бесспорно, поддержка «обновленческого» раскола как центральными, так и местными органами советской власти представляется основным фактором распространения раскола. Однако такая поддержка была повсеместной, следовательно, объяснение надо искать в таком сочетании общих и местных факторов, которое могло в итоге повлиять на повышенную склонность приходских общин на территории нашего региона к пребыванию в «обновленческом» расколе. О. Ю. Редькина считает таким местным фактором поддержку «обновленчества» со стороны старообрядчества. Она опирается в своих объяснениях на мнение авторитетного зарубежного церковного историка как Д. В. Поспеловский, который «отмечая симпатии старообрядчества обновленческому движению, объяснял это, с одной стороны, его негативным отношением к традиционной православной церкви, а с другой – близостью социальных представлений староверов идее христианского социализма, проповедуемой лидерами обновленчества»³²⁴.

Если обратиться к анализу религиозной обстановки в Нижнем Поволжье, то эти выводы не представляются однозначными. В первую очередь, следует обратить внимание, что в известных О. Ю. Редькиной и упоминаемых в той же статье документах краевых «обновленческих» форумов: Собора 1928 г.³²⁵ и Пленума 1929 г.³²⁶ не говорится ни о поддержке со стороны старообрядцев, ни о контактах с ними. Отсутствуют такие факты и в документах краевого собрания

³²³ Редькина О. Ю. Религиозная ситуация в регионе (по материалам архивов Волгоградской области) // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сб. документов. С. 15

³²⁴ Редькина О. Ю. Религиозная ситуация в регионе (по материалам архивов Волгоградской области) // Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сб. документов. С. 15.

³²⁵ ГАВО. Ф. Р–3083. Оп. 1. Д. 21. Л. 43–66.

³²⁶ Там же. Л. 141–240.

старообрядцев, прошедшего в Саратове в сентябре 1928 г.³²⁷. Представляется сомнительным, чтобы лидеры «обновленцев» стали умалчивать о таких важных фактах. В дореволюционное время проблема преодоления раскола была одной из важнейших церковных задач, и деятели «обновленчества» хорошо об этом знали. Преодоление церковного раскола, не осуществившееся в царское время, но исполняющееся в годы советской власти могло бы стать существенным доводом для вовлечения православных общин в раскол и удержания их в расколе.

Действительно, как Царицын, так и Область Войска Донского были районами значительного распространения раскольников-старообрядцев различных толков. Религиозная ситуация в Царицыне была весьма сложной и ее анализ выходит за рамки данного исследования. Следует обратить внимание на распространение старообрядчества на территории северо-восточных округов Области Войска Донского. Наибольшее количество «обновленцев» отмечается как самими «обновленцами», так и органами власти именно в Хоперском округе. Если верны выводы О. Ю. Редькиной, то именно там должно было наблюдаться и наибольшее количество старообрядческих общин. Трудно найти достоверную статистику по религиозным организациям за 1920-е годы, но до революции в Российской Империи велась точная и достоверная статистика принадлежности населения к различным религиозным организациям. Старообрядчество после царского манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. стало разрешенным вероисповеданием и на Дону стали строиться старообрядческие храмы в дополнение к существовавшим с XIX в. молитвенным домам и единоверческим храмам. Сохранились подробные списки донских храмов³²⁸.

По состоянию на 1905 г. в Хоперском округе не зафиксировано ни единоверческих храмов, ни старообрядческих молитвенных домов. Нет сведений об их строительстве и после 1905 г. В то же время в соседнем Усть-Медведицком

---

³²⁷ Там же. Л. 1–21.

³²⁸ Список церквей Донской епархии // Донские епархиальные ведомости. 1905. № 3. С. 169–192.

округе числилось 16 старообрядческих храмов (в т. ч. 3 единоверческих) и 25 молитвенных домов. Южнее, во Втором Донском округе был даже один монастырь, кроме этого 20 храмов (в т. ч. 10 единоверческих) и 7 молитвенных домов. Зависимость распространения старообрядчества от распространения «обновленчества» можно заметить только при оценке ситуации на региональном уровне. Но, если рассматривать статистику религиозных общин на уровне округов, то статистические данные территориального распределения приходских общин вынуждают отвергнуть предположение о связи этих двух расколов.

Следует обратить внимание не только на несоответствие в деталях географического распределения старообрядческих общин и православных приходов, уклонившихся в «обновленческий» раскол по территории донских округов. Вопрос об отношении старообрядцев к православию и «обновленчеству» представляется не менее сложным. Представляется упрощенной точка зрения Д. В. Поспеловского, придающего слишком большое значение симпатиям некоторых старообрядцев «обновленчеству»³²⁹. Если и возможно говорить о таких симпатиях, проявлявшихся у отдельных лидеров обоих расколов, то на уровне местных приходских деятелей причины для подобной симпатии трудно обнаружить.

Необходимо принять во внимание следующие аспекты. Во-первых, отчасти «обновленцы» шли в реформировании богослужения еще дальше, чем «никониане», что не могло вызвать сочувствия у старообрядцев. Во-вторых, старообрядцы на протяжении двух с половиной веков находились в конфликте не столько с самой Православной Церковью, сколько с официальной Церковью, находившейся под контролем государства и поддерживавшей государственную власть. В 1920-е гг. в качестве такой официальной Церкви выступало именно «обновленчество». Скорее, верность отдельных пастырей и приходов законному церковному управлению и противостояние официальной власти могли сблизить позиции «староцерковников» или «тихоновцев» со старообрядцами. В-третьих, на

---

³²⁹ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С 81–82.

Дону и Нижней Волге старообрядцы представляли собой скорее не «христианских социалистов», а буржуазию, активно участвуя в предпринимательской деятельности. Ядро старообрядческих общин на Среднем Дону во Втором Донском округе, где существовали не только множество храмов, но и старообрядческие монастыри (в Калаче-на-Дону), стало центром перевалочной хлебной торговли на юге России.

Кроме того, в первые годы советской власти в донских округах отмечается рост численности самих старообрядческих общин. К сожалению, статистики по Хоперскому округу не обнаружено, но в фондах окружного отдела милиции хранится официальный список зарегистрированных религиозных общин Усть-Медведицкого округа по состоянию на 1925 г.³³⁰ Скорее всего, этот список достаточно полный, поскольку даты регистрации общин, указанные в нем простираются от 1923 до 1925 г., а общее количество общин достигает 164, что представляется значительным для не самого большого по площади и населению округа. Из этого количества религиозных общин 57% (93 общины) – православные, 37% (61 община) – старообрядческие. Протестантские и сектантские общины составляют 6% (10 общин, из них – 5 баптистских, 4 – немецкие лютеранские и одна община молокан). Это показывает существенный рост количества религиозных общин по сравнению с дореволюционным временем, когда в Усть-Медведицком округе насчитывалось 37 старообрядческих общин – 12 храмов и 25 молитвенных домов (рост на 65%). Немногим более трети из них (23 общины или 37%) возглавлялись священниками, что для старообрядцев было традиционно, в отличие от православных, у которых духовенство руководило 81% общин (75 священников).

Следует отметить, что ни одна православная община не обозначена в списке как «тихоновская», но ни одна и не обозначена как обновленческая. По всей видимости, это должно было обозначать либо индифферентность властей к «ориентации» общины, что опровергается другими источниками, либо то, что все

³³⁰ ГАВО. Ф. 1772. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–4.

зарегистрированные в Усть-Медведицком округе православные церковные общины признавали «обновленческое» руководство Царицынской епархии и местной викарной кафедры за неимением доступной альтернативы.

Еще одним интересным выводом из статистического анализа списков религиозных общин является большое количество прихожан, участвовавших в деятельности церковных советов. Всего по округу в списках членов общин, зарегистрированных в Усть-Медведицком окружном отделе милиции числится 9 811 человек, в среднем по 60 человек на каждую общину, при этом малочисленность многих общин объясняется только малочисленностью населения в дальних хуторах. Списки некоторых общин включают более сотни членов, самым большим был список общины Троицкой церкви станицы Клетской (345 человек). Это может свидетельствовать о высокой активности населения округа в отношении собственных приходских храмов.

Исследовательница из Ростова-на-Дону Ю. В. Бирюкова считает, что для многих представителей духовенства на Юге России главным мотивом вступления в ряды «обновленцев» был не протест, а, напротив, стремление выжить при новой власти за счет сотрудничества. В частности, она отмечает, что большинство священников, ставших деятелями «обновленчества» в начале 1920-х годов, в период Гражданской войны поддерживали белое движение³³¹. Из Хоперского округа можно привести пример священника Василия Кожина (будущего митрополита Гермогена). Кроме того, как уже было сказано выше, гораздо более существенным мог быть тот факт, что «обновленческий» раскол в Хоперском округе во многом опирался на таких активных авторитетных священников, как П. Протопопов, ратовавших за обновление приходской жизни и церковного управления еще с дореволюционных лет.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать попытку разрешения вопросов, поставленных в начале главы. В отношении связи «обновленческого»

---

³³¹ Бирюкова Ю. А. Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 2012.

движения советских лет на Дону с дореволюционным реформенным движением, можно сказать о том, что она была слабой. Конечно, призывы к реформированию церковной жизни были в годы, непосредственно предшествовавшие революционным событиям, но относились они, в основном, к укреплению и развитию епархиальной и приходской жизни. В то же время именно приходская и епархиальная жизнь подверглись наиболее разрушительным ударам в годы Гражданской войны. Речь шла уже о выживании в новых условиях, а не о целенаправленных реформах. Большой процент духовенства, вовлеченного в раскол, а также практическое отсутствие серьезной борьбы с его активистами, дают возможность подозревать, что вступление их в ряды «обновленцев» было вынужденным. Террор времен Гражданской войны и первых лет установления советской власти на Дону был направлен против сторонников «белых». К ним было отнесено и православное духовенство, в подавляющем большинстве поддерживавшее «белых», при отступлении часто уходившее с ними и, очевидно, связывавшее свои чаяния с возвратом свергнутого строя. С одной стороны, страх перед расправой, с другой стороны, плохая информированность духовенства, стали причиной того, что оно практически поголовно оказалось в «обновленческом» расколе. Скорее всего, большинство из них были убеждены властями в том, что такая форма церковной юрисдикции является безальтернативной и единственной одобренной властями. В свете событий, происходивших в Москве – арест Патриарха Тихона, «обновленческие соборы», отсутствие нормальной церковной печати и пр., такая версия представляется наиболее приемлемой. Невозможно заподозрить большую массу сельского духовенства казачьих станиц и хуторов в том, что они серьезно прониклись идеями столичных священников–интеллектуалов, или же внутренне согласились с пролетарской демагогией вождей раскола. Наиболее удовлетворительным объяснением их поведения представляется страх перед расправой. Все это заставляет склониться к версии полной внешней инспирированности раскола. Его формальные лидеры в Царицынской губернии стали игрушками в руках

репрессивных органов, а люди, которые действительно могли бы дать идеологическую базу движению, оказались в стороне. Тем не менее, и по сей день печать формальной принадлежности к церковному расколу порочит память многих священников, выполнявших свой пастырский долг в крайне тяжелые времена.

Даже в условиях «обновленческого» раскола предпринимались попытки сохранения церковной жизни. В процессе регистрации новыми властями приходов, их количество несколько увеличилось. Тезис зарубежного историка Д. В. Поспеловского, поддержанный волгоградской исследовательницей О. Ю. Редькиной, о связи широкого распространения «обновленческого» движения со старообрядчеством в работе опровергнут.

2.3. Приходская жизнь в 1920–1930 гг.³³²

При массовом закрытии приходских храмов в 1930-х годах даже минимальный объем приходской документации не представлял интереса для органов советской власти и вследствие этого был безвозвратно утерян. В советской прессе отдельные факты из жизни религиозных общин упоминались очень редко и исключительно в отрицательном свете. Восстановить сколько-нибудь целостную картину приходской жизни возможно лишь в тех случаях, когда сохраняется переписка приходов с органами советской власти, или отдельные документы попадают в дела репрессивных органов. Для исследуемой области такое удалось сделать лишь для двух приходских общин: Покровского храма станицы Урюпинской и Пантелеимоновского храма хутора Летовского. Покровская община, храня местную святыню Урюпинскую чудотворную икону Пресвятой Богородицы, была вынуждена вступать в переписку по поводу организации ее массовых праздников. Сохранившейся летописью Летовского храма мы обязаны личному усердию священника А. Чечко. Приходская летопись особенно ярко высвечивает картину жизни прихода в далеком донском хуторе в годы коренного перелома в жизни его обитателей. В то же время привлечение в качестве источников документов из следственного дела, создававшегося в ОГПУ, поднимает проблему достоверности содержащейся в нем информации. Следственные дела репрессивных органов советского государства в большинстве случаев служат единственным и наиболее полным источником о жизни и смерти священнослужителей русской Церкви в 1920–1930-х гг.

---

³³² В данном разделе в более расширенном виде приводится материал, опубликованный в частности в статье: *Агеев Е. А.* Полвека из жизни донского хутора: приходская летопись Пантелеимоновской церкви хутора Летовский станицы Кременской Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского (1873-1929) // *Вестник ПСТГУ.* – М., 2016. 6. – С. 91–106.

Как отмечает А. Л. Беглов, «годы «великого перелома», коллективизации и гражданской войны с крестьянством были и годами переориентации репрессий преимущественно против «черно-сотенного духовенства» на репрессии против «церковников», как теперь власти именовали активистов-мирян»³³³. Еще до начала волны массового закрытия храмов, началось повышение различных налогов на духовенство, ограничение их в правах землепользования в рамках сельских общин, увеличение сборов с церковью. Коллективизация обескровила сельские общества, а «раскулачивание» стало удобным средством борьбы с «церковниками». В исследуемых округах процесс «раскулачивания» становился гораздо более жестоким, в связи с началом массового преследования казачества за участие в Гражданской войне на стороне противников советской власти, а представителей духовенства – в их поддержке. Все эти факты прослеживаются на примере сохранившихся источников, относящихся к двум приходам на территории исследуемых округов.

Волгоградский историк С. П. Синельников подробно исследовал историю Покровского храма станицы Урюпинской, который теперь является кафедральным собором Урюпинской епархии. Со времени начала Гражданской войны священнослужители и прихожане Покровской церкви станицы Урюпинской видели свое призвание в сбережении храма и хранившейся в нем «Явленной» чудотворной иконы Божией Матери. Во время кампании изъятия церковных ценностей в начале 1922 г., из Покровского храма было взято относительно небольшое количество предметов: 11 серебряных риз и венчиков с икон и серебряная лампада от Явленной иконы. Впоследствии обнаружилось, что значительная часть предметов богослужебного назначения была спрятана церковным старостой Н. М. Бирюковым в алтаре. Синельников не сомневается, что целью укрытия ценностей стало именно предотвращение их готовящегося

---

³³³ Беглов А. Л. Приходской вопрос в истории и в трудах Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов (вступ. статья) // Документы Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустроении прихода. Под ред. Беглова А. Л. М., 2017. С. 72.

изъятия³³⁴. В середине 1922 г. Н. М. Бирюков скончался. О месте, где были укрыты от советской власти церковные ценности, сообщил приходскому совету священник урюпинского подворья Усть-Медведицкого монастыря отец Михаил Зачиняев. Новый церковный староста В. И. Меркулов внес обнаруженные вещи в опись приходского имущества, при этом часть предметов была оставлена в храме, а часть передана через уголовный розыск в окружное политбюро³³⁵. Через несколько дней алтарь и ризница Покровского храма были ограблены «неизвестными лицами». В числе похищенного оказались богослужебные сосуды, риза с киота Явленной иконы Божией Матери и антиминс³³⁶. Похитители не были найдены.

Святотатственное ограбление храма, произошедшее сразу после сообщения об обнаружении уцелевших от организованного изъятия ценностей стало не случайным. С. П. Синельников приводит в своей статье «Расцерковление донских казаков в 1920–1930-е гг.» факты очевидного падения нравственного уровня казачьей молодежи, воспитанной в годы братоубийственной Гражданской войны. Даже губернская партийная газета «Борьба» не смогла замолчать этих фактов. Осенью 1922 г. в газете была напечатана статья корреспондента из станицы Урюпинской о царящих в станице нравах. Корреспондент отмечает хулиганский воинствующий дух молодежи, которая «разломав в станице все, что можно было поломать – палисадники, тумбы, скамейки, в щепки разнеся нежилые дома, принялась громить станичное кладбище. В особенности достается крестам и памятникам»³³⁷.

Религиозное общество Покровской церкви было зарегистрировано в порядке перерегистрации 22 декабря 1922 г. Документы были подписаны священником Константином Михайловым и старостой В. И. Меркуловым³³⁸.

³³⁴ Синельников С. И. Расцерковление донских казаков в 1920–1930-е гг. (На примере Покровской церкви ст. Урюпинской Хоперского округа) // Альфа и Омега. 2011. № 3. С. 84–113.

³³⁵ Там же. С. 95.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же. С. 96.

Типовой договор обязывал прихожан согласовывать все свои действия и слова с местными органами советской власти. Председатель церковного совета подавал просьбы о разрешении общих собраний прихожан, указывал подробно их повестку дня, просил разрешения на шествия вне церковной ограды: крестные ходы, молебны, освящение воды³³⁹. В середине 1920-х гг. по распоряжению властей была разобрана каменная ограда вокруг церкви, в пользу горисполкома была изъят несгораемый сундук, для других учреждений конфискована мебель (шкафы, стулья, столы, чугунная печка и т.д.), для детской площадки отобраны часы. В 1929 г. в ходе кампании по изъятию колоколов, были сняты все 6 церковных колоколов общим весом 191 пуд. В ночь с 26 на 27 апреля 1927 г. храм был снова ограблен. Воры сломали решетки на окнах алтаря и унесли все богослужебные сосуды, как и в 1922 гг., виновные не были найдены.

В 1927 г. отмечался столетний юбилей явления чудотворной иконы Божией Матери. Крестный ход к часовне на месте явления святыни и к колодцу-роднику прошел 21 июня 1927 г. из Покровского храма через Хопер к подножию Святых гор. Последним крестным ходом в станице Урюпинской стал традиционный ход для освящения воды 14 августа 1927 г. В 1928 г. разрешение на проведение крестного хода не было выдано. Это связано с расширением существовавшего ранее на Святых горах «дома отдыха». В 1928 г. было принято решение о закрытии часовни, как мешающей «нормальному отдыху и лечению трудящихся». Административные органы действовали так, чтобы не допустить крестного хода и паломничества, постаравшись перекрыть доступ к святыне к началу июня³⁴⁰. Окружной отдел здравоохранения планировал оборудовать вокруг источника курорт-санаторий для туберкулезных больных, разбить парк и построить городок для сотрудников со всеми необходимыми подсобными помещениями.

Приходское общество Покровской церкви предложило компромисс: оставить территорию вокруг часовни открытой, или хотя бы допускать

---

³³⁹ Синельников С. П. Указ соч. С. 100.

³⁴⁰ Там же.

паломников не более чем на 3 часа один раз в год. Советская власть не пошла на компромиссы с Церковью и решила переоборудовать часовню под читальню и склад для продуктов. Возможность проведения крестных ходов на территорию не допускалась ввиду того, что «скопления граждан во время служб в часовне замусоривают территорию дома отдыха, влияют на санитарное состояние, вызывают опасность распространения заразных болезней и эпидемии. Кроме того, скопление граждан вызывает наплыв преступного элемента, усиление краж и хулиганских действий»³⁴¹. Решением Президиума Хоперского окружного исполкома от 16 мая 1928 г. крестные ходы к источнику были запрещены.

В конце 1929 г. было инициировано предложение о закрытии урюпинских церквей. Вознесенский собор был предназначен под снос для оборудования на его месте городского парка. Покровскую церковь планировали переоборудовать под кинотеатр. В декабре и январе следующего, 1930 г. во многих коллективах прошли собрания, на которых были поддержаны требования о закрытии православных храмов. По крайней мере, в архивном деле хранится множество протоколов таких собраний, в которых указано количество их участников³⁴². Множество похожим образом составленных документов должно было свидетельствовать о единодушии урюпинцев в стремлении избавиться от «очагов мракобесия», однако, демонстрирует лишь административные усилия, предпринимавшиеся властями.

Покровский храм был закрыт решением окружного исполкома 1 января 1930 г. В марте из закрытого храма было изъято оставшееся имущество. Во время изъятия у храма собралась большая толпа (около 700 человек) с целью воспрепятствовать вывозу церковных вещей. Чудотворная икона Богородицы была спасена верующими: еще в 1925 г. с нее была сделана копия, а подлинник укрывался прихожанами по домам. Власти не смогли из-за скопления людей вывезти имущество, милицией было арестовано в качестве зачинщиков 7 человек.

---

³⁴¹ Синельников С. П. Указ соч. С. 101.

³⁴² Там же. С. 105.

Из них один был выслан на три года, двое осуждены условно, остальные освобождены. Власти запрещали сбор подписей за открытие церкви, прихожанам угрожали арестом. Авторитетная техническая комиссия, обследовавшая здания, пришла к выводу, что оно не годится для устройства кинотеатра.

Прихожане Покровской церкви, возглавляемые настоятелем протоиереем И. Трашиным, неоднократно обращались в прокуратуру, в крайисполком и ВЦИК с жалобами на нарушения при закрытии церкви. В результате на основании письма Секретариата Председателя ВЦИК СССР М. И. Калинина от 29 июня 1930 г., горсовет был вынужден принять решение об открытии церкви по настоянию верующих³⁴³. Церковь была открыта в начале августа 1930 г. и больше не закрывалась. Немалую роль в открытии храма сыграло то обстоятельство, что духовенство и прихожане Покровской церкви принадлежали к «обновленческому» расколу. Это обстоятельство всячески подчеркивалось ими в своих обращениях властям. Очевидно, что возобновления деятельности прихода, находившегося тогда в лоне канонической, так называемой «тихоновской» или «сергиевской» Церкви не могло произойти.

Другим примером приходской жизни является расположенный на периферии округа приход Пантелеимоновского храма хутора Летовского станицы Кременской. Как уже рассказывалось выше, приходская летопись была продолжена настоятелем храма священником А. К. Чечко в 1920–1929 гг. и стала уникальным дневниковым документом, отражающим приходскую жизнь далекого донского хутора в переломное послереволюционное время.

В отличие от своих предшественников, священник Адам Кириллович Чечко, был родом из Польши. Он родился в 1876 г. в пределах Царства Польского, учился в одной из духовных академий России, до войны служил в Варшавской епархии. В 1915 г. он стал беженцем – был эвакуирован с семьей из супруги и трех детей в далекий тыл – в Донскую область. Неизвестно, где он служил на протяжении пяти предшествовавших лет. 27 июля 1920 г. он был назначен

³⁴³ Синельников С. П. Указ соч. С. 109.

архиепископом Донским Митрофаном на должность настоятеля в Пантелеимоновскую церковь, но приехал в хутор Летовский только к началу октября.

Отец Адам делал в приходской летописи подробные записи о событиях на хуторе, отзывался и о внешних политических событиях, как он их понимал. Он не прерывал традиции, установленной предшественниками, описывать погоду, виды на урожай и ход сельских работ, он разделял тревоги и заботы прихожан. Он хорошо знал русский язык, его записи отличаются грамотностью и аккуратностью, ровным, красивым почерком со старомодными виньетками. Стиль изложения выдает в нем образованного и развитого человека, им заполнена почти половина – 26 из 58 листов летописи³⁴⁴.

Первую свою литургию в Пантелеимоновской церкви отец Адам совершил на праздник Покрова, 1 октября 1920 г. Он записал на страницах летописи, что священник Феоктист Маланьин покинул хутор еще в мае. По большим праздникам службы в храме совершались иеромонахом Пантелеимоном из Кременского Вознесенского монастыря. С самого начала у отца Адама сложилось впечатление о летовских прихожанах, как о людях, усердных к храму, так они прислали за ним подводы в станицу Новогригорьевскую. Священник отмечает, что председатель сельсовета хутора Головского часто посещал службы и принимал участие в церковной жизни³⁴⁵.

В первое время священник служил один, приходилось мириться с отсутствием причетников и певчих. Первой заботой и священника, и его паствы был продолжающийся недостаток всего необходимого для жизни, особенно, продовольствия, продолжалось голодное время. Урожай 1920 г. был очень плохим, вскоре после приезда отца Адама в хутор Летовский, в середине октября наступила ранняя суровая зима, нечем было кормить и скотину. За хлебом приходилось ездить в другие станицы, но и там его было трудно достать.

---

³⁴⁴ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви хут. Летовский // Архив УФСБ РФ по Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18632 пф. Л. 1–58.

³⁴⁵ Там же Л. 47.

Денежное обращение было нарушено, приходилось менять хлеб на одежду, соль, предметы первой необходимости, которых также не было. Власти не разрешали перевозить хлеб между станицами, для борьбы со спекуляцией, ставили кордоны на дорогах, обыскивали подводы, отнимали зерно. Зерно и сено реквизировалось продотрядами и в хуторах. В декабре до хутора дошли вести о том, что было восстание против бесчинств продотрядов в Михайловке, и оно было подавлено большевиками³⁴⁶.

Отец Адам пишет летом 1921 г.: «Дожди слишком запоздали, а потому надеяться на хороший урожай нечего. Повсюду стоит страшный голод; редко у кого из жителей есть хлеб, питаются большей частью различными кореньями, конским щавелем, корой от дуба и рябины. Старожилы не запомнят такого голода». Священник голодал вместе с прихожанами, даже иногда сильнее, так как у него не было своего хозяйства, а прихожанам нечем было с ним поделиться: «Несмотря на большой приход хлеба не вижу уже более месяца, голодаю еще больше чем прихожане; они имеют хотя молоко, а у меня и того нет. Чувствуется вследствие недоедания страшная тоска, упадок сил и нравственная неуравновешенность. Купить хотя можно было бы кое-что, но денег значительных сумм нет, денежных подаваний за требы на приходе вообще не отмечается, а тут все дорого»³⁴⁷.

Плохое питание вызывало повальные болезни, летом 1921 года в хуторе была эпидемия холеры. Урожай зерновых был очень плохой, с наступлением зимних холодов голод усилился. В декабре 1921 г. священник писал об открытии бесплатных столовых американской организации помощи «АРА», которая начала свою благотворительную деятельность в России с сентября 1921 г. В январе 1922 г. такая столовая на 107 человек открылась и в хуторе Летовский. Дети с радостью бежали в столовую со своей посудой и должны были там съесть свой

---

³⁴⁶ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 48.

³⁴⁷ Там же. Л. 49.

горячий обед из риса и какао³⁴⁸. Только хороший урожай 1922 г. ослабил народные бедствия.

Даже в самые голодные зимы казаки не забывали своей веры. Отец Адам Чечко с радостью отмечал повсеместные молебны на полях весной 1921 г., за которыми последовали обильные дожди, многолюдные престольные праздники в июле 1921 и 1922 г. После окончания голодных и смутных лет восстанавливалась церковная богослужebная жизнь, духовенство и прихожане ездили на праздники в соседние хутора. Так, уже в 1921 г. на престольный праздник великомученика Пантелеимона в хуторе Летовском собралось три священника с соседних приходов. В сентябре 1921 г. сами летовцы ездили на престольный праздник во Фролово, где служил собор из семи священников и пел великолепный хор³⁴⁹.

В сентябре отец Адам отметил важную негативную перемену в приходской жизни – дом священника был отобран под сельсовет. Возможно, это было сделано по решению самих хуторян, так выражавших недовольство переменами в церкви. На Пасху 1925 г. служба была малолюдной – все ушли в монастырь и в станицу Кременскую, очевидно, недовольство прихожан новыми порядками продолжалось. Тем не менее, в мае священник снова совершил много молебнов по хуторам своего прихода³⁵⁰. Отец Адам писал о многолюдных престольных праздниках в Летовском и во Фролово, но не упоминал, по какому стилю они совершались. К концу 1925 г. прихожане, вероятно, смирились с новым стилем, и Рождественские праздничные службы были особенно торжественными и многолюдными³⁵¹.

Весной 1926 г. священник впервые написал в летописи об антирелигиозной пропаганде и так рассуждал об этом новом для него явлении: «Народ начал понемногу посещать церковь и говеть, хотя, по правде сказать, далеко не столько народу бывает, как в прежние годы. Причина охлаждения народа к религиозным

---

³⁴⁸ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 51.

³⁴⁹ Там же. Л. 48, 50.

³⁵⁰ Там же. Л. 57.

³⁵¹ Там же. Л. 58.

потребностям – революция наложила свой отпечаток на все – антирелигиозные выступления настраивают многих несознательных элементов против духовенства, церкви, религии, неблагоприятно отзываюся на религиозном сознании людей, особенно неустойчивых в вере. Да откуда почерпнуть ему и силы, если он так стеснен, в области верования. Никаких ни собеседований, ни вечерних занятий в смысле религиозно-нравственного просвещения народа без разрешения власти устраивать не допускается. Преподавание религиозных предметов не допускается ни под каким видом в школах, а дома сами родители мало заботятся о том, чтобы научить их истинам веры, да кроме того они малограмотны и по той причине вместо правильных молитв преподают какую-то отсебятину. Во многих соседних приходах недовольство прихожан и охлаждение их к храму Божию объясняется неблагоприятным поведением пастырей (здесь несколько строк жирно зачеркнуто, – *прим. автора*), что конечно влияет на народ деморализующим образом, и в корень подтачивает их религиозные устои. Между тем на стороне антирелигиозной имеется все: типографии, кинематографы, армия самых отчаянных неверов, которым ничто не значит потушить в сердцах верующих искру Божию. С этой целью устраиваются коммунистические Пасхи, праздники рождественские, выпускается масса брошюр, направленных против религии, издают специальные журналы вроде «Безбожник», «Крокодил», в которых отрицается все святое, ставятся разные пьесы отрицательного характера, где главную роль играет духовенство, представленное в самом неблагоприятном свете; высылаются разные газеты, вроде «Красное слово», «Крестьянская правда» – где нет почти ни одного номера, где бы не было нападений и высмеиваний духовенства и представление их в неприглядном виде. Умный человек посмотрит и отойдет с сожалением, а глупому только того и надо, чтобы посмеяться вволю и таким-то образом шаг за шагом подтачивается религиозность народа»³⁵². Впрочем, Пасха и престольный праздник в 1926 г. по-прежнему собрали множество молящихся.

---

³⁵² Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 60.

На праздник Троицы 1928 г. состоялось приходское собрание, на котором впервые за многие годы принято решение о ремонте храма, договорились о внутренних работах за 1 000 рублей, вскоре начали и сам ремонт. Множество прихожан собралось на престольный праздник, как пишет священник: «всякий пришел поинтересоваться поновленным храмом»³⁵³.

В октябре 1928 г. священник написал о новых налогах, которые были распространены и на сельское духовенство. Отец Адам должен был уплатить 20 руб. подоходного и 170 руб. сельскохозяйственного налога. У священника не нашлось всей суммы, поэтому в счет уплаты у него забрали стол, зеркало, корову и гусей, после чего он остался должен еще 70 руб. В ноябре председатель сельсовета Виктор Елатонцев потребовал от священника освободить квартиру, так как он продолжал жить в приходском доме. Отец Адам пробовал протестовать, сослался на закон, запрещающий выселение в осенне-зимний период, но ему ответили, что существующие в советском государстве законы не защищают духовенство, которое лишено основных гражданских прав. Еще в 1925 и 1926 гг. на долю священника перестали выделять сенокосные наделы в донской пойме³⁵⁴.

Рождественские службы в декабре 1928 г. были многолюдны, но праздники были омрачены известиями об арестах, в том числе священника Иоанна Ястребинского из Ильинской церкви хутора Амелина. В тревоге начался 1929 г. Суровые февральские морозы пришли вместе с новыми налогами: священник был вынужден снова уплатить 170 руб. – все, что он получил от прихожан за праздники. На первой неделе Великого поста в церкви было 150 исповедников: «Слава Богу, не весь народ забыл Бога», – пишет отец Адам. К празднику Пасхи на хуторе Летовском решили устроить антирелигиозную пропаганду – привезли радиоточку и повесили напротив церкви, в Пасхальную ночь на улице должен был проводиться антирелигиозный спектакль. Он не состоялся, так как

³⁵³ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 69.

³⁵⁴ Там же. Л. 70.

радиоточка оказалась неисправной, была сделана попытка организовать лотерею, но по звону колоколов к Пасхальной службе, вся молодежь пошла в храм³⁵⁵. В мае началась засуха, и 20 мая отец Адам поехал в хутор Шляховский по просьбе прихожан, и в тот же день был вызван в отдел ГПУ во Фролово. Он был обвинен в антисоветской агитации и просидел в камере весь день, хотя вечером был отпущен домой³⁵⁶.

Летописец следил за политическими событиями, ибо они, как никогда раньше, влияли на жизнь хуторян, принося им новые беды и тревоги. Год от года политика большевиков в деревне все ужесточалась. Уже в январе 1923 г. священник пишет о том, что «народ приходит в отчаяние» от новых налогов – хлебозаготовок, гужевого (обязанности перевозить отбираемый хлеб на своих подводах)³⁵⁷. На протяжении 1924–1926 гг. о налогах он не упоминает, только в январе 1927 г. пишет о тихом недовольстве среди хуторян новой властью, большом бремени налогов и надеждах на скорую войну и избавление от большевиков³⁵⁸. Такие жалобы стали появляться все чаще, так в апреле 1927 г. мы читаем: «все ждут какой-нибудь перемены с напряжением и силой, так дальше никак нельзя»³⁵⁹. В декабре 1927 г. священник пишет об острой нехватке хлеба в городах³⁶⁰. В январе 1928 г. пришло известие об установлении фиксированных цен на продовольствие, что было сделано в условиях его недостатка для прекращения спекуляции. Отныне излишки продуктов было запрещено продавать на рынке и перекупщикам, они должны были в обязательном порядке сдаваться в кооперативы в обмен на промышленные товары. Цены на сельскохозяйственную продукцию оказались сильно занижены, а на промышленную – завышены и священник делает вывод: «Таким образом, положение бедняков не улучшилось, а

---

³⁵⁵ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 72.

³⁵⁶ Там же. Л. 72.

³⁵⁷ Там же. Л. 52.

³⁵⁸ Там же. Л. 63.

³⁵⁹ Там же. Л. 64.

³⁶⁰ Там же. Л. 67.

ухудшилось»³⁶¹. В марте священник жаловался на высокие налоги и жестокие санкции за их неуплату³⁶². В феврале 1929 г. он снова писал о народных бедах: высоких налогах, отсутствии товаров первой необходимости, несправности: «Особенно в загнанном положении находятся те, которые имеют кое-какой достаток, – две или три пары быков, или же духовенство и бывшие купцы, офицеры – всех их лишают права голоса и берут непосильные налоги. Хлеб требуют вывозить, а товара дают очень мало»³⁶³. В марте 1929 г. для обеспечения уплаты сельскохозяйственного налога был ограничен помол зерна на мельницах для собственных нужд двумя пудами на члена семьи в месяц. В апреле священник приводит опасения хуторян, о том, что власти «забирают последний хлеб и есть слухи, что станут брать и скотину. Чем все то кончится? И скоро ли станут крепостными или военными поселениями?»³⁶⁴ Слухи оправдались, продолжался сбор налогов и в июне: «Хлебозаготовки идут своим чередом и народ от них стонет всюю. У многих, в соседних хуторах продают буквально всю скотину, лишь бы довести народ до нищеты»³⁶⁵. Началась конфискация имущества за невыполнение плана хлебозаготовок и на хуторе Летовском. Так, например, согласно летописи, у самого зажиточного хозяина П. И. Денисова, задолжавшему государству 100 пудов зерна, было конфисковано скотины стоимостью в пятикратном размере долга на 500 руб., ему оставили шубу, пару быков и корову, у М. И. Илясова отобрали скота на 1 300 руб., у Е. Седова из хутора Паника – на 600 руб.³⁶⁶

Летом 1929 г. в летописи появляется упоминание о событиях на Дальнем Востоке. Конфликт на КВЖД, захват железной дороги, стычки на границе побудили в казачьих хуторах напрасные слухи о ненадежности советской власти. О недовольстве советской властью говорит и последняя запись в летописи: «На

³⁶¹ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 67.

³⁶² Там же. Л. 68.

³⁶³ Там же. Л. 71.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Там же. Л. 72.

³⁶⁶ Там же. Л. 73.

счастью ближних и лишении ближнего счастья и благополучия хотим устроить свою жизнь. Правительство во что бы то ни стало хочет провести свою программу – осуществить задуманное Лениным, привести всех к социализму. Но при таких условиях, какие оно применяет в данное время, едва ли много найдется желающих последовать этому учению. Идет усиленная хлебозаготовка и для этой цели применяются самые репрессивные меры, разумеется, относительно так называемых "кулаков". Назначают вывезти столько пудов хлеба, сколько у него имеется всего и все это в 24 часа. Благо тому, кто еще имеет хлеб с прошлого года и может набрать для уплаты, т.к. урожай этого года неважный и положенного количества набрать нельзя. Если же нет, то берут в пятикратном размере и продают все до основания... В иных местах еще выгоняют хозяев и приказывают никому не принимать их на квартиру и не кормить. К чему это клонится? Кто бы разумный объяснил?»³⁶⁷

На этом заметки о церковной жизни в летописи закончились, но мы знаем о бурных событиях октября 1929 г. в хуторе Летовский из следственного дела³⁶⁸.

Осенью 1929 г. отец Адам Чечко получил распоряжение от архиерея – сталинградского обновленческого епископа (неясно от кого именно – Алексея Покровского или Арсения Покровского, которые занимали кафедру в 1929 г.), о снятии с церкви колоколов. Снятие колоколов проходило по всей Сталинградской области, большевики объявили, что колокольная бронза необходима стране для индустриализации. Основной причиной было желание лишить Церковь мощного традиционного средства воздействия на души людей – колокольный звон веками побуждал к молитве, к памяти о Боге, взывал к совести человека. Безбожникам было ненавистно столь громогласное напоминание, которое соперничало с антирелигиозной агитацией. Прихожане возмущались снятием колоколов – привычных атрибутов народной жизни, которые приобретались на пожертвования их отцов и дедов. Но по советским законам все имущество Русской Православной

³⁶⁷ Приходская летопись Пантелеимоновской церкви... Л. 74.

³⁶⁸ Следственное дело на Чечко А.К. и др. Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18632 пф. Л. 94–99.

Церкви, созданное трудом православных людей и пожертвованное ими Богу и Церкви за многие века, было объявлено реквизируемым, принадлежащим советской власти и выдававшимся общинам верующих в пользование. Руководство «обновленцев» поддерживало кампании советской власти в обмен на поддержку самого «обновленческого» раскола.

Священнику предлагалось довести распоряжение до сведения церковного совета и не препятствовать снятию и вывозу колоколов. Отец Адам объявил об этом прихожанам на праздничных богослужениях: 20 октября была Димитриевская поминная суббота, 21 октября – воскресный день, а 22 октября – осенний праздник Казанской иконы Богородицы. Все три дня праздников в храме был большой приток молящихся, необычным было большое число желающих исповедоваться и причаститься. Сам священник говорит на допросе, что раньше в это время никто не говел. До прихожан Пантелеимоновской церкви дошли слухи о закрытии Богоявленского храма в станице Перекопской и Александро-Невского храма в слободе Арчедино-Чернушенской, связанных с организацией там колхозов. Коллективизация шла полным ходом, и верующие четко связали организацию колхозов с закрытием приходских храмов. Прошло собрание и в хуторе Летовском, на нем председатель сельсовета Елантонцев объявил о предстоящем закрытии церкви: в советских колхозах не должно быть места религии. Объявление отца Адама о предстоящем снятии колоколов только укрепило дурные вести и побудило прихожан к скорейшим исповеди и причастию – как перед смертью. В числе причастников был даже председатель Шляховского крестьянского комитета Попов. Неизвестно, что было в следующее воскресенье, но через две недели, 3 ноября на богослужении вновь было множество желающих причаститься и исповедоваться. Несмотря на отступление от народных традиций, отец Адам никому не отказывал в исповеди и причастии, за что и был вскоре арестован. В стечении верующих в храм власти увидели угрозу, первым из обвинений, предъявленных арестованному священнику, было нарушение церковных канонов – служба и причастие в неположенное время. Отец Адам

терпеливо объяснял следователю, по каким поводам совершались богослужения, говорил, что причастие не запрещено в это время года, а не совершается только из-за нежелания прихожан³⁶⁹.

Следствию было мало таких обвинений, готовилось большое дело, и священнику, заброшенному войной на чужбину, предстояло поневоле стать жертвой политической интриги. Коллективизация в донских хуторах и станицах имела мало успеха и органами ГПУ была подготовлена операция, ставившая две цели: устранить главных противников колхозного движения и запугать всех остальных, принудив их под страхом репрессий вступать в колхозы. Операция готовилась с начала года, велся сбор информации, составлялись списки, придумывалась легенда. В ноябре 1929 г. во Фролово и по многим хуторам Фроловского района прошли аресты. Было арестовано 42 человека – священники, церковные старосты, зажиточные казаки, те, кто воевал в гражданскую войну на стороне Белой армии. Во Фролово был арестован почти весь клир Рождество-Богородицкой церкви: благочинный протоиерей Николай Сахаров, протоиерей Михаил Сперанский, диакон–псаломщик Петр Дмитриев. В хуторе Летовском кроме священника и церковного старосты Михаила Ивановича Илясова было арестовано 8 человек. Прошли аресты в хуторах Шляховском, Выездинском, Любимовском, Панике³⁷⁰. Арестованные были собраны в Сталинградском исправительно-трудовом доме. Изначально была намечена только общая канва следствия, а подробности предстояло собрать от подследственных. Они не знали, в чем их обвиняют, путались в показаниях, рассказывали о различных событиях, разговорах, в том числе в камерах, они были движимы стремлением вырваться на свободу, кто-то сводил старые счеты, кто-то надеялся переложить неясную вину на других. Единственным вещественным доказательством в деле стала приходская летопись, где за последние три года многие строки были густо подчеркнуты синим и красным карандашом следователей, а затем перепечатаны в

---

³⁶⁹ Следственное дело на Чечко А.К. и др. Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 18632 пф. Л. 94–99.

³⁷⁰ Обвинительное заключение // Там же. Л. 220–228.

выписки. Это те места, где отец Адам говорил о недовольстве подразверсткой, страданиях земледельцев от налогов и вопрошал себя о долготерпении Божиим. Из всего этого материала, занимающего более 400 страниц уголовного дела, следователи выбирали нужные себе слова и факты и вплетали их в заготовленное обвинение, которое явилось неожиданным и для самих обвиняемых.

В обвинительном заключении в апреле 1930 года был подведен итог пятимесячному следствию³⁷¹. Утверждалось, что на территории района действовала повстанческая организация из бывших белогвардейцев, возглавлявшаяся местным духовенством. Эта организация якобы планировала вооруженное восстание на январь-февраль 1930 года, но своевременные аресты предотвратили его. Главой организации был объявлен священник Адам Чечко.

В этом тексте, как и следует в ложных обвинениях, коварно перемешаны истина и ложь. С более чем восьмидесятилетнего расстояния, читая страницы приходской летописи и следственного дела, приходится отделять правду от кривды. Правда состоит в том, что священники, прекрасно видя все тяготы жизни своих прихожан, разделяя с ними поборы и бесправность, просто не могли сочувствовать советской власти и поддерживать ее директивы. Они действительно имели все возможности для влияния на простой народ, вздыхали и сетовали вместе с земледельцами над отбираемым хлебом и погибающим урожаем, их жизнь напрямую зависела от благосостояния казаков, которое в последние годы неуклонно ухудшалось. Они видели, что большевики ведут дело к уничтожению в народе веры, к закрытию храмов, к искоренению религиозной основы жизни русского крестьянства. Возможно, многих из них не удовлетворяла соглашательская политика главарей обновленчества, руководившихся своекорыстными интересами, не знавшими и не разделявшими страданий народа.

Вымыслом явилось само вооруженное восстание. Может быть, мысли о сопротивлении произволу, разорению земледельцев, ущемлению их прав и высказывались среди казаков. Они были привычны к боевым действиям, к

---

³⁷¹ Обвинительное заключение // Там же. Л. 220–228.

ношению оружию, к традиционной демократии казачьих кругов, многие воевали против Красной армии в войсках Каледина, Краснова и Деникина. Но мысль о подготовке восстания в 1929 г. выглядит нелепо, тем более, что не было обнаружено никаких вещественных доказательств этого. В следственном деле отсутствуют сведения о найденных тайниках с оружием, запасах продовольствия, наличии у повстанцев крупных денежных средств, без которых, как известно с древности, невозможен никакой заговор. Не вскрыто агентурной сети, не выявлено явок и паролей, не обнаружены документы заговорщиков с их планами и списками участников. Упомянутые в показаниях заключенных и свидетелей обвинения слухи о некоем белогвардейском офицере из Терновки по прозвищу «Скобель», который якобы был военным руководителем восстания и скрывался по хуторам, поддерживая связь между различными группировками повстанцев, ничем не подтверждаются, не называется его настоящее имя и фамилия, и даже отсутствуют в обвинительном заключении. В приведенном тексте из него есть явные противоречия с материалами следствия. Все 42 обвиняемых были арестованы в разных хуторах в одно время, в ноябре 1929 г., последующих арестов не производилось, поэтому слова о переносе сроков восстания и пресечении его следственными действиями являются прямой ложью. В первых допросах, в ноябре – декабре 1929 г. вообще не шло речи ни о каком восстании и организации, обвиняемых явно старались дезориентировать, расспрашивая о разговорах на церковных и хуторских праздниках, пересудах на базаре, пьяных ночных беседах. Нет оснований полагать, что к заключенным применяли пытки, но само пребывание в тюремных камерах, вдали от родных хат, скудное питание и скученность, неясность своего нынешнего положения и неизвестность грядущей судьбы были достаточными мерами воздействия на обвиняемых. На первый взгляд странным выглядит выясняющийся из протоколов допросов факт, что подследственные не были изолированы друг от друга, содержались вместе в общей камере, особенно если учитывать предъявленное им обвинение в антисоветском заговоре. Но при внимательном чтении протоколов, а также

собственноручных дополнительных показаний, становится ясно, что это явилось средством вызвать раздоры среди арестованных, наговоры друг на друга, пересказы сплетен и слухов, и, возможно, доносительство стимулировалось следователями с помощью обещаний смягчения участи³⁷².

Поведение отца Адама Чечко на следствии нельзя назвать идеальным, он оправдывался, называл имена прихожан, с которыми вел разговоры о тяжелых временах, стараясь, впрочем, оправдать и их. Он не отрицал своих мыслей, записанных в летописи, изъятой при обыске в январе 1930 г., утверждал, что они правильны и обоснованы, вызваны действительным тяжелым положением земледельцев и духовенства. Именно потому его и объявили руководителем восстания, хотя у фроловских священников для этого было гораздо более выгодное положение. Практически все они в испуге путано рассказывали друг о друге достаточно, стремясь оправдать самих себя и очернить соседей, даже если высказывали одни и те же слова недовольства властями и налогами. Так его фроловский собрат и благочинный, протоиерей Николай Сахаров, обвинял всех своих сослужителей и многих прихожан в недовольстве советской властью и ее мероприятиями. Не совсем уместными по сути выглядят его показания против отца Адама, в неискренности обращения в обновленчество. Однако становится ясна суть обновленческого раскола для использования духовенства в своих целях. Благочинный передает свои разговоры с отцом Адамом и заключает, что тот пребывал в рядах обновленцев с корыстной целью, движимый стремлением «устроить своих детей»³⁷³. По злой, поистине бесовской, иронии, эти обвинения не фигурируют в заключении в отношении отца Адама Чечко, но предъявляются следователями ГПУ самому отцу Николаю Сахарову, скорее всего являясь здесь единственной правдой.

Казалось бы, руководящая роль в мифическом заговоре должна была принадлежать фроловскому благочинному, но простодушный отец Николай не

---

³⁷² Обвинительное заключение // Там же. Л. 220–228.

³⁷³ Протокол допроса Н. Сахарова // Там же. Л. 154.

выглядел в глазах следователей вождем повстанцев. Священник Адам Чечко, гораздо больше подходил на роль главаря заговора как поляк, остававшийся чужаком для казаков в большей мере, чем туляк Сахаров или, недавно приехавший в райцентр, а потому лично никому незнакомый отец Михаил Сперанский. Из записей, сделанных отцом Адамом в приходской летописи, можно предположить, что он мог связывать различные факты, прочитанные в газетах с наблюдениями над окружающей жизнью. Он отмечает с годами усиливающееся стремление к насильственному изъятию продовольствия у земледельцев, ставшее особенно явным после неурожая 1924 г. Священник замечает, что горожане голодают из-за невозможности купить хлеб. В селах хлеб был, после четырех голодных двух урожайных лет, селяне научились делать запасы и скрывать зерно от продотрядов. С 1921 года продразверстка, когда отбиралось формально 70% скудного урожая, а деле все что находили, сменилась продовольственным налогом в размере 30% от сбора зерна. Это было частью «новой экономической политики», пришедшей на смену политике «военного коммунизма», отмеченной ослаблением репрессий. Но экономическое давление нарастало, крестьяне распределялись по зажиточности, и более состоятельные должны были платить повышенные налоги. Крестьяне не были заинтересованы продавать излишки своего хлеба, разрушенная промышленность России практически ничего не могла предложить им в обмен. Ожидаемый продналог, необходимый для пропитания возрастающего пролетариата в городах, оказалось невозможно собрать без репрессивных мер. Они хорошо описаны в летописи, как отмечены и разногласия в руководстве коммунистической партии, и некоторые внешнеполитические конфликты советского государства. Вряд ли следователи сами могли объяснить, почему понимающий такие взаимосвязи человек опасен для нового строя, но выбор главы сфабрикованного заговора из имевшегося состава мнимых заговорщиков выглядит так, как будто негласно обоснован именно такими соображениями.

В документах следственного дела главным аргументом в пользу ведущей

роли протоиерея Адама Чечко стало его польское происхождение. Один из подследственных сообщил о том, что отец Адам называл себя польским гражданином. До революции он был российским подданным, ибо Царство Польское входило в состав Российской Империи, после окончания Первой мировой войны Польша стала независимой. По итогам советско-польской войны 1919–1921 гг. советское правительство было вынуждено признать независимую Польшу, но отношения между странами оставались напряженными вплоть до начала Второй мировой войны. Дипломатические отношения существовали с 1922 г. на уровне консульств. Отцу Адаму поставили в вину факт его обращения в польское консульство с письмом, в котором он просил о возвращении на Родину. Не доверяя почте, письмо отвозила в Москву супруга священника, Мария Амвросиевна. В Москве ей помогал известный в прошлом на Дону и знакомый отцу Адаму земский деятель П. М. Агеев³⁷⁴. Учитель из станицы Клетской, в 1918–1920 гг. он активно участвовал в работе донского парламента – Войскового круга, после поражения казаков уехал в Москву, где устроился на службу в Центросоюзе – руководстве кооперативов. Очевидно, сотрудники ОГПУ следили и за бывшим белогвардейцем Агеевым, и за польским консульством. Кроме этого, в вину отцу Адаму была поставлена переписка с польскими родственниками, но ни одного письма в следственном деле нет. Как сообщили автору из МИДа Польской Республики, от архива генерального консульства в Москве за 1920–1930-е гг. практически не сохранилось документов³⁷⁵. Нужно вспомнить о том, что в сентябре 1939 г. Советский Союз разделил территорию Польши с гитлеровской Германией, признав фактическое уничтожение польской государственности.

Отец Адам был обвинен в руководстве вооруженным восстанием, которое якобы планировалось белогвардейской организацией во Фроловском районе. Из фактов приводятся только проповеди отца Адама, его записи в приходской книге

---

³⁷⁴ Протокол допроса А. К. Чечко // Там же. Л. 94-99.

³⁷⁵ Письмо Архива новых документов Министерства иностранных дел Польской республики от 08.12.2011 г.

и разговоры с прихожанами. В обвинительном заключении пересказываются слова различных свидетелей о разговорах, которые они в разное время вели со священником и в которых жаловались друг другу на тяжелое положение земледельцев. Следователями сделаны многочисленные выписки из церковной летописи, это те места, в которых отец Адам сетует на угнетение веры и притеснения крестьян. Наконец, поездка жены священника М. А. Чечко в Москву с прошением о репатриации в Польшу, стала последним пунктом обвинения. Из него был сделан дополнительный вывод о связи священника с белогвардейским подпольем в Москве. Пять пунктов обвинения, сплетенные следователями из различных разговоров, слухов и лжи, предлагалось квалифицировать по статье 58 части 11 Уголовного кодекса РСФСР, которая устанавливала наказание не просто за участие в контрреволюционной деятельности, а за организационную деятельность³⁷⁶.

Кроме отца Адама Чечко и отца Николая Сахарова, было арестовано еще два священнослужителя. Второй священник фроловской Рождество-Богородицкой церкви протоиерей Михаил Сперанский приехал во Фролово весной 1929 г. из станицы Филоновской. Он родился в 1888 г. и в свое время закончил духовную академию, известно, что до этого он жил в Костроме и был учителем в костромских школах до 1919 г. В 1928 г., в станице Филоновской он уже был под следствием ГПУ, вероятно именно из-за этого и покинул станицу. Его семья состояла из супруги Надежды, 1897 г. р., трех дочерей – семилетней Вероники, четырехлетней Надежды, годовалой Натальи и воспитанницы – двадцатилетней девушки Александры Демьяновой. Отца Михаила обвинили в постоянном участии в совещаниях заговорщиков, он ни в чем не признался и ни на кого не наговорил.

Во фроловской церкви в то время служили два диакона. Одним из них был протодиакон Михаил Еругин, о котором в этом деле ничего не говорится. Вторым был дьякон–псаломщик Петр Матвеевич Дмитриев. Он родился в 1896 г. в хуторе

---

³⁷⁶ Обвинительное заключение // Там же. Л. 220–228.

Фролове, служил в казачьих войсках, в Первую мировую войну дослужился до звания подпоручика. С 1920 г. он перешел на сторону красных, был командиром взвода, а после ранения – канцеляристом. У него была большая семья – супруга Евдокия Георгиевна и четверо детей: Аркадий 1922 г. р., Клавдия 1924 г. р., Тамара 1926 г. р. и младенец Ростислав 1929 г. р. В справке фроловского сельсовета говорится, что он не выполнил план заготовок, но осудить его за это не успели. Одна из дочерей Клавдия Петровна Кондрашова до недавнего времени жила в Волгограде. Именно через нее удалось найти описываемое дело о фроловском «заговоре». Она не помнит своего отца, но хранит в сердце его светлый образ казака, офицера и священнослужителя по рассказам матери. Неизвестно, когда и кем он был рукоположен в священный сан, во время ареста ему было 33 года. Протокол его допроса очень короток и содержит кроме анкетных данных только одну запись: «Виновным себя ни в чем не признаю»³⁷⁷.

Приговор по делу был вынесен тройкой ОГПУ 9 июня 1930 г. Священника Адама Чечко, диакона Петра Дмитриева и трех фроловчан – Петра Антоновича Гребнева, Ивана Матвеевича Ханова и Ивана Яковлевича Паршикова по части 11 статьи 58 УК РСФСР (организационная деятельность) приговорили к расстрелу и конфискации имущества³⁷⁸. Приговор был исполнен в Сталинграде 18 июня 1930 г.³⁷⁹

По той же статье было осуждено 16 человек из числа арестованных. Протоиерей Николая Сахарова был также приговорен к расстрелу, но приговор был заменен заключением в концлагерь на десять лет³⁸⁰.

По приговору тройки ОГПУ, еще 15 человек были приговорены к разным срокам лагерей: протоиерей Михаил Сперанский – к десяти годам, Григорий Матвеевич Исаев и Василий Иванович Гребнев – к восьми годам, Михаил Ильич Илясов, Михаил Иванович Илясов, Федор Михайлович Илясов, Иван Максимович

³⁷⁷ Протокол допроса Дмитриева П. М. // Там же. Л. 194.

³⁷⁸ Приговор тройки ОГПУ от 9 июня 1930 года // Там же. Л. 249.

³⁷⁹ Акт исполнения приговора от 18 июня 1930 г. // Там же. Л. 260.

³⁸⁰ Приговор тройки ОГПУ от 9 июня 1930 года // Там же. Л. 252.

Шевяков, Василий Михайлович Коньков и другие – к пяти годам и конфискации имущества. Семьи осужденных по приговору тройки подлежали высылке из пределов Нижне-Волжского края³⁸¹.

Второй священник – отец Михаил Сперанский не пробыл в лагерях и года – он скончался, как следует из документов о пересмотре дела. Его семья, как и семьи отца Николая Сахарова и диакона Петра Дмитриева, внесена в список лишенцев за 1933 г. По рассказам дочери диакона Петра Дмитриева, их семья с несколькими маленькими детьми страшно бедствовала после казни отца, они выжили только за счет помощи священнослужителей фроловского храма, один из которых – протодиакон Михаил Еругин – приходился ей крестным. Их семья была включена в список лишенцев, не получала продовольственных карточек, не могла покинуть района. Только в 1959 г. было получено решение о реабилитации отца и дочери сразу уехали из Фролово работать на сталинградские заводы³⁸².

Анализ немногих сохранившихся документов позволяет описать приходскую жизнь в условиях начинающихся массовых репрессий, которые были организованы в районах бывшей Донской области раньше, чем в остальной стране. Представляет интерес сравнение описания хуторской жизни в летописи, создававшейся не для глаз следователя, и в документах следственного дела. Картина серьезного недовольства населения политикой советской власти очевидна. Однако следует признать, что все обвинения в подготовке «вооруженного восстания» вымышлены и не имеют под собой никакой доказательной базы. Очевидно, что документам следственного дела можно доверять только в первом вопросе, полностью отвергая все инсинуации, относящиеся к главному объекту обвинений. Жестокий приговор, вынесенный группе священников и прихожан во Фроловском районе, преследовал две цели: устрашение казаков, в те годы – серьезной силы, еще способной на борьбу с властью, и разрушение приходской общины – одной из основ традиционного

³⁸¹ Приговор тройки ОГПУ от 9 июня 1930 года // Там же. Л. 254–256.

³⁸² Агеев Е., свящ., Андрощук Ф., прот. История православного прихода храма Рождества Богородицы города Фролово. 1886-2013. Волгоград, 2013. С. 29.

уклада жизни. Гонения на Церковь включали в себя, как свидетельствуют документы, как карательные меры, реализуемые органами ОГПУ, так и административно-финансовые, запретительно-ограничительные, применяемые местными органами советской власти. Ослабленные приходские общины не справились с этим двойным напором, тем не менее, на начальном этапе оказали сопротивление попыткам советской власти закрыть приходские храмы.

2.4. Последние годы существования и закрытие Усть-Медведицкого Преображенского монастыря³⁸³

История жизни Усть-Медведицкого Преображенского монастыря в 1920-е гг. также не может опираться на церковные документы. Ее источниками становятся как материалы следственного дела на сестер монастыря во главе с игуменьей Святославой³⁸⁴, так и документы из фондов Нижневолжского краевого отдела образования, относящиеся к деятельности детской колонии, размещавшейся в те годы в монастырских зданиях³⁸⁵. Немаловажным подспорьем является архивное «Дело о закрытии двух церквей хут. Затонского Усть-Медведицкого района»³⁸⁶ 1929 г., обнаруженное в фонде Постоянной комиссии при Нижневолжском крайисполкоме по вопросам религиозных культов. Многочисленные подтверждения фактам, излагаемым в вышеуказанных источниках, находятся в фондах документов Усть-Медведицкого райисполкома³⁸⁷ и Хоперского окрисполкома за 1928–1929 гг.

При недостатке документальных свидетельств о жизни приходских и монастырских общин в 1920-х годах, появляются легенды, в которых смешиваются реалии, относящиеся к различным годам и местам. Проблема исследования жизни общины Усть-Медведицкого монастыря в условиях гонений на Церковь заключается в том, чтобы установить подлинные обстоятельства закрытия обители. Долгое время, включившее и время активного восстановления монастыря, в публикациях в местной прессе и отдельных церковных изданиях (в частности, книга игумена Никона (Смирнова) о монахине Раисе

³⁸³ Значительная часть текста главы была опубликована автором в следующих работах:

³⁸⁴ Архив УФСБ по Волгоградской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14310 пф.

³⁸⁵ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 144. Л. 34–49.

³⁸⁶ Там же. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1881. Л. 11 а–22.

³⁸⁷ Там же. Ф. 443. Оп. 1. Д. 376.

Кривошлыковой³⁸⁸), передавалась версия о насильственном изгнании монахинь из стен обители, сопровождавшемся массовой расправой над насельницами. Однако, такая картина характерна не для конца 1920-х годов, а для обстановки Гражданской войны. В то же время известно, что Усть-Медведицкий монастырь сохранился в годы Гражданской войны и существовал какое-то время после. Характерное для устного творчества смешений реалий разных лет и неопределенность в датировке требовало выяснения фактов на основе достоверных источников. Труд игумена Елисея (Фомкина) «Святые обители. Монастыри Волгоградской епархии», изданный в 2007 г.³⁸⁹, также не прояснил ситуацию, поскольку автор не ставил перед собой задачи нового исследования истории данного монастыря, считая ее достаточно изученной.

В ходе исследования истории закрытия Усть-Медведицкого Преображенского монастыря рассмотрен широкий круг документов местных, окружных и краевых органов советской власти, следственных материалов органов ОГПУ. При всей тенденциозности их авторов, большинство документальных свидетельств непротиворечиво согласуется между собой. Особо значимое место в документах следственного дела занимают показания настоятельницы, монахинь и послушниц монастыря, проходивших по делу в качестве как обвиняемых, так и свидетельниц. Их дополняют рассказы урюпинских священников П. Протопопова и М. Зачиняева, а также члена церковного совета Пустовалова из станицы Усть-Медведицкой. В своей фактической основе показания не противоречат друг другу, а, следовательно, нет оснований сомневаться в их достоверности. Использование этих показаний для обвинения монахинь в «контрреволюционной деятельности» само по себе не ставит под сомнение их фактическую основу. Окраску, которую они приобретают в тексте, написанном следователем ОГПУ, ставившим перед собой вполне конкретную цель осуждения арестованных, как правило, всегда можно отделить от самих событий. Исходя из вышеизложенного,

³⁸⁸ *Никон, иг.* Монахиня Раиса (Е. В. Кривошлыкова). 2-е изд. Владимир, 2008.

³⁸⁹ *Елисей (Фомкин), иг. и др.* Святые обители: монастыри Волгоградской епархии. Набережные Челны, 2007.

можно попытаться восстановить заключительный период истории Усть-Медведицкого монастыря в 1920-х годах.

Самым ранним по времени фактом, о котором содержится свидетельство в показаниях сестер, является осуждение декретов советской власти³⁹⁰. В конце гражданской войны, в 1919 г., когда стало очевидным скорое отступление Белой армии и установление советской власти, а сама станица переходила из рук в руки, монахини могли обсуждать «ленинский» Декрет об отделении Церкви от государства и, более того, выражать явное неприятие его положений. Советское законодательство о религии, принятое в 1918 г., действительно ставило Церковь, приходы и монастыри в бесправное положение, жестко регламентируемое со стороны советской власти во всех видах деятельности. А на практике это, как было показано многочисленными исследованиями, особенно в обстановке Гражданской войны, вело к репрессиям против духовенства и верующих, разграблению и закрытию храмов и монашеских обителей, прекращению нормального течения церковной жизни. Против советских декретов открыто протестовали Святейший Патриарх Тихон и члены Поместного собора 1917–1918 г. Существуют многочисленные свидетельства о протестах на местах, даже не охваченных Гражданской войной, например, в Смоленской губернии приходские собрания, выражавшие протест, проводились по поручению епархиального совета³⁹¹. Боевые действия Гражданской войны задержали проведение в жизнь декретов в пределах Донской области, но уже в 1920–1921 г. духовенство, монашество и прихожане в полной мере ощутили его на себе.

Следующим фактом, на который указывают свидетельницы обвинения, становится рассказ об укрытии в обители раненых белогвардейских офицеров³⁹². В январе 1920 г. при отступлении Белой армии, сестры действительно могли

³⁹⁰ Протокол допроса свидетельницы Жуковой от 24.09.1928 г. // Следственное дело на Виденину Е. М. и монахинь Усть-Медведицкого монастыря. Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 1 об.

³⁹¹ *Ианнуарий (Недачин, архим.)*. Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917–начала 1919 г. Архангельск, 2013. С. 215.

³⁹² Протокол допроса свидетельницы Жуковой от 24.09.1928 г. // Следственное дело на Виденину Е. М. и монахинь Усть-Медведицкого монастыря. Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 2.

укрыть нескольких офицеров в монастырском храме. Игуменья Святослава могла отдать распоряжение сестрам о встрече красноармейцев «хлебом–солью», для того чтобы не вызвать подозрений в антисоветском настрое общины и не допустить разорения монастыря. Сведения о значительных боях в станице Усть-Медведицкой в декабре 1919–январе 1920 г отсутствуют, следовательно, факт встречи отрядов Красной армии «хлебом–солью» мог иметь место. Следует особо отметить, что такое радушие, скорее всего, как на то и указывают свидетельницы, было вызвано не симпатиями к большевикам, а заботой о безопасности монастыря, и, особенно, скрывающихся в нем офицеров Белой армии, которые могли быть родственниками монахинь. Обитель, сестры и укрывшиеся офицеры были этим спасены, а ночью монахини могли переправить офицеров в лодке на противоположный берег Дона.

Летом 1921 г., в разгар голода, значительная часть монастырских зданий (22 дома из 58) была изъята для размещения детской колонии, в которую органами опеки были собраны дети, лишившиеся родителей. Власти также конфисковали у монастыря паровую мельницу, приносящую немалый доход, и передали ее колонии в качестве средства для существования. Тем не менее, монахини по мере возможности помогали сиротам: они стирали и гладили одежду, убирали помещения, ухаживали за больными, выпекали для колонии хлеб. Игуменья предупредила сестер о том, что рядом с детьми они должны вести себя «чинно и благородно», и это указание монахинями беспрекословно исполнялось. Последний факт, отмеченный в материалах следствия, также стал одним из пунктов обвинения игуменьи с сестрами в религиозной агитации³⁹³.

У руководителя колонии члена ВКП (б) Я. Г. Макевнина сложились хорошие отношения с монашеской общиной. Отчасти, это объясняется, как в следственном деле, так и в документах ревизии тем, что его супруга была племянницей игуменьи Святославы. В школе для детей преподавали вдовы

³⁹³ Протокол допроса свидетельницы Жуковой от 24.09.1928 г. // Следственное дело на Виденину Е. М. и монахинь Усть-Медведицкого монастыря. Архив УФСБ по Волгоградской обл. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10028 пф. Л. 2.

офицеров, дочери священников, родственницы монахинь. Макевнин вместе с местным агрономом Боевым ходатайствовал о регистрации кустарно-промысловой артели, состоявшей из сестер обители. Регистрацию в качестве сельскохозяйственных или кустарно-промысловых артелей в те годы предпринимали многие монастыри, как пишет об этом О. Ю. Редькина в своей монографии³⁹⁴. Дети и подростки, содержащиеся в колонии, родились в казачьих хуторах и станицах, в православных семьях. Они часто обращались к монахиням, заходили в их кельи, на Пасху просили яиц, приветствуя сестер традиционным возгласом: «Христос воскрес!» Сестры тайком надевали на детей крестики, учили их креститься и молиться. Это вызывало нарекания у руководителей колонии и обвинения монахинь в «религиозной пропаганде», которая советским законодательством о религии была запрещена. Религиозное обучение допускалось только в семьях, а дети, находившиеся под опекой советского государства, должны были расти атеистами. Игуменья Святослава (Веденина) была вынуждена запретить сестрам пускать детей в свои кельи и угощать их, говорить с ними о вере, хотя, как она сама свидетельствует, не видела в этом ничего преступного³⁹⁵.

У монастыря с дореволюционных времен было подворье с храмом в станице Урюпинской, Богородицкая церковь была устроена на подворье самой игуменьей Арсенией (Себряковой) в 1891 г.³⁹⁶ В марте 1923 г. местные власти Хоперского округа решили закрыть монастырское подворье. Церковному совету Христо-Рождественского (Ярмарочного) храма, который, очевидно, по договоренности с монахинями отвечал за подворье, было указано на несоблюдение советского законодательства. По существовавшему положению церковной общине мог быть передан в пользование только один храм, наличие второго было нарушением. Церковный совет принял решение о закрытии Богородицкой церкви и передаче

³⁹⁴ Редькина О. Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004.

³⁹⁵ Протокол допроса Ведениной Е. М. от 18.12.1928 г. // Следственное дело... Л. 93 об.

³⁹⁶ Кириллов А. Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // Донская церковная старина. Вып. 3. Новочеркасск, 1909. С. 25.

подворья вместе с имуществом местному исполкому. В это время группа монахинь предприняла поездку в станицу Урюпинскую для того, чтобы попытаться воспрепятствовать закрытию подворья и вызвала недовольство среди казаков. На следующий день у подворья собралось до ста человек, протестующих против его закрытия. Толпа двинулась к исполкому, представители которого отказались от ответственности за принятое решение и переложили ее на церковный совет. Люди направились от исполкома к Христо-Рождественской церкви. К ним вышел настоятель, упоминавшийся ранее протоиерей Петр Протопопов. Священник объяснил собравшимся положение дел, информировал их о вынужденности принятого решения, с учетом того, что один церковный совет не может «обслуживать» два храма. Объяснения авторитетного в станице священника были приняты собравшимися и толпа разошлась. На следующий день состоялось закрытие церкви подворья и передача ее имущества по акту местному совету. Объяснения относительно событий 1923 г. содержатся в следственном деле в виде показаний священников Протопопова и Зачиняева, бывшего настоятеля Богородицкой церкви. В то же время, оба священника мало говорят о роли монахинь в возбуждении протестных настроений урюпинцев³⁹⁷.

По показаниям сестер, в 1920-х гг. в монастыре неоднократно собирался церковный совет, речь на нем могла идти как о церковных делах, так и о недовольстве советской властью. Многие из сестер монастыря могли говорить о своем недовольстве казакам, с которыми они были связаны родством. Учитывая жесткую репрессивную политику советской власти по отношению к казачеству, нужно полагать, что недовольство советской властью не ограничивалось стенами монастыря³⁹⁸.

Особую роль в закрытии обители сыграла инспекция колонии в 1927 г. В 1924 г. Макевнин был назначен заведующим Усть-Медведицким окружным отделом образования и уехал из станицы в слободу Михайловку, которая тогда

³⁹⁷ Протокол допроса свидетеля Зачиняева М. Т. от 30.12.1928 г. // Следственное дело... Л. 95–95 об; Протокол допроса свидетеля Протопопова П. И. от 30.12.1928 г. // Следственное дело... Л. 96–96 об.

³⁹⁸ Протокол допроса свидетеля Дугиной Т. И. от 04.12.1928 г. // Следственное дело... Л. 49 об.

была окружным центром. В колонии его сменил Дерюжкин, бывший красноармеец, который из-за своего неумения или нежелания не сумел наладить жизнь детей в колонии. В феврале 1927 г. врач Саляев, а затем и комиссия из Сталинградского губернского отдела образования выявили полный развал в деятельности руководства детской колонии: плохое состояние зданий, антисанитарию, незанятость подростков, отсутствие культуры воспитания, половую распущенность. Проверяющие отметили гораздо лучшее состояние находящихся рядом монастырских зданий. Очевидно, что в плохое состояние здания колонии были приведены за шесть лет ее руководством. Сами проверяющие свидетельствовали, что при передаче в 1921 г. эти здания были лучшими. По результатам ревизии в документах отмечаются неоднократные призывы к закрытию монастыря, конфискации его зданий для расширения колонии, ограждению от влияния монахинь, но никаких мер к монастырю в 1927 г. не было принято³⁹⁹.

В июле 1928 г., после упразднения Усть-Медведицкого округа, его территория вошла в состав Хоперского округа. Советская власть в Урюпино серьезнее отнеслась к борьбе с «религиозными пережитками», чем власти Усть-Медведицкого округа, в течение восьми лет терпевшие существование женского монастыря. В том же месяце в окружной газете «Красный Хопер» была напечатана статья, обвиняющая монахинь в неисполнении Декрета об отделении Церкви от государства. Анонимный автор статьи называл сестер: «тунеядцы за счет лжи, обмана, суеверий», он писал: «60 домов занимают монашки, не платя квартплаты»⁴⁰⁰. Настоятельница монастыря игуменья Святослава, поняла скорое окончание монастырской жизни и предупредила об этом сестер. Уже в конце июля местные власти предъявили монашеской общине «счет» – за проживание и аренду земли необходимо было уплатить 15 тыс. руб. за все предыдущие годы. По советским законам, храмы и их утварь принадлежали государству и лишь

³⁹⁹ ГАВО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 144. Л. 34–49.

⁴⁰⁰ Красный Хопер. 25 июля 1928 г. С. 2.

предоставлялись церковным общинам в пользование. Договор не предусматривал оплаты пользования только для имущества религиозного назначения – храмов и сторожек при них, церковные советы несли только расходы по содержанию, ремонту и страхованию имущества. Однако, жилые здания – монашеские кельи, также должны были быть конфискованы советской властью по Декрету 1918 г. На деле местные власти в 1921 г. отобрали у монастыря для размещения колонии не все дома, у монастыря оставалось 35 зданий. Формально, они принадлежали советскому государству и власти могли потребовать оплаты проживания, но столь значительная сумма не была обоснована и превышала возможности общины. Сестры даже не обсуждали возможность уплаты, игуменья Святослава предложила им не дожидаться насильственного выселения и покинуть обитель самим. Свидетельницы рассказывают, что монастырское имущество было заранее вывезено ночью на подводах. Это явно не была церковная утварь, иначе монахиням было бы предъявлено обвинение в ее хищении. Монахини покинули свою обитель 15 августа 1928 г. в праздник Успения Пресвятой Богородицы⁴⁰¹.

Несмотря на расселение монахинь, монастырские храмы не были закрыты, их церковный совет, членами которого являлись монахини, существовал, продолжали совершаться богослужения. Монахини поселились в различных частных домах в близлежащем хуторе Затонском и в самой станице. В октябре или ноябре 1928 г. в Казанской церкви служил «обновленческий» митрополит Константин (Спасский)⁴⁰². Возможно, по его благословению сестры вскоре обратились в райисполком с просьбой сдать им в аренду несколько бывших монастырских построек. В протоколах Усть-Медведицкого райисполкома сохранилось решение по заявлению монахинь, принятое 21 ноября 1928 г. – «отказать»⁴⁰³. Советская власть не планировала восстановление закрытого монастыря. Более того, уже готовилось их уголовное преследование, первые показания свидетельниц, содержащиеся в деле, относятся к началу сентября.

⁴⁰¹ Обвинительное заключение // Следственное дело... Л. 165.

⁴⁰² Показания Жарковой В. С. от 17.12.1928 г. // Следственное дело... Л. 74об.

⁴⁰³ ГАВО. Ф. 443. Оп. 1. Д. 376. Л. 165, § 558.

К ноябрю относятся отмеченные следствием факты «религиозной агитации» монахинь на улицах станицы и публичных угроз в адрес члена церковного совета Петропавловской церкви И. В. Пустовалова⁴⁰⁴. Его показания, как свидетеля обвинения подтверждаются документами Усть-Медведицкого райисполкома. Им 3 ноября 1928 г. было принято решение «поддержать ходатайство религиозной общины Петропавловской церкви станицы Усть-Медведицкой в составе 37 человек и граждан в составе 31 человека» о закрытии церкви⁴⁰⁵. Петропавловская церковь станицы была до революции тюремной, состояла при окружной тюрьме. После Гражданской войны она, как и Троицкая церковь при закрытом духовном училище, была переведена в приходские. Были оформлены акты о передаче храмов «двадцаткам», хотя согласно Декрету 1918 г., все храмы при тюрьмах, больницах, училищах и т. п. подлежали ликвидации. Хоперский окружной исполком указал Усть-Медведицкому районному исполкому на нарушения советского законодательства и потребовал исправить положение – закрыть храмы. Церковный совет Петропавловской церкви исполнил требование власти. Пустовалов, которого монахини прилюдно ругали на станичном базаре, был одним из тех, кто подписал просьбу о закрытии храма.

Монахини покинули обитель в середине августа, а трое из них были допрошены в районном отделе ОГПУ менее чем через месяц, очевидно, что арест был запланирован⁴⁰⁶. С сентября по начало декабря проходил сбор информации. Аресты двадцати монахинь во главе с настоятельницей игуменьей Святославой были произведены с 3 по 5 декабря на тех квартирах, где они жили⁴⁰⁷. Двух из монахинь не было обнаружено по месту жительства, они уехали из станицы в неизвестном направлении⁴⁰⁸. У игуменьи были изъяты при обыске записных книжки, письма, открытки, тетради со стихами, альбом со стихотворениями и

⁴⁰⁴ Показания свидетеля Пустовалова П. И. от 05.12.1928 г. // Следственное дело... Л. 48.

⁴⁰⁵ ГАВО. Ф. 443. Оп. 1. Д. 376. Л. 201, § 473.

⁴⁰⁶ Следственное дело... Л. 1–6.

⁴⁰⁷ Следственное дело... Л. 7–44.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 48, 52.

заметками⁴⁰⁹. Ничего из изъятых документов в материалах следствия не фигурирует, очевидно, содержание бумаг оказалось совершенно безобидным. То же можно сказать и о письмах от родственников, изъятых у некоторых других монахинь. Арестованные были отправлены в «дом заключения» в окружной центр – Урюпино, кроме больной игуменьи, которая была оставлена под домашним арестом. Количество арестованных монахинь говорит о том, что они составляли «двадцатку» – церковный совет монастырских храмов, поэтому властям были известны адреса, где они жили.

В обвинительном заключении, сфабрикованном обычным путем – тенденциозной интерпретацией показаний обвиняемых, содержится большое количество обвинений⁴¹⁰. Вот их примерный список:

- несогласие с советским законодательством о религии⁴¹¹;
- пособничество белогвардейцам во время Гражданской войны⁴¹²;
- организация массовых протестов населения в станице Урюпинской⁴¹³;
- разговоры о скором падении советской власти⁴¹⁴;
- религиозная агитация воспитанников детской колонии⁴¹⁵;
- недовольство советским налогообложением⁴¹⁶;
- агитация против советских займов⁴¹⁷;
- подготовка к действиям против закрытия монастыря⁴¹⁸;
- контрреволюционная агитация с использованием факта закрытия монастыря⁴¹⁹;

---

⁴⁰⁹ Там же. Л. 8.

⁴¹⁰ Обвинительное заключение // Следственное дело... Л. 161–169.

⁴¹¹ Там же. Л. 161–161 об.

⁴¹² Там же. Л. 162.

⁴¹³ Там же. Л. 162–162 об.

⁴¹⁴ Там же. Л. 163.

⁴¹⁵ Обвинительное заключение // Следственное дело... Л. 163–163 об.

⁴¹⁶ Там же. Л. 163 об.–164.

⁴¹⁷ Там же. Л. 164.

⁴¹⁸ Обвинительное заключение // Следственное дело... Л. 164–165.

⁴¹⁹ Там же.

– подготовка акций против советской власти в Урюпино (по показаниям свидетельниц, уже после закрытия обители игуменья в середине сентября направила Сычеву в окружной центр Урюпино для подготовки сопротивления–агитации против уплаты налогов. Однако, они сами говорят, что «при даче поручения Веденина строго приказывала Сычевой вести себя в Урюпинской осторожно, не давая никакого подозрения представителям советской власти, а то эти грабители если узнают, то сейчас же посадят в тюрьму»)⁴²⁰;

– призывы к вооруженному свержению советской власти (согласно свидетельским показаниям монахини Софронии (Жуковой), игуменья вместе с сестрами вели агитацию среди казаков во время призывной компании. Они «говорили, что задача отцов у коих уходят сыны в ряды Красной Армии научить их так, чтобы они по прибытии на место службы не забывали православную веру»⁴²¹. Якобы были произнесены и такие слова: «когда получат оружие, то сейчас же принимались избивать коммунистов, смещать советы и восстанавливать такую власть, какая была раньше»)⁴²²;

– осуждение и угрозы в адрес законопослушных граждан (члена церковного совета Петропавловской церкви Пустовалова)⁴²³.

Обвинительное заключение сообщает, что обвиняемые «предъявленное обвинение категорически отрицают». Их допросы проводились дважды – 17 декабря 1928 г.⁴²⁴ и 15 января 1929 г.⁴²⁵ Из протоколов невозможно понять, какие конкретно обвинения предъявлялись каждой из монахинь. Во всех протоколах все монахини признавали себя невиновными: «никакой агитации против советской власти не проводили». Некоторые факты, фигурирующие в обвинении, были признаны сестрами, например, факт проведения совещаний «гражданского совета» (очевидно, заседаний «двадцатки»). Часть монахинь заявили, что никогда

⁴²⁰ Там же. Л. 165 об.

⁴²¹ Показания свидетельницы Жуковой Е. И. // Следственное дело... Л. 3.

⁴²² Обвинительное заключение // Следственное дело... Л. 165 об.–166.

⁴²³ Там же. Л. 166.

⁴²⁴ Следственное дело... Л. 74-92.

⁴²⁵ Там же. Л. 99-118.

не участвовали в нем, а остальные сказали, что «про власть ничего не обсуждали, а обсуждали только церковные вопросы, хотя, верно говорили о предстоящем закрытии монастыря»⁴²⁶.

Игуменья Святослава призналась, что знала о посещении воспитанниками детской колонии монашеских келий: «Когда я слышала о том, что монашки некоторые берут детей в кельи и заставляют молиться, я таковой поступок резко осудила и приказала больше такими вещами не заниматься. Были случаи, когда дети приходили на Пасху к монашкам и говорили «Христос воскрес!» и просили дать им яйца, но я не подозревала в этом никакой вины». В то же время, по словам игуменьи, она хотела «идти навстречу всем запросам представителей советской власти, а также стремиться улучшить положение детской колонии всем тем, что было необходимо от монастыря для детей колонии, как то, пошивка белья детям, уход за детьми и т.п.». «Я всегда стремилась сделать только хорошее для советской власти». Обвинения в агитации против займов игуменья отвергает, указывая на то, что сестры «купили коллективным путем крестьянского займа приблизительно на сумму 50–60 рублей»⁴²⁷.

Несмотря на отрицание арестованными монахинями своей вины, на отсутствие доказательств, кроме показаний свидетелей, уполномоченный Хоперского отдела ОГПУ сделал заключение, что обвиняемые «вполне изобличаются в совершении преступления ст. 58 п. 10 У.К. выразившегося в систематической агитации и распространении слухов против советской власти, т.е. в подрыве мероприятий таковой и будировании⁴²⁸ широких масс не только религиозного мира, но и казачьего населения всего Усть-Медведицкого района». Сестры монастыря во главе с игуменьей признавались «чуждым элементом советской власти и социально-опасным элементом, а также и бродячим

⁴²⁶ Следственное дело... Л. 85, 118.

⁴²⁷ Протокол допроса Ведениной Е. М. // Следственное дело... Л. 93об.

⁴²⁸ Будирование — сущ. от глагола «будировать», образованное в XIX в. от фр. слова «boudier» – выражать неудовольствие, дуться. В начале XX в. неправильно употреблялось в значении «возбуждать», или как замена слова другого слова иностранного происхождения «агитировать» См.: *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010.

персоналом»⁴²⁹. Дело было направлено «на заключение в Облпрокуратуру», а далее – «в Особое совещание при коллегии ОГПУ г. Москва на предмет внесудебного рассмотрения»⁴³⁰.

Приговор был вынесен 10 мая 1929 г. Особым совещанием при Коллегии ОГПУ в Москве⁴³¹. Все арестованные были приговорены к высылке – они освобождались из-под стражи, лишались права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону, в означенных губерниях и округах Нижневолжского края с прикреплением к определенному месту жительства на три года. Распоряжение пришло в Урюпино в конце месяца, и 31 мая 1929 г. начальник Хоперского окружного отдела ОГПУ дал распоряжение освободить монахинь для высылки и выдать им документы для выезда из Нижневолжского края в город Калач Центрально-Черноземной области. Через несколько дней власти спохватились, что от Урюпино до Калача (ныне в Воронежской области) всего 80 км, и город был исправлен на Самару⁴³².

При таком количестве обвинений, предъявленных сестрам, может удивить сравнительная «мягкость» приговора. Объяснить это можно тем, что приговор был вынесен до начала коллективизации, и престарелые женщины представляли незначительную угрозу для советской власти на Дону. Была сочтена достаточной их ссылка как изъятие из близкой социальной среды.

Еще до вынесения приговора, в феврале 1929 г. районные власти инициировали закрытие монастырских храмов. Два храма – огромный Казанский и старинный Преображенский – оказались стоящими вне населенных пунктов, лишены прихода и церковной общины. Руководство детской колонии требовало их помещения «для культурных целей». В течение лета были собраны требуемые протоколы собраний граждан, получено положительное заключение комиссии Нижневолжского краевого исполкома. Решение о закрытии храмов и передаче их

⁴²⁹ Обвинительное заключение // Следственное дело... Л. 167.

⁴³⁰ Следственное дело... Л. 171–172.

⁴³¹ Приговор // Следственное дело... Л. 176–176 об.

⁴³² Следственное дело... Л. 177.

детской колонии было принято в Саратове 23 августа 1929 г.⁴³³ Есть сведения, что была подана жалоба на действия местных властей в Москву, но никаких последствий она не имела. Но небольшая детская колония не имела возможностей содержать значительный по размерам храмовый комплекс в качестве культурного учреждения, а вскоре она была закрыта.

Ранее, в феврале 1929 г. райисполкомом обсуждалось закрытие Покровской церкви, которая до революции принадлежала духовному училищу. Окончательного решения в деле нет, признано, что храме не был изъят у верующих «благодаря халатности»⁴³⁴. К решению приложено 8 выписок из собраний избирателей станицы о закрытии церкви (написанных одним почерком)⁴³⁵.

В начале 1929 г. административный отдел Нижневолжского крайисполкома указал Хоперскому окружному исполкому на недопустимость передачи в пользу одного религиозного объединения более одного храма. Положение с двумя монастырскими храмами было исправлено летом – оба были закрыты. Следующим было заведено дело о закрытии второго – кладбищенского Воскресенского храма в станице Усть-Хоперской. Верующие пробовали обжаловать закрытие, но им разъясняли, что иметь два храма в пользовании общины не полагается, и главный Никольский храм остается в их распоряжении. Постановление о закрытии храма было принято 4 сентября, а 6 декабря оно было утверждено лично председателем ВЦИК М. И. Калининым⁴³⁶.

В декабре Усть-Медведицкий райисполком обсуждал закрытие сразу пяти церквей в районе: Благовещенской хутора Старо-Пронинского, Космо-Дамиановской церкви хутора Средне-Царицынского, Успенской хутора Горбатова, Никольской хутора Басковского, Троицкой церкви хутора Большого⁴³⁷.

⁴³³ ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1881. Л. 11 а-22.

⁴³⁴ Выписка из протокола № 35 заседания Президиума Усть-Медведицкого РИК ХО НВК от 11.02.1929 г. // ГАВО. Ф. 313. Оп. Д. 1881. Л. 39.

⁴³⁵ Выписки из протоколов собраний ст. Усть-Медведицкой. ГАВО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 1881. Л. 40-47.

⁴³⁶ Письмо Комиссии по делам культов ВЦИК СССР от 06.12.1929 № 6-29237 // Там же. Ф. 313. Оп. Д. 1881. Л. 9.

⁴³⁷ Протокол УМ РИК от 16.12.1929 г. // Там же. Ф. 443. Оп. 1. Д. 384. Л. 39 об.-40.

Тогда же райисполком создал «комиссию по организации обследования здания Духовной церкви на предмет переоборудования под клуб». Имелась в виду уже закрытая Покровская церковь при бывшем духовном училище.

В последний день 1929 г. в райисполкоме обсуждался «переход детей с отдыха в воскресенье на обычный день и наконец, введение пятидневки и непрерывки» в порядке усиления антирелигиозного воспитания⁴³⁸. В январе на волне энтузиазма по поводу сплошной коллективизации местные власти решили закрыть две последние оставшиеся в станице церкви: Александро-Невскую и Воскресенскую. На первый план был выдвинут довод о том, что оба храма «требуют ремонта на сумму 50 000 руб. и церковный совет от ремонта таковых отказался». В соответствии с тезисом о том, что в колхозе не может быть церкви, в документе утверждалось: «Преобладающее большинство православных трудящихся крестьянских хозяйств коллективизировано и требуют закрытия церквей»⁴³⁹.

Но в марте 1930 г., после статьи Сталина «Головокружение от успехов» райисполком осуждает свои собственные недавние решения: «Отрицательное значение имело администрирование без соответствующей подготовки общественного мнения в вопросе закрытия церквей и отдельные случаи оскорбления религиозных чувств верующих при неумелом использовании зданий церквей и церковного имущества»⁴⁴⁰. Ключевые слова в этом решении: «без соответствующей подготовки общественного мнения». Впрочем, на несколько лет два усть-медведицких храма были сохранены и закрыты только перед войной. Воскресенский сохранился до наших дней, а Александро-Невский был разрушен. Сохранилось и здание Покровского училищного храма.

Таким образом, исследование документов следственного дела против монахинь Усть-Медведицкого Преображенского монастыря с привлечением источников из других архивных фондов позволяет фрагментарно восстановить

---

⁴³⁸ Протокол УМ РИК от 31.12.1929 г. // Там же. Л. 45 об.

⁴³⁹ Протокол УМ РИК от 20.01.1930 г. // ГАВО. Ф. 443. Оп. 1. Д. 384. Л. 56 об.

⁴⁴⁰ Протокол УМ РИК от 23.03.1930 г. № 52. // Там же. Л. 122.

историю жизни монастыря в последнее десятилетие перед закрытием при отсутствии других, собственно церковных источников. На основе анализа достаточного количества свидетельств мы можем смело опровергнуть версию о прямом насильственном разгоне сестер Усть-Медведицкого монастыря. Картина постепенного ущемления жизни монастырской общины, обременения ее различными поборами и повинностями хорошо согласуется с общей обстановкой жизни сельского населения России. Монастырская община пыталась легализовать свое существование в виде артели, но власти не позволили этого. Одним из результатов политики советской власти в отношении деревни было заставить крестьян отказываться от традиционной поддержки приходских храмов и близлежащих монастырских общин из-за непомерного увеличения различных налогов и сборов. Начинаясь массовая коллективизация наносила непоправимый удар по традиционному укладу жизни, в новом, создававшемся укладе не было оставлено места для религии. Велика значимость общины Усть-Медведицкого монастыря для окрестных мест, ибо даже под жестоким давлением советских органов, а, впоследствии, и изгнанные из родной обители ее сестры выполняли подвиг служения Богу и людям в социальной, и в духовной сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При подведении итогов работы нужно отметить, что она является первой попыткой систематического исторического исследования церковной жизни на территории недавно образованной в составе Волгоградской митрополии Урюпинской епархии. Можно считать подтвержденной историческую общность двух северных округов дореволюционной Области войска Донского – Хоперского и Усть-Медведицкого, территория которых образует большую часть современной Урюпинской епархии. Период, выбранный для исследования – 1917–1930 гг. – является наиболее проблемным, ввиду кардинальных изменений условий жизни Церкви в России. Вместе с тем в настоящей работе рассмотрены проблемы, возникающие перед исследователем жизни Церкви в послереволюционные годы. Данные проблемы наиболее характерны для областей Юга России, но в то же время они могут быть актуальны и для исследования по всей территории России. Одной из особенностей, присущих местностям Юга России, к которому относились изучаемые округа, стала Гражданская война 1918–1920 гг., боевые действия которой развернулись именно в исследуемых местах. Долгий и трагический переход власти в первые послереволюционные годы вызвал дополнительную репрессивную нагрузку на церковные общины, а недостаток документов в годы войны породил серьезные сложности для исследователей.

Российская Православная Церковь в дореволюционное время была одним из стержней общественной жизни на всех уровнях общества. Резко негативное отношение к вере, к церковным организациям и священнослужителей со стороны новых властей, в условиях распада традиционного общества, обернулось суровыми гонениями на духовенство, и церковные общины.

Важность исследования гонений на Церковь первых послереволюционных лет несомненна в свете почитания подвига мучеников и исповедников за веру.

Сохранение памяти о трагических событиях российской истории необходимо для осмысления ее исторического пути. Исследуемая переломная эпоха наложила неизгладимый след на церковную жизнь. Многие процессы и явления, начавшиеся в годы гонений, остаются актуальными и в наши дни. Расширение сферы участия Церкви в жизни общества, неуклонно продолжающееся в последние годы, привлекает внимание различных общественных сил к церковно-государственным отношениям. Продолжающаяся дискуссия о месте Церкви в жизни современного общества, во многом опирается на различные стороны исторического опыта. Исследуемые в настоящей работе первые послереволюционные годы характерны значительным влиянием Церкви на сознание и поведение народных масс, с которым новые власти вступили в жестокую борьбу. На протяжении 1920-х гг. эта борьба перешла в уничтожение Церкви, полным ходом развернувшееся в последующие 1930-е гг. Однако, в силу различных причин репрессивные меры не смогли полностью уничтожить церковь. В 1940-е гг. официальная церковная организация была в ограниченных формах восстановлена под контролем тех же репрессивных органов, которые ее ранее уничтожали. Такая неравноправная и ущербная модель отношений государства и Церкви установилась более чем на четыре десятилетия.

За годы возрождения православной Церкви в России, многие аспекты церковно-государственных отношений на высшем уровне были хорошо изучены. Данная работа послужит восполнению недостатка в изучении этого вопроса на уровне отдельных епархий, приходских и монастырских общин. Особенностью поля исследований стала плохая документированность жизни церковных общин именно в эти переломные годы – годы Гражданской войны и установления советской власти. Характерной чертой местных архивов был низкий интерес к церковной документации, из которой до нас дошли только отдельные фрагменты. Тщательное научное исследование сохранившихся разнородных документов дало возможность в некотором объеме восстановить жизнь приходов, монастырей, духовенства и прихожан в исследуемый период. В условиях стесненности

деятельности Церкви, особый интерес приобрели попытки осмысления трагических революционных событий отдельными священнослужителями. Церковные приходские и монастырские общины оказались вовлечены в бурные общественные процессы военных и послевоенных лет. Из скупых исторических свидетельств мы извлекаем драгоценные примеры совершения мученического и исповеднического подвига за веру. Для развивающейся церковной жизни в новых епархиях особенно ценным является приближение этого опыта стояния за веру к конкретным местам, где живут, трудятся и молятся православные христиане. Расширение знаний о местной специфике церковной жизни, о конкретных исторических примерах осуществления идеала святости, может дать примеры для современной епархиальной жизни, жизни приходских и монастырских общин. Важно не ограничиваться только кругом прославленных Церковью новомучеников, необходимо почитать и всех подвижников за веру, о подвиге которых удастся узнать и поведать людям. Немаловажно также расширение наших знаний о местной специфике исторического пути, о конкретном содержании гонений в местных условиях.

В ряду проблем, рассмотренных в рамках диссертационной работы, находится отношение духовенства и прихожан православных приходских общин, а также монашествующих к кардинальным переменам в государственном и общественном строе России. Как свидетельствуют отдельные сохранившиеся источники, свержение царской власти в 1917 г. не вызвало бурю возмущения как среди казаков, так и среди духовенства, хотя и не приветствовалось. Активные священники, такие, как урюпинский священник П. Протопопов, надеялись на благополучное обустройство приходской жизни, развитие социальной, образовательной, просветительской деятельности в новых условиях. Однако, первые попытки установления советской власти в донских станицах и хуторах вызвали закономерное отторжение. Гражданская война была однозначно воспринята как народное бедствие. Это выразилось в поддержке, как духовенством, так и большинством прихожан самостоятельности Всевеликого

Войска Донского и Белого движения. Поражение в Гражданской войне и установление на Дону советской власти явилось неизбежным злом, которому пришлось покоряться и выживать в диктовавшихся им условиях.

В тесной связи с предыдущей проблемой рассматривался вопрос об устойчивости традиционных форм организации православных приходских и монастырских общин в катастрофических условиях изменения условий общественной жизни. В ходе работы показана их относительная устойчивость. Поскольку духовенство зачастую было вынуждено покинуть свои приходы, храмы поддерживались прихожанами. Заслуживают уважения как священники, остававшиеся на своих местах, несмотря на угрозы войны, так и попытки развития приходского самоуправления. Массовое участие казаков в обороне своих станиц и хуторов от наступления большевистских отрядов, их массовое участие в Белом движении стало самой яркой формой защиты традиционных устоев жизни, неотъемлемой частью которой была православная приходская община. Реакция духовенства и прихожан на начинавшиеся гонения со стороны новой власти стали сердцевиной жизни в новых условиях. В то же время общее уменьшение состава приходов, связанное с уходом казаков в армию, их гибелью и отступлением, а затем и с вынужденной эмиграцией, крайне негативным образом сказалось на приходской жизни. С отъездом священников прекращалось богослужение, в условиях боевых действий останавливалась деятельность школ, библиотек, иногда разрушениям подвергались сами храмы и приходские строения. После окончания Гражданской войны и прихода «красных» угроза террора нависала как над духовенством, так и над большинством казаков. Гуманитарная катастрофа свела приходскую жизнь к минимуму, в чем наиболее проявились гонения на Церковь.

Во второй половине 1920-х гг. в районах бывшей Донской области уже начинались массовые репрессии. Анализ немногих сохранившихся документов позволил описать приходскую жизнь в этих условиях. Особый интерес представило сравнение описания хуторской жизни в летописи, создававшейся не

для глаз следователя, с документами следственного дела. Очевидна обстановка серьезного недовольства в среде казаков – прихожан православных храмов – политикой советской власти. Однако, следует признать, что все обвинения в подготовке «вооруженного восстания» вымышлены и имеют под собой никакой доказательной базы. Очевидно, что документам следственного дела можно доверять только в первом вопросе, полностью отвергая все инсинуации, относящиеся к главному объекту обвинений. Жестокий приговор, вынесенный группе священников и прихожан во Фроловском районе, преследовал две цели: устрашение казаков, в те годы – серьезной силы, еще способной на борьбу с властью, и разрушение приходской общины – одной из основ традиционного уклада жизни. Гонения на Церковь включали в себя, как свидетельствуют документы, как карательные меры, реализуемые органами ОГПУ, так и административно-финансовые и запретительно-ограничительные, применяемые местными органами советской власти. Ослабленные приходские общины в донских станицах и хуторах не справились с этим двойным напором.

Для подробного изучения деятельности органов церковного управления на епархиальном и более низких уровнях в переломный период и реакции с их стороны на гонения, конечно, очень мало документальных источников. В работе рассмотрена деятельность только одного органа церковного управления, который существовал в исследуемый период на рассматриваемой территории – Филоновского благочиннического совета. Этот совет, изначально выполнявший административные функции, в годы революции стал представительным органом духовенства и прихожан. Совет контролировал выборы клириков в приходах, способствовал разрешению конфликтов, организовывал проведение регулярных благочиннических съездов, в которых участвовало духовенство, младшие клирики и прихожане. Однако в условиях Гражданской войны совет утратил свою представительность, проведение съездов стало невозможным, его функции свелись к констатации нестроений церковной жизни и увещанию участников конфликтов. Совет только эпизодически фиксировал факты преследований со

стороны советской власти, повреждений храмов и сокращения духовенства. В периоды освобождения территории благочиния от красноармейских частей делались незначительные попытки восстановления нормального церковного управления. Но окончательное установление советской власти в 1920 г. повлекло за собой прекращение деятельности Филоновского благочиннического совета. В контексте изучения гонений на Церковь со стороны советской власти, следует отметить, что совет не предпринял никакого расследования по факту гибели одного из своих членов – священника П. Вилкова летом 1918 г. Под жестоким давлением новой власти традиционные органы церковного управления уже не могли адекватно реагировать на угрозу жизни Церкви.

Также в процессе работы изучены отношения органов церковного управления, приходских и монастырских общин с новыми властями, в том числе возникавшие при этом конфликты. Практически основным содержанием этих отношений в рассматриваемый период стали сами гонения на Церковь, т. е. систематические ограничения деятельности приходских и монастырских общин, преследования духовенства и прихожан, закрытие и разрушение храмов и монастырей, изъятие имущества религиозных общин.

В годы Гражданской войны, в условиях частой смены власти и перехода территорий под контроль противоборствующих сторон, практически невозможно было документировать акты гонений на Церковь. Тем не менее, они нашли отражение в документах Особой комиссии по расследованию действий большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России, которая проделала значительный объем работы в 1919 г. Материалы комиссии донесли до нас достаточное количество фактов, позволяющих подтвердить преследования Церкви со стороны Красной армии и представителей советской власти.

После окончания Гражданской войны на территории округов начали применяться новые декреты и инструкции, касающиеся религиозных организаций. Как следует из изученных источников, передача церковного

имущества в Хоперском и Усть-Медведицком округах формирующимся в соответствии с новым советским законодательством приходским общинам проходила в основном без конфликтов. Также очень малое количество конфликтов отмечено в ходе кампании по изъятию церковных ценностей. Это связано с незначительным количеством церковных ценностей в Донском крае, разоренном Гражданской войной. Голод, распространившийся в регионе, также чрезвычайно ослабил приходские общины и оправдал в глазах прихожан происходившее изъятие. Многие приходские и монастырские общины сдали ценности добровольно.

В работе подробно исследуются и подтверждаются факты, относящиеся к уничтожению советской властью одной из главных монастырских общин Донского края – Усть-Медведицкого Преображенского монастыря. На основе анализа источников опровергнута версия о насильственном разгоне сестер Усть-Медведицкого монастыря. Восстановлена картина постепенного ущемления жизни монастырской общины, обременения ее различными поборами и повинностями, которая хорошо согласуется с общей обстановкой жизни сельского населения России. Одним из результатов политики советской власти в отношении деревни было принуждение крестьян к отказу от традиционной поддержки приходских храмов и близлежащих монастырских общин. Одним из средств этого становилось непомерное увеличение различных налогов и сборов. Начинаясь массовая коллективизация нанесла непоправимый удар по традиционному укладу жизни. В новом, колхозном укладе не оставалось места для религии, попытки монастырской общины зарегистрироваться в качестве трудовой коммуны были блокированы. В работе показана большая значимость деятельности общины Усть-Медведицкого монастыря в годы Гражданской войны и в 1920-е гг. для окрестных мест.

При изучении архивных следственных дел репрессированных священнослужителей и мирян остро встает проблема доверия таким источникам, созданным в недрах советской репрессивной системы. В отличие от мучеников

первых веков христианства, новомучеников преследовали не за исповедание имени Христа, а за некую плохо определенную законом «контрреволюционную деятельность». Можно видеть разное понимание законности, справедливости, порядочности, совести у людей, придерживавшихся традиционного мировоззрения и «строителей новой жизни», носителей сознания, сформированного советской пропагандой.

Исследование документов из следственных дел конца 1920-х гг., позволяет сделать заключение, что при несомненной сфабрикованности обвинительных заключений и неправомерности, выносимых в судебном и внесудебном порядке приговоров, документы следствия могут и должны служить достоверным историческим источником. Они свидетельствуют о многом: враждебной и дискриминационной политике советской власти по отношению к Церкви, духовенству и верующим, преступных методах морального и физического воздействия на подсудимых, грубых нарушениях законности, отсутствии логических связей в обвинениях, политической ангажированности следствия, предопределенности судьбы арестованных. Что касается собственно деяний репрессированных, сведения о которых содержатся в показаниях, то мы не имеем достаточных оснований для их опровержения. Обычно, это естественные для духовенства проповеди, высказывания в беседах с прихожанами, жалобы на объективные и общеизвестные трудности. Обвинительные заключения, составленные следователями, только дают им необходимую в интересах следствия политическую окраску, которая отсутствует в показаниях. Так, многие монахини Усть-Медведицкого Преображенского монастыря, не видели ничего преступного в осуждении действий местных органов советской власти, лишивших их родной обители. В условиях начавшейся и чрезвычайно болезненно проходившей коллективизации власти стремились уничтожить все проявления недовольства. Единственная серьезная вина репрессированных заключалась в их приверженности к ценностям «старого режима»: православной вере, приходской и монастырской церковной жизни, естественному для казака свободному труду на

собственной земле, высокому социальному статусу казака, выражениям независимости в словах и суждениях. Изложенная в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви 2000 г. твердая позиция приоритета исполнения заповедей Божиих в целях вечного спасения над исполнением земных законом в случае их противоречия, позволяет дать достойную оценку словам и делам священнослужителей, монашествующих и мирян, репрессированных в годы гонений, и возвысить их подвиг в глазах потомков.

Жизнь и дела новомучеников и исповедников Церкви Русской свидетельствуют об их противостоянии не столько конкретному государственному порядку, сколько восторжествовавшему в нем богоборчеству и попранию веры. Задаваясь целью не только установления исторической правды, но и богословского осмысления переломных лет российской истории, судеб репрессированных членов Церкви, необходимо уверенно заявить, что именно злая воля людей, осуществлявших власть в 1920-е гг. стала причиной множества преступлений, творившихся от лица властей и бед, переживаемых народом. В то же время, как показывает исследование, были отдельные представители и в органах советской власти, которые сотрудничали с приходскими и монастырскими общинами, признавали их духовную и социальную роль, оказывали им помощь или, хотя бы, не настаивали на дословном исполнении новых советских законов, направленных на ущемление прав Церкви. В качестве примера можно привести власти Усть-Медведицкого округа до его упразднения, в частности, руководителя окружного ОНО коммуниста Макевнина, также репрессированного за свою поддержку Усть-Медведицкого монастыря. Промысел Божий, призывающий каждого человека к вечному спасению, ищет ответа свободной воли человека, и партийная принадлежность или вовлеченность в общественные и государственные процессы не становится абсолютным препятствием к тому, чтобы через конкретного человека исполнялась воля Божия. Примером служит судьба донского казака, красного командира Ф. К. Миронова, осуждавшего вождей большевиков за обстрелы храмов и сохранившего в разгар

Гражданской войны Усть-Медведицкий монастырь и его сестринскую общину от разорения.

Следствием гонений на Церковь и попыток приспособления к меняющимся условиям существования стали внутренние процессы, происходившие в епархиях, приходских и монастырских общинах, взаимоотношения в среде духовенства, а также между духовенством и прихожанами, в том числе проблема расколов и разногласий, их причин и следствий.

Главной проблемой внутренней жизни Церкви на протяжении большей части 1920-х гг. стал так называемый «обновленческий» раскол. В работе сделана попытка анализа его причин и сравнения их с теми, которые церковные историки выделяют по отношению к аналогичным процессам в других регионах России. Сделаны выводы о слабой и несущественной связи «обновленческого» движения советских лет на Дону с дореволюционным реформенным движением. Призывы к реформированию церковной жизни, которые удалось обнаружить в станице Урюпинской у свящ. П. Протопопова относились к укреплению и развитию епархиальной и приходской жизни. Именно приходская и епархиальная жизнь подверглись наиболее разрушительным ударам в годы Гражданской войны, после которой речь шла уже о выживании в новых условиях, а не о целенаправленных реформах. Большой процент духовенства, вовлеченного в раскол, а также практическое отсутствие серьезной борьбы с его активистами, показывают вынужденный и навязанный извне характер раскола. Православное духовенство на Дону во время Гражданской войны естественно было на стороне «белых». С «белыми» были связаны их надежды на возврат свергнутого строя или хотя бы на установление такого порядка, в котором Церковь заняла бы достойное место. На духовенство обратился террор первых лет установления советской власти. С одной стороны, страх перед расправой, с другой стороны, плохая информированность духовенства, стали причиной того, что оно практически поголовно оказалось в «обновленческом» расколе. Скорее всего, большинство из них были убеждены властями в том, что такая форма церковной юрисдикции

является безальтернативной и единственной одобренной властями. Невозможно заподозрить огромную массу сельского духовенства казачьих станиц и хуторов в том, что они серьезно прониклись идеями столичных священников–интеллектуалов, или же внутренне согласились с пролетарской демагогией вождей раскола. Наиболее удовлетворительным объяснением их поведения представляется страх перед расправой. Все это не может не убедить нас в полной внешней инспирированности раскола. Его формальные лидеры в Царицынской губернии – епископ Модест (Никитин), священник К. Бурмистров – были игрушками в руках репрессивных органов, а люди, которые действительно могли бы дать идеологическую базу движению, как священник П. Протопопов, оказались в стороне. К сожалению, и по сей день печать формальной принадлежности к церковному расколу порочит память многих священников, выполнявших свой пастырских долг в эти крайне тяжелые времена. К ним можно отнести настоятеля урюпинского Христо-Рождественского храма священника П. Протопопова, настоятеля летовской Пантелеимоновской церкви священника Адама Чечко.

Цели, поставленные в начале работы, достигнуты в той мере, в которой это позволяет нынешний уровень исследования архивных документов. Даже проведенное фрагментарно исследование оказалось довольно обширным и позволило прояснить объективную историческую истину в отношении многих сторон церковной жизни переломных лет российской истории. В процессе исследования неоднократно ставился вопрос о действии промысла Божьего в изучаемых событиях и неизменно он обнаруживался в следовании людей по пути спасения для вечной жизни.

Хочется выразить надежду, что предпринятое исследование послужит на благо развивающейся церковной жизни в Урюпинской епархии Волгоградской митрополии, являющейся исторически и территориально преемницей тех церковных общин, история которых рассматривается в работе. Приходится признать, что в исследуемом периоде осталось много страниц, не освещаемых

исследованными источниками. По словам Господа нашего Иисуса Христа: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Лк. 8:17). В этих словах обретается уверенность, что отыскание исторической правды является волей Божией и все страницы нашей сложной и трагической истории в свое время будут заполнены.

Из перспектив церковно-исторической работы на ближайшие годы хотелось бы отметить необходимость углубленного исследования чрезвычайно объемных следственных дел 1929–1930 гг., по которым на территории уже упраздненного Хоперского округа Нижневолжского края было репрессировано несколько сот казаков, среди которых несколько десятков священнослужителей. Чрезвычайно важным представляется также исследование дел о закрытиях храмов, относящихся к 1930-м гг., во многих из которых отмечена борьба приходских общин за существование. Судьбы изгнанных на чужбину, оказавшихся в эмиграции казаков и священников также не могут оставить равнодушным исследователя истории Донского края.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный архив Российской Федерации

Ф. Р–470. Особая комиссия по расследованию действий большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России:

Он. 1.

Д. 1. Положение об Особой комиссии по расследованию действий большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России.

Д. 6. Опросные листы храмов Донской епархии.

Д. 6а. Опросные листы храмов Донской епархии (продолжение).

Д. 70. Дело о преступлениях большевиков в станице Усть-Медведицкой.

Государственный архив Волгоградской области

Ф. 14. Филоновское благочиние Хоперского округа.

Он. 1. Д. 75. Книга записей решений Филоновского благочиннического совета.

Ф. 15. Урюпинское благочиние Хоперского округа.

Он. 1. Д. 1. Клировые ведомости Урюпинско-Правоторовского и Глазуновского благочиний.

Ф. Р-37. Сталинградский губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (губисполком).

Он. 2.

Д. 19. Доклад о ходе работы по изъятию церковных ценностей за 1922 год.

Д. 225. Историко-экономический очерк Усть-Медведицкого округа (с картами).

Ф. Р-122. Отдел управления исполнительного комитета губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Он. 1. Д. 550. Документы за 1922–1924 гг.

Ф. Р-313. Нижневолжский краевой совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет.

Он. 1. Д. 1881. Дело о закрытии двух храмов хутора Затонский Усть-Медведицкого района.

Ф. Р-443. Хоперский окружной совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет (окрисполком).

Он. 1. Д. 384. Протоколы заседаний Усть-Медведицкого райисполкома за 1929 г.

Ф. Р-1641. Урюпинский городской совет народных депутатов и его исполнительный комитет

Он. 1. Д. 66. Л. 38–41. Служебная записка начальника Сталинградского окружного отдела ОГПУ Астрова от 25 января 1930 г.

Ф. Р-3083. Административное управление Нижневолжского краевого исполнительного комитета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Он. 1. Д. 21. Документы I Краевого Церковного Митрополитанского Собора православно-обновленческих приходов (октябрь 1928 г.) и пленума Нижневолжского Митрополитанского Церковного управления (июнь 1929 г.)

Ф. Р-1772. Административный отдел Усть-Медведицкого окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Он. 1. Д. 32. Списки зарегистрированных религиозных организаций по Усть-Медведицкому округу за 1925 г.

Архив УФСБ по Волгоградской области

Ф. 6. Следственные дела репрессированных и реабилитированных

Он. 1.

Д. 10028–пф. Дело на Веденину Е. М. и др.

Д. 18632–пф. Дело на Чечко А. К. и др.

Д. 18632–пф. Л. 1–76. Приходская летопись Пантелеимоновской церкви хутора Летовский.

Д. 10267–пф. Дело на Белоножкина И. А. и др.

Периодические издания и сборники законодательства

1. Донские ведомости. 1919.
2. Север Дона (Орган Донского отдела осведомления). 1919.
3. Борьба. 1920–1924.
4. Красный Хопер. 1924–1930.
5. Собрание законов СССР. М., 1924–1929.
6. Собрание узаконений РСФСР. М., 1917–1930 гг.

Использованная литература:

1. *Агеев Е. А.* Деятельность Филоновского благочиннического совета Хоперского округа Донской епархии во время революции и Гражданской войны (1917–1920) // Известия ВГПУ. – 2017. – № 2. – С. 180–187.
2. *Агеев Е. А., свящ.* Документы Особой комиссии по расследованию действий большевиков при ГК ВСЮР (1919 г.) как источник по истории приходских храмов и монастырей современной Волгоградской митрополии в годы Гражданской войны // Вестник архивиста. – 2015. – № 4. – С. 52–65.
3. *Агеев Е. А., свящ.* Полвека из жизни донского хутора: приходская летопись Пантелеимоновской церкви хутора Летовский станицы Кременской Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского (1873–1929) // Вестник ПСТГУ. – 2016. – № 6. – С. 91–106.
4. *Агеев Е., свящ.* Из истории гонений на Церковь в XX веке: закрытие Усть-Медведицкого женского монастыря (по документам советской власти, 1927–1929 гг.) // Вестник Тульского государственного университета. Серия Теология. – 2014. – С. 113–118.

5. *Агеев Е., свящ.* Социальная деятельность женских монастырей на материале Саратовской и Донской епархий в XIX–первой трети XX века // Вестник Тульского государственного университета. Серия Теология. – 2015. – С. 249–254.
6. *Агеев Е., свящ.* Церковное краеведение в Урюпинской епархии // Антропологическое единство Православия, педагогики и психологии, сборник. – Волгоград, 2015. – С. 257–268.
7. *Агеев Е., свящ., Елисей (Фомкин), еп.* История Гусевского Ахтырского монастыря. – Урюпинск, 2017. – 48 с.
8. *Агеев Е., свящ., Елисей (Фомкин), еп.* История Свято-Троицкого Белогорского монастыря. – Волгоград, 2015. – 40 с.
9. *Агеев Е., свящ., Елисей (Фомкин), еп.* История Усть-Медведицкого Преображенского монастыря. – Волгоград, 2014. – 58 с.
10. *Агеев Е., свящ., Елисей (Фомкин), еп.* Святые обители: Монастыри Урюпинской епархии. – Набережные Челны, 2016. – 264 с.
11. *Беглов А. Л.* Приходской вопрос в истории и в трудах Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов (вступ. статья) // Документы Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустройении прихода. Под ред. Беглова А. Л. – М., 2017. – С. 5–81.
12. *Бирюкова Ю. А.* Донское духовенство и кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 г. // Журнал Московской Патриархии. – 2012. – № 12. – С. 64–71.
13. *Бирюкова Ю. А.* Епархиальное духовенство о церковно-государственных отношениях после революции: протоиерей П. В. Верховский об основах сосуществования Церкви и советской власти // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Актуальные проблемы истории Русской Православной Церкви в XX в. Поиск моделей церковно-государственных

отношений в России в первые послереволюционные годы. Материалы 2011 г. Т. 1. – М., 2012. – С. 132–135.

14. *Бирюкова Ю. А.* Избранные документы по истории приходов Шахтинского округа в 1920–1930 годах // Донской архив. Альманах Ростовской областной организации Российского общества историков–архивистов. Вып. 5. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 40–64.
15. *Бирюкова Ю. А.* Изъятие церковных ценностей на Дону в 1922 г. // Известия АМИ. – 2011. Вып. 6. – С. 6–11.
16. *Бирюкова Ю. А.* К истории изъятия церковных ценностей на Дону в 1922 г. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы X Международной научной конференции. – Иваново, 2011: в 2 ч. – С. 211–220.
17. *Бирюкова Ю. А.* Обновленческий и григорианский расколы на Дону и Северном Кавказе в 1920–1930-х гг. (В документах архивов Ростовской области) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г. – Екатеринбург, 2010. – С. 290–295.
18. *Бирюкова Ю. А.* Правовые формы сопротивления ростовского духовенства антицерковной политике советской власти в 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6 (12). – С. 37–41.
19. *Бирюкова Ю. А.* Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах. – Ростов-на-Дону, 2012. – 148 с.
20. *Бирюкова Ю. А.* Советское государство и приходы Донской епархии в 20-х – 30-х годах XX в. (по документам Шахтинского административного округа) // Донской архив. Альманах Ростовской областной организации Российского общества историков–архивистов. – Ростов-на-Дону, 2009. – Вып. 5. – С. 19–40.

21. *Бирюкова Ю. А.* Хроника кампании по изъятию церковных ценностей на Дону // Журнал Московской Патриархии. – 2013. – №11. – С. 64–68.
22. *Бирюкова Ю. А.* Церковь и власть: приходы Шахтинского административного округа Донской епархии в документах 1920–1930 годов. – Ростов-на-Дону, 2010. – 172 с.
23. *Бирюкова Ю. А.* Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. – 2017. Вып. 79. – С. 55–67.
24. *Бирюкова Ю. А.* Убит за то, что... поп. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России о гонениях на духовенство // Журнал Московской Патриархии. – 2018, № 8. – С. 80–85.
25. *Валентинов А.* Религия и церковь в СССР. – М., 1960. – 64 с.
26. *Власов А., свящ.* История храма Донской иконы Божией Матери слободы Гуляевки 1799–1967 гг. – Волгоград, 2017. – 144 с.
27. *Гидулянов П. В.* Церковь и государство по законодательству РСФСР: Сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V Отд. НКЮ. – М., 1923. – 100 с.
28. *Гидулянов П. В.* Отделение церкви от государства. Систематизированный сборник действующего в СССР законодательства. Издание третье. – М. Издательство Н.К.Ю. Р.С.Ф.С.Р. 1926. – 712 с.
29. *Гомулов В. И., Супрун В. И.* Хоперский округ: демографический и историко-географический справочник (XVIII–первая треть XX в.). – Волгоград, 2008. – 235 с.
30. *Граббе Г.* Правда о русской церкви на родине и за рубежом. – Джорданвилль, 1961. – 216 с.

31. *Дамаскин (Орловский), игум.* Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период // Православная энциклопедия: Русская православная церковь. – М., 2000. – С. 179–189.
32. Деятельность Центрального комитета партии в документах: события и факты. Сентябрь 1918–январь 1919 // Известия ЦК КПСС. – 1989. № 6. – С. 177–178.
33. Донская и Новочеркасская епархия // Православная энциклопедия. Т. 15. – М., 2007. – С. 667–678.
34. *Елисей (Фомкин), игум. и др.* Святые обители (Монастыри Волгоградской епархии). – Набережные Челны, 2008. – 304 с.
35. *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М., 2010. – 714 с.
36. *Еремин К. Г.* Солдатские версты. – М., 1960. – 174 с.
37. *Ермольев Н. В.* Очерки истории фроловской земли с древнейших времен до 1917 года. – Волгоград, 2015. – 352 с.
38. *Зелинский К., свящ. Агеев Е., свящ.* Урюпинская икона Пресвятой Богородицы. – Волгоград, 2017. – 148 с.
39. *Зыбковец В. Ф.* Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). – М., 1975. – 205 с.
40. И моя семья должна принадлежать истории: метод. пособие по составлению родословной / под ред. Л. И. Будченко, Н. Н. Смирнова. – Волгоград, 2007. – 200 с.
41. *Ианнуарий (Недачин), архим.* «Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917–начала 1919 года. – МПДА, Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. [Архангельск], 2013. – 431 с.
42. *Иванов С. М., Супрун В. И.* Православие на волгоградской земле: епархии и епископы. Ч. 1–2. – Волгоград, 2002. – 147 с.

43. *Кандидов Б. П.* Церковь и Гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы Гражданской войны). – М., 1931. – 295 с.
44. *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). – М., 2005. – 437 с.
45. *Кашеваров А. Н.* Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы советской власти. – СПб., 1999 г. – 327 с.
46. *Кириллов А.* Часовни, церкви и монастыри на Дону от начала их появления до конца XIX века // *Донская церковная старина*. Вып. 3. Новочеркасск, 1909. – С. 1–154.
47. *Клименко Н. М.* Из истории Троицкой церкви станицы Филоновской Новоаннинского района (1917–1965 гг.) // *Мир Православия: сборник научных статей*. Выпуск 3. – Волгоград, 2000. – С. 179–182.
48. *Клименко Н. М.* История Троицкой церкви станицы Филоновской Хоперского округа Области Войска Донского (1728–1917 гг.) // *Мир Православия: сборник научных статей*. Выпуск 2. – Волгоград, 1998. – С. 59–63.
49. *Климент (Наумов), иеромонах, Антонов Д. Д.* Список репрессированных священнослужителей и церковнослужителей Волгоградской епархии (вторая часть) // *Мир Православия: сборник научных статей*. Выпуск 8. – Волгоград, 2012. – С. 158–206.
50. *Косик О. В.* История сбора и распространения церковных документов (1920–1930-е гг.) (К постановке проблемы) // *Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви*. – 2010. Вып. II: 3 (36). – С. 48–66.
51. *Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков*. Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского. Сб. документов. – Лондон, 1992. – 508 с.

52. *Кривова Н. А.* Власть и Церковь в 1922–1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. – М., 1997. – 247 с.
53. *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. – М., 2016. – 732 с.
54. *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты: в 3 т. – М., 1996. – 670 с.
55. Материалы к жизнеописаниям репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии // Под ред. Агеева Е., свящ. – Волгоград, 2011. – 148 с.
56. *Маякова И. А.* Ермоген (Кожин) // Православная энциклопедия. Т. 18. – С. 658–660.
57. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России. 1918-1922. – Берлин, 1924 (современное изд.: М. 2006). – 203 с.
58. *Мельникова В. В.* Усть-Медведицкий Преображенский женский монастырь и его настоятельница игуменья Арсения (Анна Себрякова) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 2. – Волгоград, 1998. – С. 53–58.
59. *Никон, иг.* Монахиня Раиса (Е. В. Кривошлыкова). 2 изд. – Владимир, 2008. – 28 с.
60. Обновленческий раскол: материалы для церковно-исторической и канонической характеристики / сост. И. В. Соловьев. – М., 2002. – 1062 с.
61. Очерки по истории Волгоградской епархии Русской Православной Церкви. – Волгоград, 2003. – 426 с.
62. *Польский М.* Новые мученики Российские. – Джорданвилль, Т. I, 1949; Т. II, 1957. – 287 с.
63. *Поляков В. А.* Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. – Волгоград, 2007. – 541 с.

64. *Поляков В. А.* Советская власть и голод в 1920-е годы: реакция народных масс (на примере урюпинской Христорождественской церкви) // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 2. – Волгоград, 1998. – С. 76–82.
65. *Пономарев М. В.* Документы ГУ ГАВО – источник по истории церковного раскола в 1920-х гг. на Нижней Волге // Архивное дело Волгоградской области 1923–2008: итоги, достижения, перспективы // Материалы научно-практической конференции. – Волгоград, 2008. – С. 79–84.
66. *Пономарев М. В.* Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви на Нижней Волге в 1920-х–1930-х гг. // Вопросы краеведения: материалы XVIII и XIX краеведческих чтений. – Волгоград, 2008. – С. 385–390.
67. *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. – М., 1995. – 511 с.
68. Православие на Фроловской земле. Под ред. прот. Ф. Андрощука. – Волгоград, 2009. – 249 с.
69. *Регельсон Л.* Трагедия русской церкви, 1917–1945. – Париж, 1977. – 625 с.
70. *Редькина О. Ю.* Духовенство Юга России в период общественно-политического кризиса март 1917–январь 1918 гг.: в поисках гражданского мира. // Юг России: реформы, революции, поиски гражданского мира (памяти П. А. Столыпина): Материалы Региональной научной конференции, 1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 155–161.
71. *Редькина О. Ю.* Клировые ведомости православных приходов Юга России как исторический источник // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы Международной научной конференции. 20–23 сентября 2011 г. Часть II. – Элиста, 2011. – С. 100–103.

72. *Редькина О. Ю.* Новые формы религиозной жизни населения Царицынской (Сталинградской) губернии в 1921–1927 гг. // Гуманитарное образование и медицина: сборник научных трудов. Т. 63. – Волгоград, 2009. – С. 163–170.
73. *Редькина О. Ю.* Религиозная ситуация на Нижней Волге в 1930-х гг.: по документам фондов ГАВО // Архивное дело Волгоградской области 1923–2008 гг.: итоги, достижения, перспективы. Материалы научно-практической конференции. Волгоград, 20 ноября 2008 г. – Волгоград, 2008. – С. 45–52.
74. *Редькина О. Ю.* Религиозные организации и голод в Царицынской губернии 1921–1922 гг. (по материалам периодической печати). // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 3. – Волгоград, 2000. – С. 194–225.
75. *Редькина О. Ю.* Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. – Волгоград, 2004. – 706 с.
76. *Редькина О. Ю., Савина Т. А.* Православные приходы Урюпинского и Правоторовского благочиний Донской епархии во второй половине XIX–XX веке: по страницам клировых ведомостей // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 7. – Волгоград, 2008. – С. 227–305.
77. *Рябов С. И.* Усть-Медведицкий округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.) (Историко-статистическое описание поселений). – Волгоград, 2012. – 448 с.
78. *Рябов С. И.* Хоперский округ Области Войска Донского (1870–1916 гг.) (Историко-статистическое описание поселений). – Волгоград, 2012. – 532 с.
79. *Серафим (Наумов), иеродиакон, Антонов Д. Д.* Список репрессированных священнослужителей Волгоградской епархии // Мир Православия: сборник научных статей. Выпуск 7. – Волгоград, 2008. – С. 305–353.
80. *Синельников С. П.* Расцерковление донских казаков в 1920–1930-е гг. (На примере прихода Покровской церкви ст. Урюпинской Хоперского округа) // Альфа и Омега. – 2011. № 3(62). – С. 84–113.

81. *Синельников С. П.* Смутное время 1913–1920 гг. глазами священника. Церковноприходская летопись Христо-Рождественской церкви и прихода Урюпинского ярмарочного поселения, составленная священником Петром Протопоповым // Волга. – 2000. № 413. – С. 97–197.
82. *Синельников С. П.* Церковно-приходские летописи конца XIX–начала XX в. в Госархиве Волгоградской области // Отечественные архивы. 2005. № 4.
83. Список церквей Донской епархии // Донские епархиальные ведомости. – 1905. № 3. – С. 169–192.
84. *Табунщикова Л. В., Шадрина А. В.* К проблеме закрытия православных церквей на Дону в конце 1920-х–1930-е гг. // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2012. Вып. 6 (49). – С. 35–44.
85. *Фриз Г.* «Вся власть – приходам»: возрождение православия в 1920-х гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – № 3–4 (30). 2012. – С. 86–105.
86. *Чанышев А. Н.* Моя жизнь (воспоминания лоха). – М., 2010. – 250 с.
87. Черная книга («Штурм небес»). Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. / Сост. А. А. Валентинов. – Париж, 1925. – 294 с.
88. *Шихаев Б.* Боевая жизнь 16 стрелковой Ульяновской имени Киквидзе дивизии. – М. – Л., 1926. – 56 с.
89. *Шишкин А. А.* Сущность и критическая оценка обновленческого раскола в русской православной церкви. – Казань, 1970. – 366 с.
90. *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви. – СПб., 1999. – 99 с.
91. *Яценко В. Г.* Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону. – М., 2008. – 147 с.

Электронные ресурсы:

1. *Бирюкова Ю. А.* Советское государство и Церковь в 1920–1930-е годы: Характер от ношений на местах (На материалах архивов Ростовской области). // Гуманитарные и социально–экономические науки. – 2009. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hses-online.ru/2009/06/09_00_13/01.pdf. (Проверено 05.06.2019 г.)
2. *Дамаскин (Орловский), игум.* Сложности изучения судебно-следственных дел, имеющего целью – включение имени пострадавшего священнослужителя или мирянина в собор новомучеников и исповедников Российских [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vladkan.ru. (Проверено 16.12.2018 г.)
3. *Синельников С. П.* Письменные источники XIX–XX вв. об Урюпинской иконе Божией Матери [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru>. (Проверено 22.07.2017 г.)
4. *Синельников С. П.* Судьба религиозного образования на Дону в 1917–1925 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru>. (Проверено 22.07.2017 г.)
5. *Ювеналий (Поярко), митроп.* Доклад на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви 20 августа 2000 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.patriarchia.ru. (Проверено 22.07.2017 г.)
6. *Яценко В. Г.* Расцвет повстанческого движения на Нижней Волге и Среднем Дону (весна – лето 1921 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socialist.memo.ru>. (Проверено 16.12.2018 г.)